

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2019
№ 1(9)

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 1(9)
2019

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2019
№ 1
(9)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент, Республика Молдова
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2019
№ 1
(9)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
S. M. Nazariia, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Republic of Moldova
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:

196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-93-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.Е. Кислый

Об одном из этапов появления социально-проблемных гендерных отношений: теория, бытовая практика первобытности, современность..... 8

О.С. Мутиева

Женский досуг в контексте повседневной жизни Дагестана XIX в. 23

Д.Ю. Исповедников

«Женский вопрос» в жизни командного состава РККА в 1920-е гг. 30

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

М.В. Оськин

Вещевое снабжение русского солдата в период Первой мировой войны: климат и военная форма в окопах..... 54

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Д.А. Мельникова

Хозяйственное и техническое обеспечение государственных конских заводов Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в. 66

А.А. Ефимов

Организация торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны (по материалам архивных фондов учреждений Министерства императорского двора)..... 81

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А.А. Карabanов

Обзор конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в конце XIX – начале XX в. (на материалах Олонецкой губернии)..... 91

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Т.Н. Минникова

Русский сфинкс..... 106

ЭТНОГРАФИЯ

С.Н. Алнаддаф

Посольство Яхья бен аль-Хакима аль-Газала в Нормандию в 845 г. ... 122

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Е.Н. Моисеева

Повседневная жизнь русско-французской писательницы
и путешественницы княгини Лидии Пашковой
на Ближнем Востоке в 70–80-е гг. XIX в. 131

Е.В. Никуленкова

Сергей Митрофанович Дубровский –
один из первых представителей новой формации
советских историков-марксистов. 142

Сведения об авторах 155

Contents

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

A.E. Kisly

On the one of the stages of socially problematic gender relations emergence: theory, everyday practices of primitiveness, modernity..... 8

O.S. Mutieva

Women's leisure in the context of the daily life of Dagestan of the XIX century..... 23

D.Yu. Ispovednikov

«The woman question» in the life of commanders of the Red Army in the 1920s..... 30

MILITARY EVERYDAY LIFE

M.V. Os'kin

The clothing supply of the Russian soldier during the First World War: the climate and a military uniform in the trenches..... 54

ECONOMIC DAILY LIFE

D.A. Mel'nikova

Economic and technical support of state horse factories of the Russian Empire from the second quarter of XIX – beginning of the XX centuries..... 66

A.Ai. Yefimov

Organization of alcohol merchandise in the palace towns during the World War I (on the basis of archival funds of the Ministry of the Imperial Court)..... 81

REGIONAL ASPECTS OF HISTORY OF DAILY LIFE

A.A. Karabanov

Overview of conflict trends in the life of the Russian peasant community in the late XIX – early XX century (on materials of the Olonets province)..... 91

PHILOSOPHY OF EVERYDAY LIFE

T.N. Minnikova

Russian sphinx..... 106

ETHNOGRAPHY

S.N. Alnaddaf

Embassy of Yahya Bin Al-Hakim Al-Ghazal to Normandy in 845..... 122

PERSONALITY IN HISTORY OF EVERYDAY LIFE

E.N. Moiseeva

Daily life of the Russian-French writer and traveler
Princess Lydia Pashkova in the Middle East
in the 70–80-s of the XIX-th century. 131

E.V. Nikulenkova

Sergey Mitrofanovich Dubrovskiy – one of the first representatives
of a new generation of Soviet historian-marxists 142

About Authors 156

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94:316.346.2

ГРНТИ 03.09.21: Первобытное общество

А.Е. Кислый

Об одном из этапов появления социально-проблемных гендерных отношений: теория, бытовая практика первобытности, современность

Автор полагает, что проблема гендерных отношений не может быть раскрыта без диалектического представления воспроизведения жизни начиная с периода антропогенеза, а также без тщательного изучения отношения полов в период перехода к производящему хозяйству. В большинстве случаев в исторических гендерных исследованиях мы пользуемся старыми представлениями, восходящими к XIX – первой половине XX в., тогда как в археологии, истории первобытного общества, в исторической демографии и других дисциплинах сделаны открытия, позволяющие видеть гендерные студии как один из способов нового осмысления практически всего воспроизведения жизни в наиболее широком понимании термина «воспроизведение жизни», абстрагируясь от непосредственного ее воспроизведения. Один из выводов работы состоит в том, что патриархат первобытного и традиционного обществ в современном понимании – это не власть мужчин и даже не патриарха, а вынужденная мера сегрегации части населения, включая мужское потомство, это время появления системно нового качества населения, эксплуатируемых возрастных классов.

Ключевые слова: гендерные отношения, диалектика воспроизведения жизни, первобытное общество, продолжительность жизни, сегрегация мужского потомства.

A.E. Kisly

On the one of the stages of socially problematic gender relations emergence: theory, everyday practices of primitiveness, modernity

The author argues that problem of gender relations cannot be revealed without dialectical idea of reproduction of life, starting from the period of anthropogenesis as well as without precise study of the relationship of the sexes during the transition to a productive economy. In most cases, while dealing with studies on history and gender, we use old ideas going back to the XIX – first half of the XX centuries. In the same time in archeology, the history of primitive society, in historical demography and other disciplines, discoveries were made, allowing to see gender studies as one of the ways of new thinking about almost the entire reproduction of life in the broadest sense of the term “reproduction of life”, abstracting from her direct reproduction. One of the conclusions of the work

© Кислый А.Е., 2019

© Kisly A.E., 2019

is that the patriarchy, in the modern sense of the word, of primitive and traditional societies – is not the power of men and not even the patriarch, but a necessary step of segregation of part of the population, including male progeny. It was a time of emergence of a systematically new quality of the population, the exploited age classes.

Key words: gender relations, dialectic of life reproduction, primitive society, life expectancy, segregation of male posterity.

Принято считать, и большинство специалистов-профессионалов в области гендерной проблематики согласятся, что историография гендера своими корнями в новейшее время уходит в феминистические движения и исследования. Однако парадоксально, что именно не гендерно-сбалансированный, а односторонний женский взгляд на проблему поднял отношения полов и понимание таких отношений до уровня рациональной, назревшей в обществе абстракции. Далее феминизм остается актуальным в своей сфере, а гендер становится одним из способов нового осмысления практически всего воспроизведения жизни в наиболее широком понимании термина «воспроизведение жизни» и опять же абстрагируясь от непосредственного ее воспроизведения.

И все же, несмотря на широту гендерной тематики, два направления общего дискурса остаются по-прежнему на уровне феминизма (несколько здесь условно) или на уровне полового, а не социального понимания проблемы. Теоретизируя, можно заключить, что вопрос во все не в «родимых пятнах» феминизма, а в недостаточном взаимопроникновении наук. Этот наш посыл будет раскрыт в последующем изложении. В научном проговаривании проблем гендера, с одной стороны, практически нет современных фундаментальных исследований о начале наиболее острых гендерных противоречий. В этом вопросе, прибегая к историографии, исследователи чаще всего ссылаются на классические работы о первобытных отношениях при матриархате-патриархате (или «минус матриархат» в связи с тенденциями его исключения из ранней истории человечества [1]). С другой стороны, вопрос о социальной, а не половой роли мужского населения в гендерном воспроизведении жизни. Последнее может показаться достаточно странным, ведь именно преобладающая роль мужчины в наибольшей мере выпячивается во всей истории с древнейших времен. Она, кажется, вполне очевидна от уровня истории повседневности и до уровня истории политической.

Далее для изложения сути и принципиального понимания поднимаемых вопросов важна общетеоретическая социологическая модель. При этом такая модель несколько будет отличаться от известной общепринятой. Суть ее в определенном смысле состоит в том, что любые значительные трансформации в истории (т. н. прогресс) связаны в своей основе не с фундаментальными открытиями (изобретение про-

изводства орудий труда, открытие производящего хозяйства – земледелия, скотоводства, паровой машины и т. д.), а с системными кризисами. Именно системные кризисы в воспроизведении жизни на планете со времени начала антропогенеза и появления человека в диалектике отношений «природа-социум» требовали от человека неприродных творений, такого, что сама природа не могла породить. Этот конфликт наиболее общий, основной в истории человечества, в развитии его производительных сил, и понятно, что он наиболее всеобъемлющий, максимально выходит за рамки классовых или иных противоречий, которые, согласно классическим моделям должны двигать историю. При этом мы не утверждаем, что старые модели не верны. Как и всякие научные модельные построения, объясняющие закономерности или тенденции истории, они верны в определенных рамках. И проблема лишь в том, что многие исследования в области археологии, первобытной истории, исторической демографии (палеодемографии) и генетики последних десятилетий требуют не частичного улучшения старых теорий (такими, к примеру, была «ликвидация» матриархата, понимание социальной роли полов и связанной с этим продолжительности жизни мужчин и женщин, понимание неоднородности антропогенеза и др.), а построения полноценной современной модели или теории трансформации воспроизведения жизни на планете со времён начала антропогенеза. При этом такая модель не может быть чисто экономической или культурологической, или периодизационно-стадиальной, как модели Друкера-Росту, или цивилизационно-мирсистемной и т. п. Она должна быть системной – не в смысле конструктивно-механической взаимосвязи элементов, а в смысле логики исторических трансформаций (не «исторического прогрессивного развития»!), имеющих начало и конец, – соответственно, внутренне диалектической, подобно модели, некогда предложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом. Должны «прочитываться» диалектические составляющие – переход количества в качество, единство и борьба противоположностей, что, понятно, приводит к т. н. «скачкообразным», вернее, разноэтапным циклическим переходам и т. д., – т. е. не просто очевидная даже для эмпирического уровня прокламация «цивилизационных» или стадиально-прогрессивных достижений. В истории нет одностороннего движения, «старение» населения, к примеру, это общая закономерность, а не недостаток «развитых» стран.

Диалектическая составляющая модели должна работать и как теория исторического познания, и как отражение общеисторических, реальных процессов. Цивилизационный подход к проблеме здесь не работает, ибо уже Маркс-Энгельс пошли далее, однако их модель была ограничена наиболее явственно актуализированной теорией классов. В социологии проблема назрела давно, полагаем, что об этом

свидетельствует количественный рост всяких, в т. ч. прикладных, социологий.

Попытка введения в диалектику истории требуемой модели с учетом всех новых данных предпринята сравнительно недавно [2; 3]. Но остаются два чисто технические момента. Социологи не читают теоретические демографические и археологические труды. С археологией население и ученые (не археологи) знакомятся на «музейном» уровне. Демографы в большей мере заняты демографической «частной» статистикой, и факты демографической истории для системной периодизации истории попытались осмыслить системно не демографы [4], безусловно, с критикой демографов.

Далее, инерция научного мышления. Хотя нет ничего практичнее хорошей теории, в реальности проще в наш рациональный век получить финансирование на исследование проблем мужского-женского здоровья, чем на финансирование непонятных теорий, объясняющих явление как гендерную историческую трансформацию.

В диалектике хода истории, что излагать здесь подробно не совсем уместно, кризис присваивающей экономики потребовал сначала значительного расширения территории обитания человека, медленного роста численности населения, что могло длиться тысячелетиями, а затем жесткой необходимости появления неприродного нового качества населения. Для разных периодов истории такое качество населения было разным [3, с. 237–322; 258]. Для исследуемого исторического периода – это маскулинизированное население, а именно население с повышенной численностью мужчин в первобытных коллективах, в социумах, вынужденных переходить к производящему хозяйству в целом. О трудностях, неблагоприятностях перехода к производящему хозяйству, нежелании первобытных коллективов переходить к новому «прогрессивному» хозяйствованию, о большей рациональности присваивающего хозяйства писалось давно [5], однако эти фундаментальные открытия остались для социологов практически неизвестными. По-прежнему в исторических реконструкциях наиболее приемлема схема «изобрели, открыли, далее – новый этап развития». Нами дополнительно подчеркивалось, что любое технико-технологическое новшество должно быть не просто открыто, оно должно стать востребованным. Более того, многие т. н. «открытия», скажем технологии производящего хозяйства были известны веками и тысячелетиями, задолго до революции производящего хозяйства, но в них не было потребности.

В принципе же, каждый новый этап социальных трансформаций приводил к появлению диалектически затребованного нового качества населения. Для эпохи перехода к производящему хозяйству таким качеством населения была его маскулинизация. В количественных па-

раметрах это находило выражение в большем количестве мужчин по сравнению с женщинами в древнейших коллективах (рис. 1).

Но необходимая численная маскулинизация населения в эпоху первобытности могла быть реализована лишь одним способом – через меньшую продолжительность жизни женщин и более высокую продолжительность жизни мужчин. Так выглядело системное историческое окончание потребности в матриархате и начало патриархата. «Закрытие» же матриархата, случившееся во второй половине 60-х, было ошибочным, ибо не учитывало весь комплекс данных о воспроизведении жизни в первобытном обществе, матриархат мыслился на уровне теорий XIX в. Впрочем, новое «открытие» матриархата на основах феминизма не конструктивно. Исходить из значения гендерной роли женщин в истории и восстанавливать её лишь потому, что необходимо доказать историческое равенство полов, что есть такая гендерная потребность, теперь не исторично и не научно. Однако требуется переосмысление имеющихся фактов, в т. ч. и понимания необходимого в концепции матриархата смысла термина «ἀρχή» [6].

Опять же, десятки этнографов отлично знали, что в первобытном обществе и далее убивали девочек и/или за ними в меньшей мере присматривали чем за мальчиками. Но системного объяснения этому не было, многократно исследовались способы убийства, ритуалы и проч. Для системного понимания гендерных проблем той эпохи неважно, каким способом убивали девочек. Даже неважно, как достигалась более высокая продолжительность жизни мужчин. Важен сам факт возникшей потребности в труде и в целом в жизнедеятельности мужчин. Относительно уровня непосредственного воспроизведения жизни отметим, что одна женщина может обслужить в быту нескольких мужчин, родить 6–10 детей. Из этих детей останутся к моменту начала репродуктивной деятельности 1–2 особи женского пола и 2–4 особи мужского. То, что так было на большей части ойкумены, продолжительность жизни мужчин была выше женской в эпоху перехода к производящего хозяйству, нами показано на археологических материалах давно [7].

Практически большинство человеческих коллективов в период перехода к производящей экономике (а этот переход мог длиться тысячами) отличались маскулинизацией населения. То есть характерным было социальное «искривление природного» состава населения. Однако коллективы, не имевшие особых сложностей с переходом, коллективы со сбалансированной экономикой земледельческо-скотоводческой направленности – как правило, это развитые центры цивилизации – проблемы искривления преодолевали сравнительно легко. Население зон аридных, засушливых, островные или северные коллективы, испытывающие трудности развития, могли иметь значительный перевес в численности мужского населения. Поэтому

соответствующие этнографические свидетельства в большей мере происходят именно из таких территорий. К примеру, зоны евразийских степей в эпоху энеолита-бронзы, а также в раннем железном веке имели значительный численный перевес мужчин, иногда в два раза [3]. В закрытых коллективах, где не было возможности обмена товарами и женщинами, перевес мог достигать 3:1, все время нарастая. Такой пример приводит Н.Н. Миклухо-Маклай [8]. При написании Ф. Энгельсом работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» не были еще известны все данные о необходимости маскулинизации. По этой причине не было в построениях Ф. Энгельса той системности, что учитывала бы диалектику гендерных трансформаций, он просто принял концепцию Моргана и построил понятную для того времени периодизацию, где первый период был матриархатом. Однако интуиция ученого подсказала ему проблемность положения женщины в период именно перехода к воспроизводящему хозяйству. По нашему мнению, о завершении такого перехода можно говорить с появлением имущественных классов, государственности. Энгельс замечает, что «женщины стали редки», а с появлением обмена, торговли женщины стали покупаться [9, с. 52, 61], они приобрели меновую стоимость, что и спасло их от излишнего уничтожения, девочек стало выгодно растить. Половые диспропорции приводили к крушению древних культур, миграциям и войнам. Эти факты хорошо известны, но, как правило, при отсутствии системного анализа крушение культур «списывали» на природные катаклизмы, а миграции связывали просто с перенаселением. Хотя в условиях воспроизводящего хозяйства и то, и другое, в принципе, могло в значительной мере преодолеваться за счет развития производительных сил. К сожалению, Ф. Энгельс не успел об этом написать.

Автору этой статьи в Институте экономики НАНУ (отдел демографии и воспроизводства трудовых ресурсов) несколько лет с конца 80-х довелось изучать закономерности воспроизведения населения по археологическим материалам, обосновывать социальные потребности нового качества населения, его маскулинизацию для ряда древних культур эпохи бронзы. Позже, когда гендерная тематика стала особо актуальной, мною при подготовке публикации [10] было замечено, что тематика гендерных отношений входит в круг моих интересов. Это вызвало удивление коллег. Ведь гендер мыслился лишь недавно актуализированной проблемой, связанной с современными правами женщин, но не с археологией! Подобно этому в 1990-х в одном из научных историко-археологических изданий («Российская археология» или «Этнография») в начале статьи кем-то было замечено без ссылки на мои работы, что придется согласиться с большей продолжительностью жизни мужчин в первобытном обществе. Искать этот номер журнала недосуг, но эти примеры показывают, насколько весь спектр

данных о трансформации гендерных отношений с ранней первобытно-сти неправильно понимался и не вполне учитывался. Сегодня появляются работы, в основном зарубежные, где упоминается о возможной маскулинизации древнего населения, а популярные издания шокируют читателей будущим исчезновением половых различий и т. п. Задача системности анализа отходит на второй план перед частностями.

Как выглядела история повседневности первобытных коллективов в начале развития патриархальных отношений, а также многих коллективов, где переход к воспроизводящему хозяйству, к государственности затянулся во времени, был осложнён по каким-то причинам? Демоэкономика таких коллективов была значительно искривлена социальными потребностями и была диспропорциональна. Без значительного численного перевеса мужского населения социум не мог существовать. Если по каким-то причинам не могла быть реализована маскулинизация населения (социально-демографическая маскулинизация), то такие социумы переживали «эффект амазонок», своеобразный «не природный», а социально-демографический матриархат.

В обычных коллективах чаще всего женская часть населения (та, которая получала «право» на жизнь) продолжала исполнять свои репродуктивные функции в первую очередь. Главная задача женщины была обеспечить потомство, и преимущественно потомство мужское. Значительная же часть мужского населения впервые претерпевает феноменальное в истории неравенство и сегрегацию.

Далее для характеристики повседневности того времени можно приводить десятки письменных, этнографических, исторических свидетельств. Их в одной статье преподнести невозможно. Поэтому сосредоточимся преимущественно на таком великолепном, но мало используемом историческом источнике, как Ветхий Завет¹.

Библия, подобно многим источникам, четко свидетельствует не только о том, что мужчины были на первых ролях, но и о том, что их продолжительность жизни была выше. Это тот резерв прочности выживания в условиях перехода к новым отношениям, борьбы за новые земли и ресурсы, без которого невозможно было воспроизведение всей жизни. Когда в исследованиях провозглашается, что всегда продолжительность жизни женщин была выше во все эпохи [12; 13], хочется спросить: вы читали хотя бы Библию? Как вы понимаете возможность межплеменных войн первобытности, борьбу за ресурсы, освоение новых земель, уход за основным богатством – стадами и проч., если в населении не будет численно преобладающим мужское потомство? Библия, многие мифологические источники, скажем, Ригведа, оказываются менее мифологичными, чем сознание ученых.

¹ Ссылки приведены по неканоническому изданию [11].

Ветхий Завет передает наиболее архаические и стойко сохранные представления о состоянии в обществе женщин и мужчин в те времена, когда необходимо было племени выживать, причем в столкновении с другими этносами при освоении ранее незнакомых пространств. Без противостояния нет этнического развития и необходимого разнообразия. О большей продолжительности жизни мужчин в сравнении с женщинами узнаем в нескольких случаях, например, сравнивая жизненный путь семей Якова и Рахиль, Исаака и Ревеки и др., хотя, как правило, Библия о смерти женщин, даже если это жены патриархов, вообще не сообщает. В случае с Сарой – «владычицей вообще», «всех народов», – по словам блаженного Иеронима [14, с. 2007], которая получила такое имя лично при обете относительно многочисленного потомства от Яхве, извещаются точные данные: Авраам умер в 175 лет, а Сара в 127. Безусловно, здесь имеют значение не абсолютные цифры, важна передача традиционных представлений о соотношении мужской и женской продолжительности жизни. Обратим внимание на причину смерти Рахиль. Она умирает при родах (Бытие, 35, 18). Как свидетельствуют этнографические источники, именно огромная нагрузка на женский организм во время частых родов была одной из причин женской сверхсмертности у кочевых и близких им народов [15, с. 111].

Если для территории Северного Причерноморья и других зон ойкумены маскулинизация населения доказана на основе анализа археологических материалов [2], то книга Бытия дает одно из наиболее ранних письменных свидетельств такого положения дел. Как замечено выше, наиболее общая причина маскулинизации – необходимость в большем приросте мужской части населения определенных первобытных коллективов. Показатели сверхсмертности – это только реализация закономерного процесса. Этнографических свидетельств экономического преимущества сына перед дочерью более чем достаточно. Даже с позиций христианства в средневековой Европе традиционная общественная мысль совсем не осуждала желания избавиться от новорожденных девочек, т. е. отношение к деторождению и в христианстве не такое уже нечеткое, как порой кажется [16, с. 24]. Сам Фома Аквинский подводил под традиционные представления такую теоретическую базу: «Благодаря дьявольскому вмешательству мужское семя иногда оказывается порченным, ... в зародыше оказывается слишком много воды, тогда рождаются девочки» [17, с. 118].

Следующая особенность быта тех времен – такая зависимость от «правильного» прироста населения и основной ресурсной базы (земли, скота), что она становится частью религиозных воззрений, социальных практик. Понятие размножения было настолько ценно, что входило даже в завет с божеством, оно составляло часть идеологических взглядов и должно было находить также соответствующие воплощения: «Я размножу вас как звезды на небесах» (Бытие). На этом этапе развития появляется понятие сверхособенности того, кто на

земле обеспечивает размножение, продолжение рода, кто становится исключительным уже потому, что остальные мужчины племени (рода) оказываются от него в зависимости, и потому, что он владеет женщинами, старшими братьями, потомством, землей и стадами.

Достаточно внимательно прочитать Ветхий Завет, чтобы ощутить особенности и колорит жизни скотоводческого патриархального общества пустынных зон, где выживание племени зависело прежде всего от наличия определенного постоянного числа мужского потомства. Подтверждением схемы, в соответствии с которой продуктивные силы кочевников требовали усиленного прироста мужской части населения, стало бы выявление в текстах Библии определенной закономерности в смертности-рождаемости по признаку пола и, соответственно, отличии в экономическом значении полов. Прямо или опосредствованно соответствующую информацию в Библии находим. Это и определение родства по отцовской линии, и оригинальная связь таких понятий, как рождаемость и плодовитость, с мужчинами, а не с женщинами. Например, красноречива многократно повторяемая формула: «Авраам родил...», «Лемех родил...» и т. д. (Бытие, 5 и др.), или Яхве – Иакову: «Цари выйдут из бедер твоих...» (Бытие, 35, 11). Вспомним чудесные случаи рождения Афины из головы Зевса, Савитри – из тела Брахмы, Евы – из ребра Адама. Очевидно, что в какой-то миг истории хозяину-мужчине не давала покоя мысль, что он может все, кроме одного, – родить из своего тела, как это получается у женщины¹.

Наряду с полом также возраст человека в соответствии с Библией имеет довольно четкую социальную детерминацию. В нескольких местах библейского рассказа есть указание на значимость трех возрастных рубежей: 5 лет, 20 лет и 60 лет. Пять лет – это возраст, начиная с которого ребенок воспринимается как социально значимое существо, его начинают оценивать в денежном определении (Левит, 27). Это полностью согласуется с данными этнографии, которые свидетельствуют, что у многих народов дети с пяти лет привлекаются для помощи взрослым [18, с. 96]. С двадцати лет устанавливается новая, более высокая цена, она остается такой до шестидесятилетнего возраста. Как понимать эти возрастные рубежи? Есть еще одно место в текстах Ветхого Завета, которое помогает ответить на вопрос. Однажды, оби-

¹ По свидетельствам этнографов обычай «кувада» был широко распространен в прошлом у народов Старого и Нового Света. Иногда дело доходило до трагедии, что прослеживается у племен Сибири и индейцев Америки. Специалисты достаточно давно (Д. Фрезер и др.) сомневались, что обычай связан с доказательством прав отца на потомство. Заметим, в большинстве наблюдаемых коллективов, а тем более у библейских ибри, не было потребности доказывать власть и собственность патриарха. Но была протоидеологическая потребность доказательства (или демонстрации) абсолютных возможностей патриарха. Это едва ли не первое в истории человека искривление естественных норм жизнедеятельности идеологией. С ним связан также запрет на натуральные изображения.

девшись на нарушение соглашений со стороны избранного народа, Яхве в гневе решает, что ибри будут наказаны таким образом: земли обетованной по его повелению не увидят те, кому больше 20 лет, а состоится приход ибри в Палестину через 40 лет, т. е. когда двадцатилетним будет 60! Таким образом, становится очевидным, что эти рубежи знаменуют возраст, когда начинается и прекращается ответственность человека за свои поступки, политическая дееспособность индивида. Тем не менее до 60-летнего возраста доживало не очень много людей. Это подтверждается и палеодемостатистикой. Поэтому Яхве и было предусмотрено, чтобы ибри во главе с Моисеем «ходили по пустыне сорок лет, пока не закончилось все то поколение, что делало зло в его глазах» (Числа, 32, 11–13). На самом деле продолжительность поколения этого населения согласно палеодемостатистическим аналогиям [19, с. 118, 122, 123] равнялась почти 20 годам, что было близко к средней продолжительности жизни. Таким образом, в Библии идет речь о поколении современников, т. е. о вымирании на протяжении следующих 40 лет тех, кто в дееспособном возрасте знал другую религию и иные заветы.

В связи с этим проведем некоторые сравнения. Библия уделяет большое внимание вопросам «социологии» возрастного состояния человека, наверное, даже больше, чем классическая социология недавнего прошлого, особенно если учитывать возрастание личной свободы, произошедшее за последние 2–3 тысячелетия. Собственно, возрастная социологии личности фактически только начала развиваться примерно последние полвека, хотя исследование исторических перемен и констант, выявление закономерностей здесь дало бы практически значимые результаты.

Актуальность исследований в таком направлении была отмечена еще А. Сови: «К борьбе классов добавляется противоборство поколений, которое носит менее ожесточенный характер», – писал он в 1960-е гг. Выдающийся демограф назвал основные составляющие проблемы («старость живет за счет работы взрослого населения», даже за счет детей; сегрегация старости – антигуманна; молодые люди общества, которое стареет, «больны» консерватизмом, отсутствием жизненной энергии), но ученый считал в свое время, что противостояние поколений «никогда не обнаруживается открыто, так как в действительности эти взаимоотношения более замаскированы, чем социальные» [20, с. 97–98].

После раздумий А. Сови прошло время, и появилось такое определение проблемной ситуации, как ейджеизм. Это термин прежде всего американской социологии для обозначения явления дискриминации одной или же нескольких возрастных групп по отношению к иным возрастным группам населения, часто по отношению к людям преклонного возраста. Некоторые детали в понимание проблемы может внести обращение к исторической демографии.

В современных обществах с повышенным количеством людей старшего возраста актуализируются моральные проблемы и проблемы распределения социальных благ. Но разве этих благ в развитых странах стало меньше, чем 50–60 лет назад, а моральные качества общества так ухудшились? Корни проблемы уходят значительно глубже, нежели в полувековую историю. В одном из исследований на эту тему подаются такие своеобразные выводы. Люди архаического общества в результате незначительной продолжительности жизни словно концентрировали жизненную энергию, стараясь в максимально короткий период времени реализовать свои возможности. Они раньше взрослели, раньше развивались умственно и раньше начинали реализовывать свои способности. «Если обратиться к новейшему времени, то мы сталкиваемся с парадоксальным на первый взгляд явлением. В век... скоростей люди живут замедленной по своим реализационным возможностям жизнью. Подобное положение, скорее всего, объясняется только одним – увеличившейся продолжительностью жизни, которая привела как бы к «растягиванию» жизненной энергии каждого отдельного индивидуума» [21, с. 17]. Такой вывод перекликается с выявленным А. Сиви консерватизмом современной молодежи. Итак, как считает В.Б. Вилинбахов, возникло явление обратного порядка. Если архаическое общество отмечалось жесткой общественной структурой и слишком подвижной психикой, которая была предельно неуравновешенна в своих проявлениях, то общество нового времени, наоборот, имея довольно подвижные структуры (отсутствие жестких регламентов, табу и др.) своих социальных систем, отличается сравнимым консерватизмом своей психической структуры. В определенной мере это играет роль тормоза и оказывает содействие засилью геронтократии, ведь в древности к власти приходили уже в возрасте 35–40 лет, этот возраст считался немолодым. С последним тезисом тяжело согласиться в том смысле, что до более преклонного возраста даже в первобытном обществе доживала определенная часть людей, и они пользовались властью и уважением. Возрастная стратификация общества тогда играла значительную роль, и потому категория 35–40 лет тоже своевременно занимала свою нишу в обществе [22, с. 120]. Тем не менее действительно в последнее время социологи отмечают социальный инфантилизм и апатию молодежи вообще.

Но главное, что отличает архаическое общество от общества нового времени и служит сегодня причиной социологических деструкций – это разное количественное соотношение членов общества тех возрастных категорий, которые знаменуют власть, и тех, которые только вступают в самостоятельную жизнь или же еще не имеющих полной самостоятельности. При той психической подвижности архаического общества значительная часть населения молодого возраста всегда имела потенциально дестабилизирующее значение. На это мало обращали внимание, но остается фактом, что в первобытном, а также и в традиционном обществе вообще для сохранности определенного по-

стоянства надо было иметь довольно сильную и жесткую системную структуру власти, прежде всего потому, что общество должно было сдерживать естественный порыв к самовыражению, самореализации почти 50–60 % членов своего общества – людей, которые находились в старшем детском и молодом возрасте. Интересно отметить одну из социальных ролей того возрастного класса, который начинался после инициаций. По свидетельству этнографов члены этого класса не только были младшими воинами, выполняли трудные общественные работы, но и привлекались к политическим действиям, чтобы противостоять развитию новых отношений – классовых [22, с. 20].

Только в XX в. в развитых странах наступает стойкое обратное соотношение возрастных классов, когда людей молодого возраста становится меньше, чем людей возрастом старше 40–45 лет. Постепенно общество перестает быть таким неуравновешенно подвижным, исчезает и количественно угрожающая масса людей, аккумулировавшая в себе желание поиска нового. Однако общество не может развиваться без таких качеств, и потому во властные элиты допускаются значительно более молодые члены общества. Категория «молодежь» стала более уважаемой, получила социальное доверие.

Для нашего исследования такие знаковые особенности возрастной стратификации значат следующее. По сути возрастные классы играли и в организации экономики, и в целом в воспроизводстве жизни основную роль. Но в эти процессы были интегрированы по понятным экономическим причинам в большей мере мужчины, они были более востребованы в новых условиях. Соответственно, весомая часть их систематически, из поколения в поколение была наиболее эксплуатируемая в обществе. При этом мы понимаем, и это подчеркнута выше, что значительная часть женского потомства вовсе не имела прав на жизнь. В демографических работах мы приводили следующее сравнение. Ликвидация определенной части населения на этом этапе истории по сути играла ту же экономико-бытовую роль, что и современная контрацепция.

Но регулярная, историческая система жесткой социальной, экономической эксплуатации впервые в доклассовом обществе была применена к мужскому потомству и была применена с переходом к производящему хозяйству. Весомая часть этого потомства не имела прав на жизнь во взрослом состоянии (при участии в трудовых процессах примерно с пяти лет), далее не имела прав на воспроизводство потомства, на владение женщинами, имуществом, на создание семьи. Даже среди мужчин смертность достигала 50–60 % к 18–20-летнему возрастному рубежу. Так создавались «блага» цивилизации, так выглядела реальная картина гендерных отношений. Отметим здесь же, что системное исследование гендерных потребностей и противоречий на протяжении человеческой истории, конечно, поможет ответить на вопрос о тех путях социальных трансформаций или воспроизведения жизни на планете, которые ожидают человечество. Гендерные совре-

менные исследования будут не в состоянии объять все факты социальных современных деструкций в отношении полов, непосредственного воспроизведения жизни и проч. без системного анализа гендерных отношений с глубокой древности на основе новой социологической модели. Однако это отдельная тема наших исследований.

Таким образом, многофакторный анализ археологических, палеодемографических, этнографических и письменных источников показывает, насколько для первобытного и традиционного общества было важным сохранение «правильных» половозрастных пропорций, которые сегодня у нас вызывают удивление. В основе лежала необходимость поддержания определенного соотношения трудоспособной и нетрудоспособной части населения. Ситуация обострялась у всех народов и племен в периоды кризиса присваивающей экономики, во время перехода к экономике производящего хозяйства. Патриархат первобытного и традиционного обществ в современном понимании – не власть мужчин или даже не патриарха, а вынужденная мера сегрегации части населения, включая мужское потомство [23], это время появления системно нового качества населения, эксплуатируемых возрастных классов, перерастающее затем в иное системное качество населения. Новое качество населения на исследуемом историческом этапе – маскулинизированное население.

Список литературы

1. Першиц А.И. Матриархат // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М.: Наука, 1986. – С. 82–83.
2. Кислий О.Е. Демографічний вимір історії. – Київ.: Арістей, 2005. – 328 с.
3. Кислый А.Е. Система начал, трансформаций и завершения истории. – Киев: Скиф, 2013. – 370 с.
4. Капица С.П. Очерк теории роста человечества: Демографическая революция и информационное общество. – М.: Ленанд, 2008. – 128 с.
5. Салинз М. Экономика каменного века. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.
6. Sanday Peggy Reeves. Matriarchy as a Sociocultural Form. An Old debate in a New Light. A Paper presented at the 16th Congress of the Indo-Pacific Prehistory Association, Malaka, Malaysia, 1–7 July, 1998. – URL: <https://web.sas.upenn.edu/psanday/articles/selected-articles/matriarchy/> (дата обращения: 11.10.2016).
7. Кислый А.Е. Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции // Демограф. исслед. Вып. 14. – Киев: Наук. думка, 1990. – С. 119–131.
8. Миклухо-Маклай Н.Н. Путешествия. Т. II. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 142 с.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1980. – 238 с.
10. Кислий О.Е. Проблеми гендерних досліджень в демографії та суміжних дисциплінах // Демографічні дослідження. Вип. 22. – Київ, 2000. – С. 162–176.
11. Библия або книги святого письма Старого і Нового Заповіту із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена. – М.: Вид. Московського патріархата, 1988. – 1528 с.
12. Bucklin Stephanie. Women Have Always Lived Longer. Study Finds // Live Science. November 21, 2016. – URL: <https://www.livescience.com/56956-why-women-live-longer.html> (дата обращения: 13.12.2017).

13. Vaupel James W. The emergence of longevous populations // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 6 October. 2017. – URL: <https://www.pnas.org/content/early/2016/11/15/1612191113> (дата обращения: 12.05.2018).
14. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. – М.: Возрождение, 1992. – 2464 с.
15. Калмыцкая степь Астраханской губернии по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. – СПб., 1868. – 150 с.
16. Козлов В.И. Особенности воспроизводства населения в доклассовом и раннеклассовом обществе // *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. – М.: Наука, 1982. – С. 9–31.
17. Вардиман Е. Женщина в древнем мире. – М.: Наука, 1990. – 336 с.
18. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
19. Кислый А.Е. Некоторые представления о возможности моделирования развития древнейшего населения // *Демограф. исслед.* Вып. 16. – Киев: Наук. думка, 1993. – С. 117–127.
20. Сови А. Общая теория населения. Т. 1: Экономика и рост населения; Т. 2: Жизнь населения. – М.: Прогресс, 1977. – 520 с.
21. Вилинбахов. В. Б. Социальные системы, возрасты и история // Второй семинар по исторической демографии: тез. докл. – Рига: Зинатне, 1977. – С. 15–18.
22. Трайде Б. Организация половозростная // *Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура*. – М.: Наука, 1986. – С. 119–121.
23. Кислий О.Є. Патріархат // *Енциклопедія історії України*. – Київ, Наук.думка, 2011. – С. 95–97.

References

1. *Pershits A.I. Matriarkhat [Matriarchy] // Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura [Code of ethnographic concepts and terms. Socio-economic relations and socionative culture]*. – М.: Nauka, 1986. – P. 82–83.
2. *Kislyi O.E. Demografichnii vimir istorii [Demographic dimension of history]*. – Кіїв.: Aristei, 2005. – 328 s.
3. *Kislyi A.E. Sistema nachal, transformatsii i zaversheniya istorii [The system of began, transformed and completed the story]*. – Kiev: Izdatel'skiidom «Skif», 2013. – 370 p.
4. *Kapitsa S.P. Ocherk teorii rosta chelovechestva: Demograficheskaya revolyutsiya i informatsionnoe obshchestvo [Essay on Human Growth Theory: The Demographic Revolution and the Information Society]*. – М.: Lenand, 2008. – 128 p.
5. *Salinz M. Ekonomika kamennogo veka [Salins M. The economy of the Stone Age]*. – М.: OGI, 1999. – 296 p.
6. Sanday Peggy Reeves. Matriarchy as a Sociocultural Form. An Old debate in a New Light. A Paper presented at the 16th Congress of the Indo-Pacific Prehistory Association, Malaka, Malaysia, 1–7 July, 1998. – URL: <https://web.sas.upenn.edu/psanday/articles/selected-articles/matriarchy/> (date: 11.10.2016).
7. *Kislyi A.E. Sootnoshenie chislennosti polov: ekonomicheskie potrebnosti i traditsii [Sex ratio: economic needs and traditions] // Demograficheskie issledovaniya. Vyp. 14 [Demographic Studies. Issue 14]*. – Kiev: Nauk. dumka, 1990. – P. 119–131.
8. *Miklukho-Maklai N.N. Puteshestviya. T. II [Travels. Volume II]*. – М.-Л.: Izd-vo AN SSSR, 1941. – 142 p.
9. *Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana [The origin of the family, private property and the state. In connection with the research of Lewis G. Morgan]*. – М.: Politizdat, 1980. – 238 p.

10. Kislyi O.E. *Problemi gendernikh doslidzhen' v demografii ta sumizhnikh distsiplinakh* [Problems of Gender Studies in Demography and Related Disciplines] // *Demografichni doslidzhennya. Issue 22.* [Demographic Research. Issue. 22]. – Kiiiv.: 2000. – P. 162–176.
11. *Bibliya abo knigi svyatogo pis'ma Starogo i Novogo Zapovitu iz movi davn'oevreis'koi i grets'koi na ukrains'ku doslivno na novo perekladena* [The Bible or the books of the holy letter of the Old and New Testament from the language of Hebrew and Greek into the Ukrainian word for word has been re-translated]. – M.: Vid. Moskovs'kogo patriarkhata, 1988. – 1528 p.
12. Bucklin Stephanie. Women Have Always Lived Longer. Study Finds // *Live Science*. November 21, 2016. URL: <https://www.livescience.com/56956-why-women-live-longer.html> (date: 13.12.2017).
13. Vaupel James W. The emergence of longevous populations // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 6 October. 2017. – URL: <https://www.pnas.org/content/early/2016/11/15/1612191113> (date: 12.05.2018).
14. *Polnyi pravoslavnyi bogoslovski ientsiklopedicheskii slovar'*. T. II. [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. Volume II]. – M.: Vozrozhdenie, 1992. – 2464 p.
15. *Kalmytskaya Step' Astrakhanskoi gubernii po issledovaniyam Kumo-Manychskoi ekspeditsii* [Kalmyk cave of the Astrakhan province on research of the Kumo-Manych expedition]. – SPb., 1868. – 150 p.
16. Kozlov V.I. *Osobennosti vosproizvodstva naseleniya v doklassovom i ranneklassovom obshchestve* [Features of reproduction of the population in pre-class and early class society] // *Etnos v doklassovomiraneklassovomobshchestve*[Ethnos in pre-class and early class society]. – M.: Nauka, 1982. – P. 9–31.
17. Vardiman E. *Zhenshchina v drevnem mire* [Woman in the ancient world] – M.: Nauka, 1990. – 336 s.
18. Kon I.S. *Rebenok i obshchestvo* [Child and society]. – M.: Nauka, 1988. – 270 p.
19. Kislyi A.E. *Nekotorye predstavleniya o vozmozhnosti modelirovaniya razvitiya drevneishego naseleniya* [Some ideas about the possibility of modeling the development of the most ancient population] // *Demograficheskie issledovaniya. Vyp.16.* [Demographic studies. Issue 16]. – Kiev: Nauk. dumka, 1993. – P. 117–127.
20. Sovi A. *Obshchaya teoriya naseleniya. T. 1: Ekonomika i rost naseleniya; T. 2: Zhizn' naseleniya* [General theory of population. Vol. 1: Economy and population growth; T. 2.: Life of the population]. – M.: Progress, 1977. – 520 p.
21. Vilinbakhov. V.B. *Sotsial'nye sistemy, vozrasty i istoriya* [Social systems, ages and history] // *Vtoroi seminar poistoricheskoi demografii. Tez. dokl.* [Second seminar on historical demography. Tez. report]. – Riga: Zinatne, 1977. – P. 15–18.
22. Traide B. *Organizatsiya polo-vozzrostnaya* [Organization of sexuality] // *Svod etnograficheskikh ponyati i terminov. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura* [Code of ethnographic concepts and terms. Socio-economic relations and socionative culture]. – M.: Nauka, 1986. – P. 119–121.
23. Kislyi O.E. *Patriarkhat* [Patriarchate] // *Entsiklopediya istorii Ukraini* [Encyclopedia of the History of Ukraine]. – Kiiiv, Nauk.dumka, 2011. – P. 95–97.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019 г.

О.С. Мутиева

Женский досуг в контексте повседневной жизни Дагестана XIX в.

В статье исследуется женский досуг в традиционном дагестанском обществе XIX в. Автор отмечает, что все группы женщин принимали участие в различных формах досуга, который во многих своих проявлениях не был отделен от трудовой деятельности. Поведенческие стереотипы поведения девушки отличались от стереотипов поведения замужней женщины. Определяющими факторами являлись возраст и статус женщин.

Одной из распространенных форм проведения досуга среди женщин, были посиделки, которые представляли собой вид помочей. Помочи помогали женщинам решить многие хозяйственные проблемы. Другой формой досуга, были посиделки без работы, исключительно для совместного времяпровождения девушек и юношей. Наряду с совместными посиделками юношей и девушек, у многих дагестанских народов устраивались только девичьи посиделки. Освещая некоторые формы досуга у народов Дагестана, многие исследователи отмечают некоторые вольности, которые имели место на посиделках, как совместных с мужчинами, так и девичьих. Как правило, в обществе такое поведение не осуждалась.

Ключевые слова: женщина, Дагестан, досуг, посиделки, помочи, фривольность, обычай.

O.S. Mutieva

Women's leisure in the context of the daily life of Dagestan of the XIX century

The article explores women's leisure in the traditional Dagestan society of the XIX century. The author notes that all groups of women took part in various forms of leisure, which in many of its manifestations was not separated from work. Behavioral patterns of girls differed from those of married women, where their age and status were decisive.

One of the most common forms of leisure activities among women, were gatherings, which were a form of urine. The help gave the woman to solve many household problems. Another form of leisure, were jobless gatherings, exclusively for hanging out with girls and boys. Along with the joint gatherings of boys and girls, many Dagestan peoples arranged only girls' gatherings. Highlighting some forms of leisure among the peoples of Dagestan, many researchers note some liberties that took place at gatherings, both in conjunction with men and girls. As a rule, in a society such behavior was not condemned.

Key words: Woman, Dagestan, leisure, gatherings, help; frivolity, custom.

Повседневная жизнь дагестанской женщины в исследуемый период была наполнена материальными лишениями и психологическими переживаниями, связанными как с событиями Кавказской войны, так и кардинальными переменами пореформенного периода.

Заявленную тему мы рассмотрим во взаимосвязи труда и досуга в традиционном дагестанском обществе исследуемого периода. Женский досуг в традиционном обществе не был предметом специального исследования, но в той или иной степени эта тема нашла отражение в трудах дореволюционных и современных исследователей. В частности, характеризуя хозяйство, специфику труда, нравы и обычаи дагестанских народов, дореволюционные авторы П.Г. Пржецлавский [1; 2], П. Петухов [3], А.М. Алиханов-Аварский [4], А. Омаров [5], Мухаммед-Тахир аль Караха [6] осветили вопросы, связанные с различными формами женского досуга. В советский период Е.М. Шиллинг, характеризуя культуру и нравы жителей древнего аула Кубачи, описал формы досуга женщин, которые представляли собой закрытые женские сообщества [7].

В этнографических работах современных дагестанских исследователей Б.Р. Рагимовой [8], А.Г. Булатовой [9; 10], Р.М. Магомедова [11], М.Б. Гимбатовой [12] и др. досуговая культура нашла отражение в контексте семейной и общественной жизни народов Дагестана.

Давая оценку различным формам женского досуга, как дореволюционные исследователи, так и современные указывают на некоторые шуточные вольности, которые имели место между участниками в процессе труда и развлечений.

С одной стороны, женщина продолжала выполнять приписанные ей вековыми традициями обязанности: занималась воспитанием детей, выполняла все хозяйственные работы как по дому, так и в поле. В силу преобладания натурального хозяйства в обязанности женщины входило изготовление одежды, ковров, паласов, обработка сырья, заготовка продуктов, топлива и пр. С другой стороны, в силу того, что доля трудоспособного мужского населения резко сократилась, все хозяйственные тяготы тяжелым бременем легли на хрупкие плечи женщин. Для восстановления сил, затраченных в процессе производственной деятельности, женщине, безусловно, был необходим досуг. Вместе с тем это не было праздное проведение времени. Как справедливо отмечала дагестанский этнограф Б.Р. Рагимова: «... досуг и даже развлечения во многих своих проявлениях не были отделены от трудовой деятельности» [8, с. 138]. Женщины проводили досуг, общаясь друг с другом у колодцев и источников, у хлебной печи, на мельнице и т. д.

Участие женщин в различных формах досуга в традиционном обществе регулировалось общественными институтами: семьей, обществом, религией. Досуг женщины зависел от многих факторов.

Несомненно, определяющими здесь являлись возрастные особенности женщин и их статус. Но, несмотря на то, что поведенческие стереотипы поведения девочки и девушки отличались от стереотипов поведения замужней женщины или вдовы, все группы женщин принимали участие в различных формах досуга.

Одной из распространенных форм проведения досуга среди женщин были посиделки, которые проводились в основном в холодное время года – начиная с поздней осени и до ранней весны. Посиделки девушек и молодых женщин представляли собой вид помочей, т. е. посиделки с работой. Так как объем работы, который выполняла женщина, зависел от наличия рабочих рук в семье, то помочи давали женщине возможность решить многие хозяйственные проблемы. На помочи девушек и молодых женщин приглашали часто, и они шли туда с удовольствием. Кроме того, во время посиделок женщины имели возможность пообщаться со своими сверстницами, поделиться своими семейными проблемами и получить моральную поддержку. Для молодых девушек это была не только возможность совершенствовать свои хозяйственные навыки, но и показать себя в качестве перспективной невесты.

Другой формой досуга были посиделки без работы, исключительно для совместного времяпровождения. По свидетельству А.Г. Булатовой рутульские девушки на всю ночь собирались на посиделки, которые устраивались в доме одной из подруг, родители которой специально для этого уходили из дома ночевать к родственникам. Сюда же приходили, сговорившись с девушками заранее, юноши с музыкальными инструментами [9, с. 64–65].

На совместных посиделках у кумыков и ногайцев, по свидетельству М.Б. Гимбатовой, молодые люди могли выразить через песни и шутки свои симпатии друг другу [12, с. 100–101]. Например, «юноша мог попросить девушку принести воды. Если девушка позволяла парню прикоснуться к ее руке, то это означало что их чувства взаимны, если нет, то это означало, что она не отвечает ему взаимностью» [12, с. 101].

Что касается народов Южного Дагестана, то совместные посиделки молодежи здесь не получили распространение. «В общении с противоположным полом свободы было гораздо меньше, – отмечает Б.Р. Рагимова, – как были редкими и совместные посиделки и помочи [8, с. 143]. На женских посиделках, женщины были заняты преимущественно обработкой шерсти, покраской нитей, вязанием и пр.

Надо отметить, что на посиделках особую атмосферу создавали некоторые вольности между юношами и девушками, которые проявлялись в шутках и танцах, имеющих двусмысленный характер. Подобную оценку мы встречаем у дореволюционного исследователя П.Г. Пржецлавского, который отмечает некую фривольность между

молодыми людьми во время лушения кукурузы [1, с. 271]. Учитывая то, что на кукурузном «сборище» девушки и юноши сидели рядами, друг против друга, то шутки, которыми они перебрасывались, содержали в себе игривый, нескромный, даже эротический смысл.

Наряду с совместными посиделками юношей и девушек у многих дагестанских народов устраивались только девичьи посиделки, доступ на которые мужчинам был запрещен. Так, например, Е.М. Шиллинг, характеризуя культуру и нравы жителей древнего аула Кубачи, указывает на «дома девушек» и «дома женщин», на которые не допускались представители мужского пола [7, с. 110–111]. В отсутствии мужчин на этих посиделках девушки и замужние женщины могли себе позволить некоторые вольности, а разыгрываемые ими сценки носили даже эротическую окраску, что, безусловно, является свидетельством женской свободы.

А.Г. Булатова, описывая девичьи посиделки у лакцев, указывает, что в селения Вицхи девушки и молодые женщины исполняли ритуальный танец «меххет1улли», в котором танцующие девушки должны были по команде ведущей, прикоснуться к разным частям своего тела, «в том числе и интимным» [9]. Безусловно, если в обыденной жизни такое поведение девушек и женщин было непростительным, то в таком проявлении оно в обществе не осуждалось. На наш взгляд, как женские сообщества селения Кубачи, так и танец «меххет1улли» девушек селения Вицхи являются отголоском архаического культа женского божества.

Не только на посиделках, но и во время полевых работ женщины могли себе позволить некоторые вольности, в том числе и по отношению к мужчинам.

Подобную оценку отношениям между молодыми людьми П.Г. Пржецлавский дает и во время смолки зерна на сельской мельнице. «В обществе Цунта-Ахвах Аварского округа, прозванном жителями других обществ Квеше-Ахвах, в переводе Скверным-Ахвахом, – писал П.Г.Пржецлавский, – существует следующий оригинальный обычай. Ежедневно собираются на водяных мельницах по несколько девиц, для смолки хлеба – их преследуют ватагою молодые парни-женихи. Придя к месту, мужчины, найдя дверь запертою, спрашивают девиц, – сколько их собралось на мельнице? Девицы отвечают положительною цифрою, и если число мужчин превышает число женщин, то лишние, по жребию, отправляются к другим мельницам, а остальные бросают через окошечко во внутрь мельницы свои папахы, подбираемые девицами наудачу. После этого дверь отпирается, мужчины входят и справляются: в чьих руках их головные уборы...» [2, с. 156].

У современных ахвахцев этот обычай называют «*тлагьралрехи*» – «забрасывание папах», а его существование в старые времена объясняют как проявление инициативы девушки в выборе жениха.

На сбор осеннего урожая, как правило, со всего аула в поля соби-рался народ. Для скорейшего завершения работ собирали помочи, на которые охотно шла аульская молодежь, для которой это была воз-можность поразвлечься.

По мнению дагестанского этнографа Абдуллы Омарова «молодые люди отправлялись на поля по собственному почину и не для работы, а для «развлечения и удовольствия женщин» [5, с. 10–16].

Дореволюционный исследователь М. Алиханов-Аварский указы-вал на фривольное поведение молодых ахвацев во время совместно-го времяпровождения. Мало того, автор указывает и на совместные ночлеги молодежи, которые «ни на что не обязывают молодого ахваца; он может переночевать с нею хоть сотню раз и затем, что не-редко бывает, жениться на другой» [4].

Безусловно, все эти примеры свидетельствуют о том, что такое свободное поведение молодых людей было санкционировано обще-ством.

В этнографическом очерке, опубликованном исследователем П. Петуховым в газете «Кавказ» за 1867 г., имеются интересные све-дения о кайтагских женщинах: «...Мужчина, по несчастию встретив-шийся с толпой женщин и девушек, делается их жертвой, – писал автор, указывая на вольности, которые позволяли себе женщины по отношению к постороннему мужчине, – его обезоруживают, принужда-ют танцевать, прыгать и исполнять все их капризы: достаточно нате-шившись, они отпускают свою жертву при громком хохоте и остротах» [3].

Примечательно, что такое поведение у женщин Кайтага можно встретить и в наше время. Так, например, Р.М. Магомедов в своей ра-боте «По аулам Дагестана» приводит аналогичное поведение девушек из аула Ицари, которые во время проведения полевых работ начинали вести себя фривольно с незнакомыми мужчинами, которые проходили мимо поля. «Девушки, – пишет автор, – увидев человека из другого се-ла, с шутками окружали его, затем всячески начинали донимать про-хожего. Думая напугать озорниц, путник вытаскивал пистолет, но они обезоруживали его и начинали хлестать, хлестали крапивой по ого-ленным местам...все эти «экзекуции» совершаются безобидно, с шут-ками и смехом» [11, с. 16].

Р.М. Магомедов подчеркивает, что такое поведение было харак-терно не только для молодых женщин, но и пожилые женщины не уступали им, позволяя разного рода вольности в общении с посторон-ними мужчинами. В этих обычаях автор усматривает сохранившиеся реликты времен «... матриархата, когда женщина полновластно рас-поряжалась в роде и держала власть в своих руках» [11, с. 16].

Что касается шариатских норм, то такое поведение женщины счи-талось предрассудительным. В связи с чем на территории, подвласт-

ной имамату, были запрещены совместные работы-помочи. В случае ослушания лиц, уличенных в этом, сурово наказывали. Так, например, Мухаммед-Тахир аль Караха - секретарь в канцелярии Шамиля, писал, что женщин и мужчин аула Ашильта, которых застали за процессом молочения кукурузы, побили [6, с. 22]. Мало того, «... мужчин имам поколотил палкой, а женщин осыпал упреками» [6, с. 22].

Безусловно, такого рода запреты встречали протест со стороны общества, и мюридам приходилось вводить на подконтрольной им территории такие нормы силой.

Таким образом, на основе изложенного материала статьи можно сделать выводы, характеризующие особенности женского досуга в традиционном дагестанском обществе XIX в. Досуг женщин имел свои особенности и не был отделен от трудовой деятельности. Поведенческие стереотипы девушки в различных формах досуга отличались от стереотипов поведения замужней женщины, где определяющими являлись ее семейный статус и возраст.

Одной из распространенных форм проведения досуга среди женщин были посиделки, которые представляли собой вид помочей, на которых нередко могли свободно присутствовать и мужчины. Другой формой досуга были посиделки без работы, как чисто девичьи, так и для совместного времяпровождения девушек и юношей. Анализ использованного материала свидетельствует о том, что в различных формах досуга, как совместных, так и женских, имели место некоторые вольности с их стороны, которые обществом не осуждались. Общественное мнение в таком вольном поведении женщин усматривало реликты древних обычаев, которые своими корнями уходили в эпоху матриархата, отождествляющего культ женщины.

Список литературы

1. Пржецлавский П.Г. Нравы и обычаи в Дагестане // Воен. сб. – 1860. – №12. – С. 269–318.
2. Пржецлавский П.Г. Дагестан: его нравы и обычаи // Вестн. Европы. – 1867. – № 3. –С. 141–192.
3. Петухов П. Очерк Кайтагско-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. – 1867. – № 12.
4. Алиханов-Аварский А.М. В горах Дагестана: Путевые впечатления и рассказы горцев // Кавказ. – 1895. – № 223.
5. Омаров А. Как живут лаки // Сб. сведений о кавказских горцах (ССКГ). – 1870. – Вып. 4. – 142 с.
6. Мухаммед Тагир аль Караха. Три имама. – Махачкала: Дагучпедизд, 1990. – 100 с.
7. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. – М.-Л., 1949. – 227 с.
8. Рагимова Б.Р. Женщина в традиционном дагестанском обществе XIX – начала XX в. – Махачкала, 2001. – 158 с.
9. Булатова А.Г. Зимние игры и развлечения в традиционном общественном быту народов горного Дагестана // Вопр. общественного быта народов Дагестана в XIX – начала XX в. – Махачкала, 1987. – С. 63–78.

10. Булатова А.Г. Хореография в системе некоторых обрядов народов горного Дагестана (2 пол. XIX – нач. XX в.) – URL: <http://mognovse.ru/dhf-bit-seleskogo-naseleniya-dagestana-stranica-4.html>

11. Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 155 с.

12. Гимбатова М.Б. Брак и семейно-правовые отношения у тюркоязычных народов Дагестана в XIX – начале XX в. // Вестн. Ин-та ИАЭ. – Махачкала, 2011. – № 2. – С. 97–109.

References

1. *Przhetslavsky P.G. Nrvy i obychai v Dagestane* [Manners and Customs in Dagestan] // *Voennyj sbornik*. – 1860. – № 4. – P. 269–318.

2. *Przhetslavskij P.G. Dagestan: ego nrvy i obycha* [Dagestan: its manners and customs] // *Vestnik Evropy*. – 1867. – № 13. – P. 141–192.

3. *Petukhov P. Ocherk Kajtagско-Tabasaranskogo okruga (v YUzhnom Dagestane)* [Essay on Kaitag-Tabasaran District (in Southern Dagestan)] // *Kavkaz*. – 1867. – №12.

4. *Alihanov-Avarskij A.M. V gorah Dagestana: Putevye vpechatleniya i rasskazy gorcev* [In the mountains of Dagestan: Traveling impressions and stories of the mountaineers] // *Kavkaz*. – 1895. – № 3. – № 223.

5. *Omarov A. Kak zhivut laki* [How do lacquers live] *Sbornik svedeniy o kavkazskikh gorzakh (SSKG). Vyp. IV*. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. – 142 p.

6. *Mukhammed Tagir al' Karakha. Tri imama* [Three Imams]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1990. – 100 p.

7. *SHilling E.M. Kubachintsy i ikh kul'tura* [Kubachy residents and their culture]. – Moskov-Leningrad, 1949. – 227 p.

8. *Ragimova B.R. ZHenshina v traditsionnom dagestanskom obshhestve XIX – nachala XX v* [The woman in traditional Dagestan society XIX – the beginnings of the XX th century]. – Makhachkala, 2001. – 158 p.

9. *Bulatova A.G. Zimnie igry i razvlecheniya v traditsionnom obshhestvennom bytu narodov gornogo Dagestana* [Winter games and entertainment in the traditional public life of the peoples of mountain Dagestan] // *Voprosy obshhestvennogo byta narodov Dagestanav. XIX – nach XX v.* [Questions of public life of the peoples of Dagestan in XIX-early XX century]. – Makhachkala, 1987. – P. 63–78.

10. *Bulatova A. G. Horeografiya v sisteme nekotorykh obryadov narodov gornogo Dagestana (2 pol. XIX – nachala XX v)* [Choreography in the system of some rites of the peoples of the mountain of Dagestan]. – URL: <http://mognovse.ru/dhf-bit-seleskogo-naseleniya-dagestana-stranica-4.html> (01.10.2018).

11. *Magomedov R.M. Po aulam Dagestana* [According to auls Dagestan]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1979. – 155 p.

12. *Gimbatova M.B. Brak i semejno-pravovye otnosheniya u tyurkoyazychnykh narodov Dagestana XIX – nachala XX v* [Marriage and family law relations among the Turkic-speaking peoples of Dagestan in the XIX – early XX centuries]. – Makhachkala: Vestnik Instituta IAEH. – 2011. – № 2. – P. 97–109.

Статья поступила в редакцию 20.11.2018 г.

Д.Ю. Исповедников

«Женский вопрос» в жизни командного состава РККА в 1920-е гг.

В статье рассматриваются формы влияния «женского вопроса» на жизнь семейного и холостого командного состава РККА в 1920-е гг. По итогам изучения крупного комплекса архивных источников показано, как складывались взаимоотношения между красным командиром и его избранницей в контексте послереволюционных преобразований, когда менялось восприятие брака и женщины. Анализируется влияние на поведение супругов материально-бытовых трудностей, политических установок и культурных потребностей. При низком уровне постепенно проводимой социализации многие жены краскомов не работали и не были в достаточной мере вовлечены в общественную и просветительскую деятельность. Подобное положение создавало предпосылки для ненормальных явлений в домашней среде и, как следствие, негативно отражалось на службе мужей-командиров, в том числе кандидатов и членов ВКП(б), которые были главной опорой армии на начальном этапе советского военного строительства.

Ключевые слова: РККА, красные командиры (краскомы), семейный быт, женский вопрос.

D.Yu. Ispovednikov

«The woman question» in the life of commanders of the Red Army in the 1920s.

The present article deals with the problem of «the woman question» in the life of family and single commanders of the Red Army in the 1920s. According to the results of study of large complex of archival sources, it shows how relationships between the red commander and his steady have developed in the context of post-revolutionary transformations, when the perception of marriage and a woman have changed. The impact of material and domestic difficulties, political attitudes and cultural needs on the spouses' behavior is also analysed. With a low level of gradual socialization, many wives of the krascoms didn't work and were not sufficiently involved in social and educational activities. This situation created prerequisites for abnormal phenomena in the domestic environment and, as a result, had a negative effect on the service of husbands, including candidates and members of the CPSU, who were the main support of the army at the initial stage of Soviet military construction.

Key words: Red Army, red commanders (kraskoms), family life, «the woman question».

Серию публикаций по истории повседневной жизни комсостава РККА в 1920-е гг. продолжает тема выстраивания командирами брачных отношений. Исследование проведено на основе изучения хранящихся в фондах Российского государственного военного архива документов Политуправления Красной армии (ПУР РККА), а также управлений ряда военных округов. Главным источником являются политические сводки и донесения, а также доклады инспектирующих комиссий о внеслужебном быте и моральном облике краскомов. Следует оговорить, что политработники, нацеленные на обнаружение и оперативное устранение аномалий, с которыми сталкивался командир, описывали самые уродливые примеры его домашней обстановки. В этой связи необходимо понимать, что складывающаяся непривлекательная картина отражает лишь комплекс актуальных проблем и не исчерпывает вопроса о реальном положении дел.

Из обзоров самоубийств и чрезвычайных происшествий наравне со статистикой почерпнуты подробности как наиболее типичных, так и наиболее резонансных случаев семейного насилия, которые раскрывают конфликты между полами в кульминационной точке напряжения. Итоги анонимных опросов, проведенных среди партийцев разных частей, экземпляры персональных анкет и протоколы партконференций позволяют составить впечатление о преобладавших характерных настроениях в связи с теми или иными аспектами «женского вопроса», а также ознакомиться с встречающимися личными, субъективными высказываниями на этот счет. В отдельных документах цитируются суждения и самих женщин. Ценные сведения об учебе и культурном досуге комсостава и членов его семей представлены в отчетах о работе Домов Красной армии. Анализ перечисленных материалов позволяет сделать выводы о том, какое влияние избранница командира могла оказывать на его жизнь, службу, на профессиональные и человеческие качества.

I. В условиях экономической нестабильности 1920-х гг. доход краскомов не позволял им полностью содержать свои семьи.

1. Спасаясь от голода, особенно тяжелого в годы военного коммунизма, члены семейств комсостава прибегали к отчаянным мерам, начиная с раздельного проживания и заканчивая вовлечением в проституцию жен, которым редко удавалось нормально трудоустроиться [1, с. 9–48]. Невелик был выбор и у мужа, морально и физически истощенного, проводившего на службе по 10–15 ч и зачастую не владевшего никакими иными знаниями, кроме военных. Работа сапожника, грузчика, землекопа или лектора оказывалась для него непосильна. Как следствие, под давлением обстоятельств командиры брали ссуды у ростовщиков, закладывали или продавали получаемые гимнастерки, брюки, ботинки, отрезы на френч, гнали самогон, занимали деньги у красноармейцев [2. Л. 106; 3. Л. 45; 4. Л. 73].

В сентябре 1923 г. начальник Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (далее – ПУР РККА) А.А. Антонов-Овсеенко докладывал председателю РВСР Л.Д. Троцкому, что по результатам обследования быта начсостава в частях Московского военного округа (далее – МВО) прожиточный минимум семьи из 4 чел. лишь на 33 % обеспечивался жалованием и пайком командира. Прочие легальные поступления были практически неощутимы. Побочный приработок мужа приносил лишь 1,7 % недостающих средств, труд родственников – 8,5 %. Около 23,8 % приходилось на долю служебных хищений, спекуляций казенным или собственным имуществом и до 33 % восполнялись за счет «постепенного вымирания и истощения семьи». Как резюмировал начпура: «нельзя, поэтому удивляться, когда приходится читать сообщения 51 полка 17 дивизии МВО, что комсостав большую часть своего дня проводит не на занятиях и самоподготовке, а на рынке, улучшая свое материальное положение» [5. Л. 318 об.]. Один из опрошенных проверяющей комиссией, комроты 5-го саперного батальона Московского гарнизона, которому с июля по декабрь 1922 г. пришлось продать кровать, гардероб, ковер, зеркало и множество мелких вещей в графе «Наглядный пример материального кризиса» с горечью писал: «Готовясь с малых лет к военной службе и считая ее для себя единственной, в настоящее время стою перед вопросом – что делать? Гражданской специальности не знаю, а разве способен, то только к черновому труду, и то с грехом пополам – туберкулез. Военная служба не обеспечивает, жена больна – острое малокровие, сын – то же самое, мать – старуха. Остается или стать в полном смысле вором и бандитом, или пускать себе пулю в лоб. Последнее вероятнее всего» [6. Л. 80 об.].

По выражению А.А. Антонова-Овсеенко жизнь семейных краскомов, которых по отдельным округам было большинство (66,5 % на Западном фронте), делалась «прямо-таки беспросветной». Совместность проживания роли не играла. Если одни жены говорили: «Удивляемся, как это наши мужья не бунтуют. Мы каждый день их ругаем», то другие писали жалобы с родины. Около 80 % из них не получали установленного пособия и сталкивались с произволом местных властей. Как следствие, среди командиров укреплялись демобилизационные настроения и «желание вернуться в деревню к работе на своей земле» [7. Л. 203].

В подобной ситуации семья становилась обузой, «гирей, мешающей жить и работать». Такой вывод озвучил на 3-й армейской партконференции Кавказской Краснознаменной армии (далее – ККА) в июле 1924 г. один из докладчиков, основываясь на «актах обследования Политуправления, Парткомиссии и РКП». Наиболее угнетало, по его мнению, то, что быт комсостава никак не улучшался с переходом от военного коммунизма к новой экономической политике: «раньше мы

голодали, но негде было хлеба купить, теперь покупательная способность относительно та же, а возможности огромны» [8. Л. 319 об., 320 об.]. Об отягощенности ряда товарищей своими семьями свидетельствовало и анкетирование. Опрос 284 чел. комполитсостава 1-й Грузинской стр. дивизии в конце 1925 г. показал, что из 142 чел. женатых только 61 % был удовлетворен семейной жизнью, причем 62,4 % признавали ее влияние на свою работу негативным, 23,9 % – позитивным, а 13,7 % – уверяли в отсутствии такового. Родные обременяли их в основном материально (13 %) и морально – из-за болезни (12 %) [9. Л. 133, 133 об.]. Любопытные размышления изложил по этому поводу один из участников октябрьского анкетирования 1924 г., предлагавший менять жен «хоть каждый год»: «Семья – проклятье и источник неврастении. Двухспальные кровати все сжечь. Усовершенствовать и удешевить предупредительные средства и широко пользоваться ими, пока государство не сможет содержать детей (всех)» [10. Л. 300].

Порой внутрисемейная напряженность и невозможность разрешить материальные проблемы вынуждали командиров сводить счеты с жизнью. Общее представление о масштабах явления дают обзоры самоубийств и чрезвычайных происшествий в армейских частях. Хотя при разбирательстве точный мотив произошедшего определить удавалось не всегда – таковых могла быть целая совокупность – статистику тем не менее подкрепляли описания отдельных, наиболее очевидных эпизодов. Политуправление «лидировавшего» по данному показателю Украинского военного округа (далее – УВО) в обзоре за январь-июнь 1924 г. сообщало о шести суицидах краскомов на почве бедности, что составляло 9,3 % от общего числа покончивших с собой военнослужащих (64 чел.), 20,6 % от общего числа покончивших с собой командиров (29 чел.) и 66,6 % от общего числа покончивших с собой по указанной причине (9 чел.) [11. Л. 41]. Из примеров: «отделком, подлежавший демобилизации, не имея перспектив к дальнейшему существованию из-за отсутствия средств, покончил самоубийством, одновременно убив свою невесту с ее согласия... Комвзвода, живя на частной квартире, вечно получал от хозяйки "угощения", не имея возможности уплатить, чувствует себя обязанным ей. В то же время получает из дому письмо, в котором мать просит его приехать или выслать денег. Он не видит для себя иного выхода как покончить самоубийством» [11. Л. 37 об.].

Именно командиры средней категории тяжелее всего переживали финансовые трудности. В докладе о самоубийствах среди членов РКП(б) и парторганизации РККА за первую половину 1925 г. со ссылкой на окружную партийную комиссию (далее – ОПК) Сибирского военного округа (далее – СибВО) указывалось, что наибольший процент падал на «комвзводов, недавно окончивших ВУЗы». Из 33 жертв: один военком, два политрука, две комроты, восемь комвзводов и один помощник

комвзвода. Мотивы говорили «о тяжелом материальном положении семейных, особенно в территориальных частях, где комсостав в силу своей работы принужден часто жить на 2 дома, во-вторых о мещанском влиянии жен-мещанок и такой же мещанской родни, а также о неуравновешенности в половом вопросе в связи с проститутками» [12. Л. 15 об.].

Постепенно система учета совершенствовалась. В обзоре политуправления СибВО за 1927 г. и первую половину 1928 г. случаи суицида группировались не только по категориям военнослужащих, но и по их партийности, проводилось сопоставление цифр с общеармейской статистикой, выявлялась динамика за несколько лет. Констатируя рост самоубийств, связанных с внеслужебным бытом, составители одновременно отмечали снижение процента, вызванных плохим материальным положением: «старшина сверхсрочной службы, крестьянин, беспартийный. Жил вместе с родителями жены. Жалования не хватало, залез в долги: в столовую 69 руб., у красноармейцев забрал 64 руб., растратил мопровских¹ денег 23 руб. Это его тяготило: "так складывается жизнь, хоть стреляйся". В день самоубийства хозяин столовой, частник дважды заходил к нему и требовал денег, а комроты, получив от двух красноармейцев докладную об удержании с него денег, сделал старшине накрутку. Через 15 мин после разговора старшина застрелился» [13. Л. 267].

Насколько уязвимым могло оказаться денежное благополучие краскома видно из донесения в политуправление Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО), работники которого связывали увеличение числа самоубийств в 1925 г. с усугублением финансового положения начсостава. Причиной являлась дороговизна продуктов ввиду соседства с курортными местами: «10 июля к комвзводу 28-й дивизии Крайнову приходит жена и устраивает сцену материальной необеспеченности, упрекая в огромной задолженности и невозможности даже хлеба в кооперативе купить. Тов. Крайнов не выдержал, ударил жену, а затем побежал в мобкомнату, закрылся на крючок и застрелился» [12. Л. 328].

Отметим, что все участники вышеперечисленных инцидентов находились в разном положении. Холостой комвзвода, который не мог оплатить жилье и вряд ли помышлял о браке; отделком с невестой, до такой степени отчаявшиеся, что решились на двойное самоубийство²; женатый старшина, вынужденный, по всей видимости, содержать родителей своей супруги; семейная пара, едва сводившая концы с концами.

¹ МОПР – Международная организация помощи революционерам.

² Данный случай не был единичным. См. [14. Л. 392].

2. Одновременно, укрепление к середине 1920-х гг. новой экономической политики способствовало обогащению отдельных слоев населения, и **выгодная женитьба на их представительницах могла поправить бедственное положение**. В политдонесениях и сводках за эти годы появляются сообщения о вступлении командиров РККА в браки по расчету, об ухаживаниях «с материальной подоплекой» [12. Л. 328; 15. Л. 1; 16. Л. 82 об.]. Летом 1923 г. начальник политотдела Главного управления военно-учебных заведений докладывал Начпура А.А. Антонову-Овсеенко о прошедшем учебном году: «НЭП накладывает свою печать на комсостав, пожалуй, в большей степени, чем на курсантов. Чрезвычайно низкий оклад содержания заставляет женатую часть комсостава жить впроголодь, холостую обзаводиться женами, обеспечивающими ему материальную сторону жизни. Кто же может обеспечить эту сторону, ясно, что люди не нашего лагеря. Это большая идеологическая опасность "прозевать краскома". Комсоставу надлежит создать такие условия жизни, чтобы он не грузил дрова, но и не женился на спекулянтках» [2. Л. 63 об.].

В сельской местности предпосылки к сближению с «классовым врагом», по наблюдению политработников, возникали во время длительного пребывания начсостава в районах комплектования или допризывной подготовки. Выбирая для постоя по понятным причинам наиболее состоятельные дома казачества и духовенства, безденежный командир получал не только комнату с пропитанием, но и завязывал приятельские отношения, становясь частым гостем крестьянских праздников, свадеб, и постепенно превращаясь в защитника интересов своих новоприобретенных друзей. Он мог выступить заодно с ними против сельскохозяйственного налога, отдать армейский подряд на работу или поддержать их в споре с местными парторганизациями и властями. Как констатировал инструктор агитационно-пропагандистского отдела ПУР РККА, подводя итоги эскадронного дислоцирования частей 11-й дивизии (УВО) в станицах Уманского района летом 1926 г.: «нельзя год сидеть за одним столом получать материальные льготы и коситься на хозяев за их зажиточность» [17. Л. 3].

Если соседство с «чуждым элементом» притупляло «классовое чутье», то установление с ним родственных связей вело к «идеологическому перерождению», когда приходилось считаться с решениями «семейного совета», не всегда способствовавшими «безропотному выполнению служебного долга» [18. Л. 275]. Кроме того, становясь членом семьи с капиталом, командир начинал ощущать себя полноправным его бенефициаром и отстаивал уже не просто те или иные интересы, но рьяно оберегал имущество от посягательств советской власти. На этой почве летом 1925 г. помощник командира батареи, комроты и комвзвода 97-го полка Западного военного округа, женатые на дочерях одного бывшего крупного землевладельца вступили в кон-

фликт с Брянским губисполкомом. Все трое требовали не применять к своему тестю декрет «О порядке выселения бывших помещиков и ликвидации ими имущественных отношений» (от 22 июня 1925 г.), ссылаясь на то, что сами являлись собственниками и, будучи краскомами, имели налоговые льготы [19. Л. 97 об.]. Аналогичной логикой руководствовались, по всей вероятности, и командиры 76-го кав. полка (Среднеазиатский военный округ, далее – САВО), члены ВКП(б). Согласно информационному письму ОПК об итогах работы за январь-июнь 1928 г. эти двое – комвзвода (жена – дочь атамана) и комэска (жена – дочь кулака) – пытались защитить своих тестей от самообложения [20. Л. 197 об. – 198 об., 201].

Удачный брак мог мотивировать к оставлению бесперспективной службы. Подобный пример приводила в августе 1926 г. ОПК СибВО, ознакомившаяся с письмом комвзвода 5-го стр. полка. Молодой человек, кандидат ВКП(б), жаловался друзьям или родным: «Вы не поверите, как меня замотала эта проклятая военная служба, как я устал от этой проклятой бродячей жизни, вечно в зависимости от других». Планируя через год уволиться из РККА, он намеревался поступить к отцу своей жены, который владел в Благовещенске тремя домами и несколькими приисками [21. Л. 223]. Порицание порочной практики со стороны парторганизаций не всегда приводило к ожидаемому эффекту. Порой партийные краскомы заводили меркантильные отношения с противоположным полом скрытно. Одни присваивали деньги жен (3 000 р. или даже 50 р.) и сразу разводились, другие пользовались записанной на супругу недвижимостью [13. Л. 283; 20. Л. 198 об.].

Со свертыванием НЭПа установлением социального происхождения жен командиров РККА занялись тщательнее. Собранные сведения указывали на широкий круг нежелательных родственных связей. Согласно неполной статистике по частям Белорусского военного округа (далее – БВО) на ноябрь 1928 г. из 314 лиц начсостава 21 % был женат на дочерях попов (22 чел.), торговцев (15), кулаков (10), помещиков (9), генералов (4) и полковников (4), полицейских (1) и жандармов (1). В 81-м стр. полку таких браков было 12 %, в 10 стр. полку – 38 %. В 33-м кав. полку – две трети: с представительницами дворянства (4 %), торговых слоев (8 %), зажиточного крестьянства (10 %), мещанства (20%), интеллигенции и чиновничества (24 %) [22. Л. 14]. Как итог у мужа-партийца жена порой была лишена избирательного права как «социально чуждый элемент». По 75-й стр. дивизии (УВО) в 1929 г. в этот список попала дочь старосты синагоги (муж – комроты, член ВКП(б)), дочь крупного чиновника (муж – комроты), дочь домовладельца (муж – командир батареи), дочь помещика, дочь торговца-буфетчика и три дочери попов (мужья – комвзводы, в том числе член и кандидат ВКП(б)) [23. Л. 502].

После объявления курса на индустриализацию отдельные краскомы продолжали поддерживать своих зажиточных родственников, пострадавших от ужесточения политики на селе. Объяснялось это помимо прочего и солидарностью – многие из них, крестьяне по происхождению, и сами разделяли широкое недовольство разорением деревни. Так, в 1930 г. командир-единоначальник батареи артполка 1-й Кавказской дивизии, член ВКП(б) с 1925 г. во время отпуска в родном селе активно дискредитировал мероприятия по хлебозаготовкам, за что местная партия квалифицировала его как «правого оппортуниста». Вернувшись в полк, он выступил с докладом на партбюро об удручающем политико-экономическом положении и отсутствии улучшений по сравнению с 1928 г.: «...чувствуется бесперспективье. Деревня стонет, плачет. Все делается почему-то ночью. В коллективы насильно загоняют». Итогом стало исключение его из партии. При этом выяснилось, что он тесно общался с раскулаченной родней жены: своего тестя устроил на стройку электростанции РИОНГЭС, а свояченицу – на шелкомотальную фабрику [24. Л. 20].

3. На фоне товарного кризиса конца 1920-х гг. политуправления стали фиксировать случаи участия жен в преступных махинациях мужей-краскомов. Несколько инцидентов имели место на приграничье. Осенью 1928 г. дисциплинарным взысканиям подвергся 21 чел. начсостава 73-го кав. полка, которые вместе с членами своих семей приобретали и перепродавали в Троицкосавске контрабанду: отрезы шелка на платья, чулки, ценные плюшевые одеяла. После того как на улице с незаконным товаром задержали супругу командира эскадрона, остальные начали прятать и перевозить вещи. При обыске одна из жен даже выскочила в окно и вывихнула ногу [25. Л. 11, 24]. Через год во время конфликта на КВЖД уже с территории Маньчжурии начсостав 9-й кав. бригады вывозил на танках купленные за казенные деньги с разрешения военкома зеркала, чулки и бритвы [26. Л. 63–64]. Особо отличился комроты 6 стр. полка Тюкавкин, который в бою под Лхасусу 12 октября 1929 г. на глазах красноармейцев снял и присвоил вещи убитого китайского офицера. Часть из них (чемодан, золотые и серебряные медали и часы) он отослал жене в Благовещенск. Военный трибунал приговорил его к лишению свободы на пять лет со строгой изоляцией и поражением в правах на три года [25. Л. 116].

Возможности для самообеспечения находились и на противоположном конце страны. Так, во время операции по изъятию ценностей у торговцев, недоимщиков и лишенцев г. Медыни в январе 1930 г. «проявил» себя комсостав 243-го стр. полка (УВО). При обыске у 70 семейств (к 39 из них, как выяснилось позднее, пришли незаконно) пропало множество вещей, вплоть до кухонной посуды. В ходе расследования у одного из отделкомов обнаружили кавказский ремень, две пары носков, 14 химических карандашей и пять цветных кусков

туалетного мыла, у другого – примус, мясорубку и полоскательницу. Более предприимчивым оказался комвзвода Русских. Вместе с женой, чей отец был торговцем, а сестра – спекулянткой, высланной на Соловки, командир увез к себе на квартиру 25 фунтов муки, крынку коровьего масла, два зонта, две пары сапог, 15 пар чулок, четыре пары мужских носков, четыре пары варежек, четыре дюжины катушек ниток и два пуховых шарфа [27. Л. 2].

В 65-м полку (СКВО) в декабре 1929 г. комсостав, по сообщению Особого отдела (далее – ОО), сумел нажиться на бойцах. Двое предприимчивых комвзвода, воспользовавшись отъездом красноармейцев на дивизионные учения, забрали их кооперативные книжки и закупили по ним дефицитные товары, в том числе 200 м мануфактуры, которые затем передали своим женам для спекуляции на частных рынках [28. Л. 428].

Рассмотренные примеры показывают, что в то время как семьи комсостава РККА, особенно малообеспеченная младшая и средняя его категория, отчаянно нуждались в дополнительном источнике дохода, многие супруги краскомов оставались на положении иждивенок. Их трудовая деятельность в изученных документах никак не характеризуется, что свидетельствует о незначительном ее уровне и оставляет фактически только две формы участия женщин в семейном бюджете: посредством нажитого родителями приданого или занятия спекуляцией. При подобном распределении ролей командиру, как единственному кормильцу, зачастую приходилось в поиске средств действовать в ущерб службе, что приводило к падению его авторитета в глазах не только бойцов и сослуживцев, но и общественности.

II. На семейном благополучии начсостава РККА отражались особенности армейского быта.

1. В первую очередь – квартирный кризис 1920-х гг., когда расселение людей даже в малопригодных для того условиях осуществлялось за счет предельного уплотнения. Краскомы младшего, среднего, а порой и старшего звена, занимавшие вместе со своими семьями углы в комнатах, подсобных помещениях, казармах и общежитиях, сталкивались с отсутствием не только коммунальной инфраструктуры, мебелировки и элементарного ремонта, но также и личного пространства, в связи с чем среди обитателей усугублялись такие пороки, как сплетни и пьянство, а неизбежные конфликты с соседями доходили порой до крайностей.

Красочная картина разложения комсостава в одном из военных городков представлена в альбоме стихов комвзвода 34-го стр. полка (СибВО) Леонида Шахова, написанных им 4–12 марта 1928 г. за время пребывания на гауптвахте. В наполненных скабрезностями, матом и вульгарными сценами опусах автор описал свою службу в Омске, досуг в трактире «Модерн» на берегу Иртыша, а также крайне запутан-

ные взаимоотношения с супругой, сослуживцами и другими женщинами. Из-за специфического стиля зарисовок наиболее удобно изложить их содержание в форме таблицы с краткими извлечениями и характеристиками тех лиц (можно даже сказать персонажей), в чьих действиях находит отражение изучаемая тема. Стиль и грамматика документа сохранены.

Таблица 1

*«Женский вопрос» и комсостав РККА
в альбоме комвзвода Леонида Шахова, март 1928 г.*

Мужские персонажи	Краткая характеристика
Л. Шахов, автор	<p>Имел связь и поддерживал любовную переписку с П. Култышевой, на почве чего скандалил с женой, избивал и стрелял в нее из нагана. Получил 5 суток ареста:</p> <p>«...Она тут вскрикнула от боли, сказав – "за что? За то, что правду я сказала и скажу?".</p> <p>"Врешь скотина!" – вслед ей крикнул. Дверь захлопнула она. И должно быть не хватило. Со слезами вернулась она. Снова начала мне лгать:</p> <p>"С проституткой ты гуляешь. Даже замуж хочешь взять. В Полтавке всей над ней смеются. Уж больно ноги хороши. Ходит, словно как калека. И на вид как попугай".</p> <p>Кольнуло сердце мое больное. С горячки втащил наган: "Эх, сволочь, подлая ты дама". И выстрел прямо в упор дал» [29. Л. 278 об. – 279]</p>
Его приятель по школе комсостава Ваня	<p>Шахов писал о временах учебы, когда «скреплял дружбу», там, где «пиво лилося рекой» и о совместной службе в Омске, закончившейся, когда Ваня начал подзревать Шахова в уходе за своей супругой:</p> <p>«...Жен обдувая подлогодом. Стали в город-театры ходить. По приходу мы их терзали, и молчать заставляли как псов. Недолго и это тянулось. Ревность тебя обуяла ко мне. Настало тут смутное время. Дружеский террор настал» [29. Л. 279 об., 280].</p> <p>Ваня также ухаживал за женой Шахова, чему последний был свидетель, наблюдая все действие через окно, болел «горячим триппером»</p>
Сослуживец, комвзвода Ж. Середин	<p>Имел связь с женой Шахова:</p> <p>«...И ты решила вместе в баню вместе с Жерочкой сходить. Не дешевый номер взяли. Таких не брал тебе твой муж. И помылася на славу. Что узнал весь городок. Бросил он тебя как муху. Скрылся с глаз, не видишь ты» [29. Л. 281 об., 283–284]</p>

Сослуживец, комвзвода Касьянов	Избивал проституток: «...Слегка ударил по лицу. Разворотил ей обе скулы. Нос в сторонку своротил. Хорошим делом он занялся. Разукрашивать б... На одной испортил рыло и на 20 суток сел. С тех пор он долго не решался. Маникюра дамам наводить. Но после он, зато, покался. Что забыл ей волосы навить» [29. Л. 293]
Начальник Полтавского пункта, муж П. Култышевой	Знал о связи своей жены с Шаховым: «...Месть началась с обеих сторон. Муж твой львом на тебя поглядая: Можешь жить с Леонидом, но не со мной, тебя в упрек он бросая» [29. Л. 278–278 об.]
Женские персонажи	Краткая характеристика
Жена Шахова	Имела с Шаховым ребенка: «...Ты родным писала письма. И лгала в них на меня. Отец бедняга тоже верил. И клял меня, что есть души. ...А ты забыла про ребенка, который счастье составлял. Разрознить думаешь ребенка. ...Коль разойтись тебе хотелось, оставь мне Нэличку мою. Твоим родным все опишу. Поверь, одно сказать хочу я. Тебя любил, и я люблю. ...Ты довела меня до пьянства» [29. Л. 281 об., 283–284]
Жена начальника Полтавского пункта П. Култышева ¹	Имела связь с Л. Шаховым: Имела связь с Ж. Серединым. По свидетельству Шахова они совершили половой акт в зале кинотеатра, накрывшись шинелью: «...У меня глаза уж разбегались. Не успевал за всем следить. На экране было интересно. Но вправо было красивей. Зажгли огонь, они не видали. Тут масса на смех подняла» [29. Л. 284 об. – 285]
Некая Тamarочка, знакомая Шахова	Шахов заходит к ней вместе перед убытием в штрафную роту: Она взглядом меня одарила. И просила часок посидеть. Я согласился с Тамарой. И горя водку я стал выпивать

Итогом вышеописанных событий стало полное моральное падение Л. Шахова: пьянство, регулярные самовольные отлучки к «девочкам», заболевание триппером, гауптвахта и, наконец, штрафная рота [29. Л. 288, Л. 293 об. – 294]. Из приведенных в альбоме сведений можно сделать несколько наблюдений.

Во-первых, жены краскомов часто сталкивались с домогательствами со стороны сослуживцев своих мужей. Политуправления назы-

¹ Согласно донесению № 25 политотдела 12-й стр. дивизии от 15 июня 1928 г. жены начсостава 34-го полка подали коллективное заявление уполномоченному ОО за 44 подписями с требованием выселить из военного городка Дергунову и Култышеву, которых подозревали в занятии проституцией [29. Л. 195].

вали эту проблему пережитком «офицерских традиций» и одной из главных причин конфликтов в армейской среде [30. Л. 66]¹. Явление было обыденным на периферии, где остро ощущалась нехватка женщин «европейского типа» и возможностей для содержания семей. В частях Туркестанского фронта, в которых согласно обзорам политико-морального положения за 1924 г. и 1926 г. фиксировались даже случаи скотоложества, ухаживания за чужими женами вели к «повседневным случаям ревности, и от нее – к самоубийству». За январь-июль 1924 г. так называемая «романическая подкладка» спровоцировала гибель троих из 17 покончивших с жизнью краскомов, за 1925 г. – четыре из 20 [33. Л. 213; 34. Л. 165]. Среди склонных к прелюбодейству семейных командиров 35 % вступали в связь с супругами своих армейских товарищей. Причем отдельные женщины являлись общими для целых групп мужчин [18. Л. 276; 33. Л. 210 об.]. Эти факты выявили анонимные опросы, однако кто-то и вовсе не считал нужным их скрывать. Самым экстравагантным можно полагать комполка 6-й кав. бригады (САВО), который летом 1926 г. торжественно с оркестром и попойкой отпраздновал сожителство с женой делопроизводителя [35. Л. 69].

Почти общим явлением ухаживания называла и Московская ОПК. В ее докладе ответственному секретарю конфликтной комиссии ПУР РККА упомянуто несколько инцидентов за апрель-июнь 1925 г.: «Комвзвода 62 кав. полка, член партии с 1920 г., ревнуя жену к комполка, ранил ее двумя выстрелами из нагана. На той же почве в той же бригаде между двумя комвзводами возник антагонизм, имевший отрицательное влияние на работу» [30. Л. 37]. Более подробно один из эксцессов описан в почто-телеграмме политуправление 5-й армии. По имевшимся сведениям, летом 1924 г. военком 24-го бронепоезда сошелся с супругой командира БЕПО, который находился на оперативном задании, и хотел увезти ее во Владивосток, угрожая в случае отказа покончить жизнь самоубийством. Узнав обо всем по возвращении, муж заявил начальнику ОО ГПУ о намерении убить обоих любовников, выражая обеспокоенность судьбой своего ребенка. Позднее он стрелял в военкома и опасно ранил того в грудь [36. Л. 155].

¹ Проблема ухаживаний за женами сослуживцев существовала и в Русской Императорской армии. Ее в числе прочих пороков, охвативших офицеров провинциального гарнизона, высмеял в своей сатирической повести «На куличках» (1914 г.) Е.И. Замятин [31].

Под иным углом тему раскрыл И.С. Шмелев в неоконченном романе «Солдаты», главный герой которого, капитан Бураев, влюбчивый и терзаемый смутными переживаниями, увлечен супругой батальонного командира. В подобном поведении автор видит романтическую натуру человека и его трепетное отношение к женщинам. Одновременно образ капитана можно расценить как аллегория на русское общество, пребывавшее накануне грандиозных потрясений в сильном смятении [32].

Доходило до жестоких нападений и на объект влечения [37. Л. 208 об.; 38. Л. 162]. Летом 1926 г. начальник политотдела 51-й дивизии (УВО) Лукьянович, требуя от партбюро и президиумов отдельных ячеек активнее изучать и бороться с болезненными тенденциями среди членов дивизионной парткомиссии, описал ряд ненормальных ситуаций. Самая вопиющая – попытка командира бронепоезда изнасиловать жену сослуживца, которой оставалось 12 дней до родов [39. Л. 297].

Второе наблюдение из повествования Шахова – наравне с краскомами нравственному упадку были подвержены и их супруги. Отчасти эта распущенность объяснялась дурным влиянием мужа. Пример тому – популярные во второй половине 1920-х гг. «пикники» начсостава, проводившиеся в целях «спайки» и перетекавшие порой в пьяные оргии. Летом 1927 г. на одном из таких «семейных праздников», который устроили военком и ответственный секретарь полкового бюро 3-го полка (Приволжский военный округ, далее – ПриВО), все приглашенные, не исключая дам, «перепились до невменяемости и вели себя безобразно». Действие происходило в дачном районе под Пензой и вскоре переместилось в местные пивные, где был устроен дебош с боем посуды. В завершение вечера «комвзвода Будилин у всех на глазах в присутствии своей жены прямо на телеге учинил половой акт с сильно пьяной женой командира 3 пулеметной роты» [40. Л. 140]. Аналогичный финал был у пикника, организованного в июле 1927 г. командиром Узбекского кав. полка (САВО) Обуховым вместе с помощником политрука с санкции полкового бюро ВКП(б), а также у пикника, который на берегу Днепра провели в апреле 1928 г. два ротных командира 64-й дивизии (БВО) с супругами [41. Л. 110; 42. Л. 171–172].

Вместе с тем инициатором «веселья» могла выступать и сама супруга краскома. Так, летом 1929 г. политуправление СКВО сообщало о развратных действиях компании из пяти командирских жен в 221-м стр. полку, пьянствовавших в отсутствие мужей с «чуждым элементом». Одна из них – жена начштаба полка – устроила у себя оргию, а на расспросы вернувшегося мужа ответила: «"а разве я жить не хочу?" И ударила его по лицу». Другая – жена комвзвода, комсомолка – долгое время пыталась заставить отделкома вступить с ней в половую связь, угрожая покончить с собой [43. Л. 87 об.].

Усугубленные пьянством личные проблемы провоцировали самоубийства и убийства среди семейного комсостава. БВО, февраль 1928 г.: тоскуя по застрелившейся жене, покончил жизнь самоубийством командир 23-го полка Текутьев, член партии с 1920 г. Описывая этот случай, Особый отдел (далее – ОО) негативно характеризовал погибших. Комполка – как склонного к алкоголизму, бравшего взаймы у сослуживцев, недисциплинированного, грубого, а жену – как участницу попок [44. Л. 98]. САВО, 1930 г.: старшина батареи 10-го горно-

стрелкового полка в ходе пьяной ссоры застрелил собутыльницу, позже – свою жену, а затем неудачно стрелялся сам. На следствии показал, что первую убил нечаянно, а вторую – из-за постоянных измен [45. Л. 36].

В-третьих, как видно из творений Шахова, женщины наряду с физическим насилием терпели от краскомов и насилие психологическое, выражавшееся в систематических унижениях. Исходя из материалов политуправлений, жестокость в семейном быту нередко отражала невозможность нормально расторгнуть брак [46, номер листа не указан; 36. Л. 52]. Из-за отсутствия собственного источника дохода и жилплощади развод для супруги командира мог обернуться катастрофой. В докладной записке о состоянии начсостава частей БВО за ноябрь 1928 г. приводились слова жены комвзвода 209-го полка, которая на почве пьянства и развращенности мужа заявляла: «жить с ним невозможно, а если разойтись, то некуда деваться. Проституцией заниматься я не хочу, а поэтому исход один – смерть мне или ему» [22. Л. 17].

Показателен пример семьи комроты 63-го полка (СибВО) Карелина, чья жена застрелилась в мае 1929 г. у его кровати. Будучи в разводе оба делили одну квартиру, причем у Карелина в это время жила новая женщина. Также гражданские судебные органы в ходе опроса соседей подтвердили грубость комроты: «бывали случаи, когда, придя домой обедать и, видя ее сидящей за столом, он буквально выбрасывал ее». Командование полка сообщало о множестве подобных моментов в жизни комсостава и намеривалось использовать дело для показательного суда, придав ему общественно-политический характер [47. Л. 144 об.]. Ряд аналогичных извращений приведен в информационном письме ОПК ПриВО за второе полугодие 1927 г.: «комвзвода, крестьянин, кандидат с 1923 г., бесконечная ругань с женой. Желая хоть временно освободиться от нее, послал к отцу на полевые работы, за отказ избил до синяков. Помкомроты, рабочий, член ВКП(б) с 1919 г., женат третий раз, последнюю жену довел до покушения на самоубийство, создавая заведомо невыносимые условия для совместной жизни. Старшина эскадрона, прочий, член ВКП(б) с 1926 г., опрометчивая женитьба, семейные скандалы, приведшие к тому, что жена выбросилась в окно с 4 этажа» [20. Л. 34].

В-четвертых, описанные Шаховым сослуживцы были заражены триппером, включая самого автора: «Три дня я мучился с бекасом. Решил тогда к врачу сходить. И он как взглянул, так и ахнул. Пролитани прописал». Описанные ненормальности перечислялись в обзорах ОПК, которые констатировали частые нарушения комэтики: «многоженство, оставление жен без материальной помощи, отказ от содержания своих детей. Избиение жен и убийство их, ухаживание за женами своих товарищей... партийцы под влиянием семьи отходят от партжизни, живут не посредством, что порождает задолженности...»;

«...безразборчивая половая связь без учета последствий... покушения жен на самоубийства, бракоразводные и алиментные дела, заражения венерическими болезнями» [20. Л. 34; 46, номер листа не указан].

Наконец, последнее наблюдение: все перипетии истории Шахова становились достоянием общественности, что еще сильнее накаляло ситуацию: «Тут сплетни пошли. Грязь полилась над нами»; «Узнал весь городок». Отдельно следует отметить: при всей неприглядности «стихотворений», автору свойственны искренние переживания: он стесняется лично признаться любовнице в своих чувствах, испытывает стыд перед людьми, когда его ведут на гауптвахту, сожалеет о судьбе своего ребенка, «который счастье составлял». Вместе с тем Шахов абсолютно не признает собственной ответственности за все происходящее и обвиняет лишь окружающих. Это сочетание циничного отношения к женщине и распутства с романтизмом, которое можно определить, как инфантильность, прослеживается в описании и ряда других любовных историй комсостава, приведенных далее.

2. Другой проблемой, связанной с особенностями армейского быта, был отрыв командиров от своих жен. Предпосылки к тому накапливались постепенно, начиная с таких мелочей, как нежелание мужа возвращаться со службы домой на обед из-за затрат на транспорт. Главной же причиной была перегруженность комсостава, который выполнял большой объем должностных обязанностей и заботой близких не баловал: «не до семьи» [16. Л. 249]. Как итог, с обеих сторон возникало недовольство совместной жизнью. Краскомы новочеркасских частей по свидетельству ОПК СКВО в 1926 г. признавались: «Жены правы, когда говорят, что очень мало уделяем им внимания. Мы с ними только обедаем, ужинаем, ложимся спать и ничего больше, не разговариваем, ничего интересного не рассказываем, никакой воспитательной работы не ведем – вот почему жены занимаются сплетнями» [46, номер листа не указан]. Сами супруги жаловались, что видят мужей раз в неделю и являются для них «исключительно постельной принадлежностью» [48. Л. 287 об.].

Анонимные опросы также показывали, что отдых многие партийцы стремились провести за уединенным чтением. Члены парторганизаций 3-й Кавказской стр. дивизии (114 чел.) на вопрос о том, в чем они находят удовлетворение, указывали разные варианты, наиболее распространенные среди которых – самообразование, работа и чтение (150 ответов). Вариант «семья» оказался наименее популярным (всего 19 ответов). Из 252 членов парторганизации 9-й дивизии (СКВО) только 22,6 % (44,3 % женатых) заявили, что предпочитают проводить свободное время с супругой и детьми и 27,4 % выбрали клуб, библиотеку, читальню [49. Л. 15 об.; 50. Л. 4].

Еще сильнее отчужденность усугублялась за время длительных служебных командировок. Летом 1923 г. был даже зафиксирован слу-

чай отравления жены комбата 108-го полка (Отдельная Дальневосточная армия, далее – ОДВА), которая тяжело переживала запрет на посещение лагерей комсостава [51. Л. 131]. Обратной стороной могло быть появление другой семьи. Согласно сводке ПУР РККА в марте 1925 г. сразу несколько краскомов 19 тер. дивизии (МВО) вернулись после трехмесячного пребывания в районе комплектования с новыми женами, что провоцировало скандалы с женами старыми [19. Л. 63]. Схожие ситуации возникали и при направлении в военно-учебные заведения в крупные города, где семейные командиры, не имевшие возможности взять с собой супругу, сходились с местными комсомолками и представительницами шефских организаций [52. Л. 274 об.; 53. Л. 314 об.]. В 1923 г. комиссар Высшей военной школы связи (Москва) докладывал начальнику политотдела ГУ ВУЗ, что психология многих слушателей (225 чел.) «эволюционирует в сторону кастового обособления краскомов и усвоения идеологии старого офицерства». На этой почве одни разводились с женами-крестьянками, а другие постепенно отходили от своей крестьянской семьи [54. Л. 65]. Отвечая на вопрос о половых взаимоотношениях, один из партийцев, участник октябрьского анкетирования 1924 г., написал о необходимости искоренить подобные «несуразицы, имеющие место в ВУЗах: сам, мол, приезжай, а жену оставь так». По его мнению, эта бытовая неустроенность имела крайне серьезные последствия: «Беря в основу рабоче-крестьянскую партийную массу, на которой держится курс РКП, отрываться в мирное время от малограмотных жен – значит разводить многоженство и проституцию. Жены партийцев должны быть застрельщиками жендвижения, а они сзади» [10. Л. 299].

Интересные мнения по теме изложены в анонимных анкетах двух слушателей Высшей военной автоброневой школы (1924). Если первый безапелляционно утверждал, что после воспитания ребенка останется холостым, и смотрел на брак как «на ненужный предмет», то второй однозначного ответа не дал, рассуждая, что семья «занятиям, несомненно, мешает, но жизнь полнее». Основой отношений он полагал «понимание слабых сторон мужа и жены», а также общие интересы и с неудовольствием упоминал об отравляющем влиянии совместно с ними проживавших тестя и тещи, чьи разговоры возбуждали в супруге ревность и религиозность [55. Л. 5].

Таким образом, исходя из приведенных в документах примеров, жены комсостава РККА в условиях армейского быта попадали порой в одну из двух крайностей: с одной стороны, они оказывались надолго оторванными от мужей, которые регулярно разъезжали по делам службы, с другой – находились в полной зависимости от них и их жилплощади. На этой почве в местах общего проживания командирских семей, особенно в провинции, процветали явления, способствовавшие моральному разложению целых частей, что наблюдалось и в Русской

императорской армии. Нездоровая домашняя обстановка тяготила краскомов и нарушала товарищеские и служебные отношения между ними вплоть до вооруженных конфликтов.

III. На всем протяжении 1920-х гг. семейная жизнь в СССР строилась в условиях масштабного эксперимента новой социальной политики, в контексте радикального переосмысления взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также целого ряда сопряженных аспектов, как «половой вопрос», полигамия/моногамия, материнство, аборты, любовь и т. д. Дискурс большевистских идеологов отражал широкий спектр мнений: от утопических теорий А.М. Коллонтай о «крылатом эросе» и призывов С.Н. Смидович к полному воздержанию до популизма Л.Д. Троцкого и предложений бороться с развратом посредством спорта (личная переписка В.И. Ленина) или коммунистического просвещения (статьи А.В. Луначарского) [56, с. 199–227]. Все они, однако, порицали институт традиционной семьи. Этому оплоту эгоистической «буржуазной морали» противопоставлялся идиллический пролетарский союз полов, равноправный и основанный на «духовной близости». В обществе данная полемика, развернувшаяся на страницах массовой печати, понималась во многом превратно. Отсюда «половая вакханалия» и упадок семейных ценностей. По данным социологических опросов, которые приводит в своей монографии Н.Б. Лебина, в 1922 г. 80,8 % советских студентов и более 50 % студенток вступали в кратковременные связи. В 1927 г. результаты всесоюзного обследования показали, что две трети рабочих начали вести сексуальную жизнь до совершеннолетия, а почти 15 % – до 14 лет, причем многие, в том числе комсомольцы, сразу с 2–3 партнерами [57, с. 229].

Проблему осложняла неопределенность законодательства 1917–1918 гг., допускавшего две формы брака – зарегистрированного и фактического. Ни один из них юридических прав и обязанностей за супругами не закреплял и совместного владения нажитым имуществом не подразумевал [58]. Соответственно, если в первом случае при разводе государство гарантировало не имевшим постоянного заработка женщинам (батрачкам, крестьянкам, домохозяйкам) экономическую защиту, то во втором случае они оказывалась без всяких средств к существованию. Попытку исправить положение предприняли в середине 1920-х гг. Вступивший в силу кодекс 1926 г. приравнял фактические браки, статус которых подтверждался судом, к зарегистрированным, и предоставил женщинам преимущества в спорах по вопросам установления отцовства ребенка и алиментных выплат [59].

Отголоски перечисленных изменений прослеживаются и в материалах политуправлений о моральном облике начсостава РККА. В первую очередь сводки и доклады указывали на смещение нравствен-

ных ориентиров у молодых краскомов и курсантов, многие из которых превращали свою семейную жизнь в череду беспорядочных любовных походов, имевших нередко драматическую развязку. Подобное поведение могло быть проявлением не только слабохарактерности, но и общей апатии, разочарования от «неустроенного быта с заунывной текучкой», «гнетущей повседневной атмосферой», когда терялось направление собственной жизни [60, с. 169]. Из обзора самоубийств по СибВО за 1927 г. и первую половину 1928 г.: «5 кав. бригада, комвзвода, крестьянин, беспартийный... со своей женой не раз расходился, затем опять сходился. В половом отношении был распущен: товарищам заявлял, что с одной женщиной он жить не может, ему нужны все новые и новые. Угнетала Даурская обстановка: "жил плохо, и теперь не мед в этих Даурских условиях, и на какой черт живу, остается только застрелиться". В общественную работу не был втянут... 26 дивизия. Отделком, батрак, беспартийный. Дома осталась жена. Будучи на курсах химиков в 34 полку сошелся с другой женщиной. В Ачинске сошелся еще с одной. Развязка – самоубийство» [13. Л. 267].

Душевные муки и не только вызывали и более приземленные последствия сексуальной распущенности, такие как алиментные обязательства, тяжким грузом ложившиеся на бюджет командира, или инфекционные заражения. Документы изобилуют описаниями соответствующих случаев: 1925 г., комроты, член ВКП(б) «неоднократно был замечен в пьянстве, получал предупреждения, покушался на самоубийство, но не смертельно. Развелся с женой, которая имела ребенка. Женился на другой, с которой тоже имел ребенка. Заболел венерической болезнью. С обеими женами поддерживал письменную связь, и когда обе одновременно приехали, запил и застрелился» [12. Л. 12 об.]. Аналогичная картина предстает в донесении политуправления УВО от 24 ноября 1928: «...жена комвзвода 132 полка 44 дивизии двумя выстрелами из револьвера убила мужа на почве семейных неурядиц. ...Покончил жизнь самоубийством старшина сверхсрочной службы 71 полка 25 дивизии. Имел трех жен, у каждой были дети. Задолженность громадная. Кроме того, долго болел венерической болезнью. ...В Кременчуге в железнодорожном саду найден труп покончившего с собой начальника разведки 2 дивизиона 25 арт. полка с огнестрельной раной в висок навывлет. Оставил записку жене: "Нюра, прости, я виноват в твоей болезни, я тебя заразил, вину искупаю своей смертью, прощай". При медицинском освидетельствовании ни у него, ни у жены болезнь не обнаружена» [61. Л. 334–335].

Измены питали обоюдную ревность, которая истощала нервы людей и толкала их на преступления. Данный порок стал одним из главных мотивов убийств в семьях комсостава, о чем сообщали из разных военных округов. СКВО, 1922 г.: «курсант кав. отделения Краснодарских командных курсов РККА, член РКП(б), на центральной улице го-

рода убил ударами шашки по голове и лицу жену на почве ревности»; СибВО, 1925 г.: 103 стр. полк, по дороге в Михалево в яме обнаружен труп женщины. В тот же день к военному полка явился комвзвода и сообщил что это его жена, которую он задушил на почве ревности с ее стороны [62. Л. 270]. УВО, 1925 г.: «комвзвод батареи 48 полка по данным предварительного следствия убит супругой. Последняя прострелила себе череп, но осталась жива. Причина – ревность. При погибшем найдена карточка другой женщины». МВО, 1926 г.: «комвзвод 17 полка 6 дивизии у себя на квартире застрелил свою жену и лишил себя жизни предположительно на почве ревности» [16. Л. 49 об.; 63. Л. 29; 64. Л. 78 об.]. Интересные сведения по теме включает ниже следующая таблица из обзора ПУР РККА о чрезвычайных происшествиях.

Таблица 2

Обстоятельства убийств граждан лицами начсостава РККА за зиму 1927/1928 гг.

Кем убиты	Пол жертвы	На почве ревности и семейных разногласий	В пьяном виде	Обороняясь от нападения	Прочие обстоятельства	Всего
Начсоставом	Муж.		2	2	4	8
	Жен.	7	1		3	11
Младшим начсоставом	Муж.	1	5	3	3	12
	Жен.	5	1			6

Составлена на основе: 65. Л. 117 об.

Как показывает табл. 2, чаще всего к применению оружия против гражданского населения начсостав побуждала ревность – 13 убитых (из них 12 – женщины), и пьянство – девять убитых. И лишь 5 чел. краскомы застрелили при самообороне.

Со второй половины 1920-х. гг. документы раскрывают материальный мотив подобных эксцессов: УВО, 1926 г.: «Старшина 6 полка покушался неудачно на самоубийство. Причина: развод с женой, раздел имущества» [16. Л. 243]; ПриВО, 1927 г.: «в квартире своей сожительницы повесился курсант Саратовской пех. школы, член ВКП(б), вынужденный ежемесячно выплачивать 10 руб. алиментов предыдущей партнерше, с которой он 8 месяцев прожил фактическим браком. После того, как его новая любовница узнала об этом и предложила взять ребенка себе на воспитание, курсант заявил: "хорошо, если бы ты у меня была одна и первая, а то ты девятая, среди которых у меня голова кругом"» [20. Л. 34 об.]. Впечатляют данные ПУР РККА за октябрь-декабрь 1928 г., особенно по УВО: «командир дивизиона 68 стр.

полка убит ревнивой женой, с которой собирался разводиться; убит женой комвзвода 132 стр. полка; облит серной кислотой своей женой отделенный командир 299 стр. полка. Комвзвода убил жену выстрелом в висок; комроты 152 стр. полка застрелил жену и покончил с собой. В МВО на почве ссоры был облит женой керосином во время сна и сожжен комвзвода 3 сап. батальона» [66. Л. 185–185 об.].

Запечатлены в документах и отдельные последствия упрощения процедуры расторжения брака, для чего хватало согласия одной из сторон. Политуправление СКВО отмечало на этой почве регулярные нарушения партийной этики во Владикавказской школе. С ноября 1927 г. по апрель 1928 г. здесь было оформлено 13 разводов: «ответственный секретарь бюро комсомола развелся, его жена перешла к курсанту, а потом отсекал снова на ней женился, что в корне подорвало его авторитет. Член партии женился на машинистке, имевшей ребенка. Вскоре он жестоко избил этого ребенка, за что был привлечен к партответственности». Данные факты в обзоре объяснялись изолированностью школы, находившейся за городом, однако налицо невыдержанность личного состава. Те же явления, хотя и не так ярко, процветали и в других вузах РККА [67. Л. 3].

Одновременно при описании семейных конфликтов политработники стали оговаривать форму брака, а к концу 1920-х гг. в сводках и донесениях все больше появлялось упоминаний о попытках женщин, находившихся в фактических отношениях, отстаивать свои права. МВО, 1924 г.: «комвзвод 167 полка Мухин ранил из револьвера свою жену /не законную/ гражданку Вербицкую, якобы уличенную им в легком поведении» [68. Л. 381]. УВО, лето 1926 г.: «В деревне Альбиновке /район лагерей/ гражданка г. Житомира 4 выстрелами из Нагана смертельно ранила комвзвода 132 полка. Причина – отказ жить с ней, т.к. живя, не зарегистрировавшись, ей пришлось сделать 2 аборта, приемные родители выгнали ее. Когда она пришла на квартиру к комвзводу, тот прогнал ее... Красноармейцы говорили: у нас нет времени в уборную сходить, а они по б... ходят, из-за этого и убивают» [16. Л. 252]. Из сводок статистического отдела ГУ РККА, на 26 апреля, 1 ноября и 10 декабря 1930 г.: на почве ревности комбат 132-го стр. полка застрелен на своей квартире девушкой, с которой жил в незарегистрированном браке. В гостинице ЦДКА выстрелом из нагана гражданка убила помощника начальника 5-го отдела командного управления ГУ РККА. Командир взвода 285-го стр. полка в г. Балте (УВО) четырьмя выстрелами убил женщину, предъявлявшую ему претензии ввиду беременности [69. Л. 13 об., 170 об., 223 об.].

Изученные материалы о чрезвычайных происшествиях среди комсостава РККА – ценный источник по природе семейного насилия, глубинным мотивом которого в ряде случаев было недовольство брачной жизнью. Описанные сюжеты раскрывают причины личного и матери-

ального свойства, которые по-разному воздействовали на супругов. Именно разочарование проявляли командиры, чьи личные пороки на фоне отмирания отдельных устоявшихся табу усугублялись и вели к эмоциональному опустошению. Одних на самоубийство или убийство толкала перспектива имущественной тяжбы с женой, других – последствия собственного распутства. Женщины, напротив, редко решались на суицид и предпочитали отстаивать свою честь и права при помощи оружия.

Список литературы

1. Каминский В.В., Исповедников Д.Ю. «Если холостой комсостав еще кое-как перебивается, то с семейным ...дело обстоит гораздо хуже» (Материальные условия жизни комсостава РККА в 1920-х гг. по документам Политуправления РККА и военных округов) // Ист. повседневности. – 2018. – № 2. – С. 9–47.

2. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 9. Оп. 3. Д. 195.

3. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 199.

4. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 161.

5. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 187.

6. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 409.

7. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 191.

8. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 218.

9. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 791.

10. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 711.

11. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 738.

12. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 205.

13. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 273.

14. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 1322.

15. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 196.

16. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 425.

17. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 241.

18. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 261.

19. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 151.

20. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 261.

21. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 256.

22. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 600.

23. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 69.

24. РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 2.

25. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 91.

26. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 497.

27. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 160.

28. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 136.

29. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 276.

30. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 1264.

31. Замятин Е.И. На куличках. – М., 2014.

32. Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. – М., 2015.

33. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 186.

34. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 279.

35. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 100.

36. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 432.

37. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 289.
38. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 264.
39. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 419.
40. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 300.
41. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 239.
42. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 273.
43. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 129.
44. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 256.
45. РГВА. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 56.
46. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 236.
47. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 131.
48. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 264.
49. РГВА. Ф. 25896. Оп. 2. Д. 51.
50. РГВА. Ф. 9. Оп. 17. Д. 166.
51. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 468.
52. РГВА. Ф. 25899. Оп. 2. Д. 434.
53. РГВА. Ф. 25888. Оп. 7. Д. 49.
54. РГВА. Ф. 9. Оп. 3. Д. 139.
55. РГВА. Ф. 25888. Оп. 2. Д. 1252.
56. Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 гг. и «половой вопрос» (о попытках регулирования социальной политики в области сексуальности) // Сов. социальная политика 1920–1930-х гг.: идеология и повседневность. – М., 2007. – С. 199–228.
57. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. – М.: Новое лит. обозрение, 2016.
58. Декреты Советской власти. Т. I. 25 окт. 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
59. Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. Библиотека нормативно-правовых актов СССР // 2016, Интернет архив законодательства СССР. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm
60. Тяжелыникова В.С. Самоубийства коммунистов в 1920-е гг. // Отеч. ист. – 1998. – № 6. – С. 158–173.
61. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 58.
62. РГВА. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 262.
63. РГВА. Ф. 25896. Оп. 4. Д. 243.
64. РГВА. Ф. 25883. Оп. 2. Д. 1216.
65. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 159.
66. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 103.
67. РГВА. Ф. 9. Оп. 18. Д. 319.
68. РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 325.
69. РГВА. Ф. 9. Оп. 26. Д. 484.

References

1. Kaminskij V.V., Ispovednikov D.YU. «Esli holostoj komsostav eshche koe-kak perebivaetsya, to s semejnym ...delo obstoit gorazdo huzhe» (*Material'nye usloviya zhizni komsostava RKKA v 1920-h gg. po dokumentam Politupravleniya RKKA i voennyh okrugov*) ["If the dummy command is still somehow interrupted, then the family ...the situation is much worse" (Material living conditions of the commanders of the red army in the 1920s, according to the documents of the political Department of the red army and of military districts)] // *Istoriya povsednevnosti* [History of everyday life]. – 2018. – № 2. – S. 9–47.

2. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv* [Russian state military archive] (dalee – RGVA). F. 9. Op. 3. D. 195.
3. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 199.
4. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 161.
5. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 187.
6. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 409.
7. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 191.
8. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 218.
9. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 791.
10. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 711.
11. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 738.
12. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 205.
13. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 273.
14. RGVA. F. 25899. Op. 3. D. 1322.
15. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 196.
16. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 425.
17. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 241.
18. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 261.
19. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 151.
20. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 261.
21. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 256.
22. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 600.
23. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 69.
24. RGVA. F. 9. Op. 36. D. 2.
25. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 91.
26. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 497.
27. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 160.
28. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 136.
29. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 276.
30. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 1264.
31. *Zamyatin E.I. Na kulichkah*. M., 2014.
32. *SHmelev I.S. Sobranie sochinenij v 5 t.* [Collected works]. – T. 4. – M., 2015.
33. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 186.
34. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 279.
35. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 100.
36. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 432.
37. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 289.
38. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 264.
39. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 419.
40. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 300.
41. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 239.
42. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 273.
43. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 129.
44. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 256.
45. RGVA. F. 25895. Op. 1. D. 56.
46. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 236.
47. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 131.
48. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 264.
49. RGVA. F. 25896. Op. 2. D. 51.
50. RGVA. F. 9. Op. 17. D. 166.
51. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 468.

52. RGVA. F. 25899. Op. 2. D. 434.
53. RGVA. F. 25888. Op. 7. D. 49.
54. RGVA. F. 9. Op. 3. D. 139.
55. RGVA. F. 25888. Op. 2. D. 1252.
56. Pushkarev A., Pushkareva N. *Rannyyaya sovetskaya ideologiya 1918–1928 gg. i «polovoj vopros» (o popytkah regulirovaniya social'noj politiki v oblasti seksual'nosti)* [Early Soviet ideology of 1918-1928 and the "sexual question" (about attempts to regulate social policy in the field of sexuality)] // *Sovetskaya social'naya politika 1920-h-1930-h godov: ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920s-1930s: ideology and everyday life]. – M., 2007. – S. 199–228.
57. Lebina N.B. *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii* [Soviet everyday life: norms and anomalies]. – M.: NLO, 2016.
58. *Dekrety Sovetskoj vlasti. Tom I. 25 oktyabrya 1917 g. – 16 marta 1918 g.* [Decrees of the Soviet power. Volume I. October 25, 1917-March 16, 1918]. M., 1957.
59. *Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke RSFSR 1926 g. Biblioteka normativno-pravovyh aktov SSSR* [The code of laws on marriage, family and guardianship of RSFSR 1926 Library of normative legal acts of the USSR] // 2016, *Internet arhiv zakonodatel'stva SSSR*. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3124.htm
60. Tyazhel'nikova V.S. *Samoubijstva kommunistov v 1920-e gody* [Suicide of Communists in the 1920s] // *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. – 1998. – № 6. – S. 158–173.
61. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 58.
62. RGVA. F. 25893. Op. 1. D. 262.
63. RGVA. F. 25896. Op. 4. D. 243.
64. RGVA. F. 25883. Op. 2. D. 1216.
65. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 159.
66. RGVA. F. 9. Op. 28. D. 103.
67. RGVA. F. 9. Op. 18. D. 319.
68. RGVA. F. 25888. Op. 1. D. 325.
69. RGVA. F. 9. Op. 26. D. 484.

Статья поступила в редакцию 28.02.2019 г.

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 355.66(470)"1914/1918"

ГРНТИ 03.23.55 История России Новейшего времени

М.В.Оськин

Вещевое снабжение русского солдата в период Первой мировой войны: климат и военная форма в окопах

В статье рассматривается проблема вещевого довольствия русского солдата в окопах Первой мировой войны. Наличие всех видов обмундирования и особенно обуви, прямым образом влияло на ведение боевых действий в суровом климате Восточного фронта. Недостатки снабжения отражались на повседневной жизни войск и исходе сражений. Русское интендантство приложило все усилия, чтобы обеспечить армию всеми видами вещевого довольствия. Ввиду его нехватки, военнослужащим разрешалось носить собственные вещи за вознаграждение. Помимо того, интендантство покупало у призывников годные для войск вещи по установленным ценам. Слабость российской промышленности не позволила заготовить предметы вещевого довольствия в необходимом количестве. Командованием применялись различные меры для исправления ситуации. Шинели, гимнастерки и шаровары делались из худших сортов ткани. Сапоги могли заменяться ботинками с обмотками. Нехватка фуражек восполнялась пилотками. Тем не менее русские войска не испытывали особенных затруднений в получении обмундирования и обуви. Интендантство было готово выполнить свой долг и в условиях развивавшегося в России в 1917 г. революционного процесса. В течение всей войны русскому интендантству не удалось в полной мере обеспечить всех солдат вещами и обувью, хотя к тому были приложены все возможные усилия.

Ключевые слова: интендантское довольствие, шинель, сапоги, военная форма, мундирная одежда, комплект белья.

M.V. Os'kin

The clothing supply of the Russian soldier during the First World War: the climate and a military uniform in the trenches

The article deals with the problem of the clothing allowance of a Russian soldier in the trenches of the First World War. The presence of all types of clothing and especially footwear direct impact on the conduct of hostilities in the harsh climate of the Eastern front. Disadvantages of supply was reflected on the daily lives of troops and the outcome of battles. The Russian intendantcy has made every effort to provide the army with all kinds of clothing allowance. Due to its shortage, soldiers were allowed to wear their own clothes for the award. In addition, the Commissariat bought from recruits items at fixed prices which are fit for the troops. The weakness of the Russian industry has not allowed

© Оськин М.В., 2019

© Os'kin M.V., 2019

preparing the items of clothing allowance in the required amount. The command applied various measures to remedy the situation. Overcoats, tunics and trousers were made of the worst types of fabric. Boots with windings could replace boots. Lack of caps was filled with caps. However, the Russian troops did not have any particular difficulties in obtaining uniforms and shoes. The intendants were ready to fulfill their duty in the conditions of the revolutionary process developing in Russia in 1917. Throughout the war, the Russian intendants failed to fully provide all the soldiers with things and shoes, although every effort was made.

Key words: intendant allowance, overcoat, boots, military uniform, uniform, underwear set.

На войне не обойтись без хорошей одежды и обуви. Вещевое довольствие солдата составляет ту часть повседневной жизни фронтовика, что имеет непосредственным следствием действия в сражении целых подразделений. Соответствие обмундирования определенному климатическому режиму данной местности в конкретное время года, ежедневное состояние обуви в походе и в окопе, наличие головного убора и теплых вещей – эти факторы представляются неотъемлемой частью уверенности в успешном исходе сражения, если не целой войны. Авторитетными исследователями военной антропологии замечено, что «наряду с экстремальной боевой обстановкой, важнейшее влияние на психологию комбатантов оказывали специфические условия фронтового быта... именно быт наиболее ярко выявляет закономерности, общие черты солдатской психологии» [1, с. 26, 34].

В начале Первой мировой войны 1914–1918 гг. русский солдат при мобилизации получал такие предметы вещевого снабжения, как шинель, мундир, шаровары, фуражку, пояс, пару сапог, две нательные рубахи, двое исподних брюк, полотенце, два носовых платка, три пары портянок, вещевой мешок, сухарный мешок, баклагу и 45 к. амуниционных денег на приобретение различных мелочей солдатского быта – иголку, нитки и т. п. В военное время каждому солдату полагалось по пять пар сапог в год, шесть пар белья и две пары обмундирования. Парадные мундиры во время войны не употреблялись.

Летнее обмундирование: суконная фуражка защитного цвета с кокардой и козырьком, гимнастерка защитного цвета, брюки, сапоги, две пары бязевого белья, две пары бязевых портянок, полотенце, шинель серого сукна защитного цвета с петлицами и погонами. В зимнее время солдату выдавались полушубок или бушлат, пара валенок, фуражка, теплые фланелевые кальсоны, башлык, набрюшник, пара рукавиц и варежки с двумя пальцами – большим и указательным – для стрельбы, суконные портянки, папаха «с опускающимся на уши отворотом» или папаха с парой наушников. В военное время постели было не положено, и она заменялась «соломенной матой или отпуском соломы подстилочной» [2. Л. 41–42].

С 1912 г. форменные погоны стали защитного цвета. В гвардейских частях для переноса вещей остались ранцы, а у пехоты вводились вещевые мешки, которые на жаргоне назывались сидор, и в которых, помимо вещей, носился холщовый мешочек для сухарной порции и консервы. Солдат должен был иметь в ранце пару постельного белья, рукавицы и опорки вместо сапог, индивидуальный перевязочный пакет. Вещмешок носился на двух ляжках на спине: полотенце, мыло, кружка, ложка и другая мелочь + полотнище походной палатки с полустойкой и веревкой с приколышем. При мобилизации в 1914 г. солдат снабжался на год двумя рубахами, двумя парами исподних брюк, тремя парами портянок, двумя носовыми платками, одним утиральником, одной парой сапог [З. Л. 125].

Проведенная в 1912 г. реорганизация русской военной формы, вернувшая ее по покрою и эстетике к образцам эпохи Александра II, позволила накопить достаточные запасы интендантского имущества. К концу 1913 г. неприкосновенный запас вещей был доведен до 100 % белья и конского снаряжения, 90 % походного обмундирования и обуви. В запасах военного времени состояло все обмундирование для европейских и две трети для сибирских военных округов. С учетом развертывания действующей армии в более чем 5 млн чел. интендантство к началу 1914 г. имело в запасе имущества, пригодного для полного оснащения более чем 2,5 млн чел. Вместе с почти 1,5 млн солдат кадровой армии они составили бы около 4 млн бойцов, полностью экипированных и вооруженных. Остальная масса призывников – 1,5 млн людей – должна была быть обеспечена производством во время начавшейся войны.

Норма вещевого довольствия в военное время, исчисленная теоретически перед войной, составляла шесть комплектов белья, четыре пары сапог, две пары шаровар в год. Таким образом, если рассчитывать на год войны, то предстояло сделать еще как минимум 5 млн пар сапог и 7–8 млн комплектов белья. Но это необходимый минимум. Всего за войну войска получили 65 млн пар сапог, 15 млн валенок и 51 млн белья. Положенные сроки носки обмундирования составляли: суконная гимнастерка – два года, суконные брюки – год, шинель – два года, суконная фуражка – два года, папаха – четыре года, башлык – шесть лет. В военное время срок носки неизмеримо сокращался.

В связи с тем, что наличного числа комплектов одежды и обуви на всех людей не хватило бы, Генеральный штаб предложил обмундировывать войска по очереди. Очередность заключалась в следующем порядке: 1) весь наличный состав запасных батальонов, 2) ратники, передаваемые в запасные батальоны на основании повеления Верховного главнокомандующего от 8 сентября 1914 г., 3) новобранцы, которые в ближайшем будущем поступят в запасные войска. Нехватка интендантского имущества напрямую сказывалась на ведении воен-

ных операций и на ходе сражений. В ноябре 1914 г. с Юго-Западного фронта сообщали, что комплект людей в соединениях – 300 тыс. чел. и просили, «насколько возможно давать ружья, снаряжение, теплую одежду». Однако из Главного интендантского управления ответили, что «высылка укомплектований задерживается за необходимостью снаряжения теплыми вещами, рассылка которых при громадных расстояниях и неудобствах сообщения требует много времени. Частей, из которых могла бы быть произведена передача обмундирования и снаряжения, нет». Учитывая информацию интендантства, Главное управление Генерального штаба доносило в Ставку, что «число ежедневно отправляемых маршевых рот зависит не от количества имеющихся в наличии обученных людей, а исключительно от количества наличного вооружения, снаряжения и обмундирования» [см.: 4].

Сэкономить пытались прежде всего на тыловых частях. Уже 12 августа 1914 г. Главный интендант Д.С. Шуваев разрешил окружным интендантским управлениям заготавливать вещевое имущество произвольных образцов для ополченцев: «вещи в готовом виде или материалы для постройки покупать какие есть на местном рынке, лишь бы были пригодны; при этом желательно одеть ратников одной и той же дружины по возможности единообразно» [3. Л. 74]. В том же августе из Одесского военного округа порой отправлялись на фронт нижние чины «в собственной одежде и без вооружения и снаряжения, за недостатком в округе мундирной одежды и виду того, что винтовки для них не отлажены» [5. Л. 216].

Осенью из тыловых гарнизонов докладывали, что «некоторые ратники до сего времени не имеют на фуражках ополченских знаков, а на шинелях – погон». Правда, на фронте не хватало и шинелей, почему в тылу стали отбирать и их: шинели из запасных частей зимой 1914–1915 г. передавались в действующую армию, а тыловым батальонам и ополченским дружинам выдавались «удлиненные полушубки с нашитыми на них погонями», потому что закончились запасы серошинельного сукна. Ситуация оказалась настолько тяжелой, что 27 декабря император разрешил в военное время изготавливать для войск шинели «из защитного шароварного сукна, из пропитанной водонепроницаемым составом хлопчатобумажной ткани и из льняной брезентной ткани, подбивая шинели ватой или иной подходящей теплой подкладкой» [6. Л. 65].

Попытка властей и общественных организаций обратиться за помощью к населению дала, скорее, пропагандистский эффект. Уже в первый год войны из армии писали: «из газет мы знаем, что как будто вся Россия готовит эти [теплые] вещи, а здесь мы их почти не видим». В определенной степени помощь тыла нивелировалась организационными неурядицами войскового тыла, а то и просто самодурством. Например, письмо офицера с фронта о работе начальника вещевого

склада: «князь подарил мне теплую, толстую шерстяную фуфайку. У него целый склад теплых вещей, присланных для солдат, но им он их не дает, говоря, что они все эти вещи продают и что с этими подлецами слишком нянчатся. Поэтому склад теплых вещей у него остается нетронутым, и он дарит вещи только офицерам» [7. Л. 26; 8. Л. 22].

Ставка Верховного командования пыталась исправить ситуацию улучшением работы интендантских служб, однако выпускаемые Ставкой указания неизменно наталкивались на объективные пробелы и просчеты в работе тыла. Например, приказ Верховного главнокомандующего от 5 декабря 1914 г. гласил:

- «...служба тыла и службы снабжения от фронтов и армий до отдельных частей войск стоит не на желательной и возможной высоте. Из письменных и устных докладов главных начальников снабжений явствует, что лишние запасы имелись и имеются почти всегда в достаточном количестве, как, например, хлеб и овес, в распоряжении тылов фронтов и передаются ими в тылы армий, и в то же время до войск не доходят или доходят в недостаточном количестве...».

- «В этом отношении я, к сожалению, вижу, что не все начальники на должной высоте. Там, где строевое начальство заботливо к людям и строго требовательно к представителям службы снабжения, дело обстоит даже отлично. При другом отношении получают даже возмутительно преступные примеры бездействия власти...»

- «От сытых и тепло обутых и одетых людей и кормленных и подкованных лошадей можно требовать многое, и я глубоко верю, что они это дадут с лихвой, видя заботу о себе...»

- «Нельзя находить оправдание в цифровых отчетах, и я категорически требую, чтобы были приняты начальниками всех степеней самые энергичные и драконовские меры для проверки причин задержки, где бы то ни было, запасов, имеющихся в наличии в распоряжении фронтов и все же не доходящих до войск...»

- «Для восстановления порядка необходимо ввести строгую ответственность, предание всех виновных суду, а не ограничиваться, как это имело место, перемещением или увольнением от службы со всеми преимуществами, установленными законом для честных и усердных слуг Государя, а не бездействующих властью или, тем более, преступных». Нехватка обмундирования не позволяла воплотить приказы в жизнь.

Какие-то пополнения отправлялись в действующую армию полностью обмундированными, какие-то – нет. Пример последнего – телеграмма начальника 11-й пехотной запасной бригады окружному интенданту Московского округа от 11 декабря 1914 г.: «все нижние чины имеют обмундирование, но крайне разнообразное: походное, темно-зеленое прежнего образца и упрощенное ополченское. В шинелях ощущается значительный недостаток, а кроме того отпускаемые ши-

нели не соответствуют росту людей и часто отпускаются одного номера 2-го, то есть самого малого размера, негодного для выдачи в носку». Сапоги также многие малы, ибо «ввиду надевания теплых портянок размер сапог должен быть значительно большим против размера ноги» [9. Л. 1 об., 28, 67].

Действительно, главным недостатком среди предметов вещевого снабжения, стала обувь – прежде всего сапоги. Офицерские письма с фронта осенью 1914 г. показывают следующую картину: «нас здесь завалили фуфайками, а нам нужны сапоги, сапоги и сапоги. Армия наполовину босая. Нет ни одного мертвого в сапогах, снимают сейчас же, потому что это здесь самое нужное». Или: «мне очень жалко нижних чинов не потому, что они подвергаются большей опасности, чем офицеры, а потому, что у многих нет сапог. Сидят они в холодных мокрых окопах, иногда буквально по колено в воде». Но уже в марте 1915 г. тон несколько меняется: «войска снабжены и имеют все необходимое: горячую пищу, хлеб, чай и сахар, табак, носильное белье и теплое; единственно ощущается потребность в сапогах, но и на это теперь обращено внимание» [10. Л. 239; 7. Л. 6, 42].

В той сложной ситуации, когда российская промышленность не имела возможности немедленно решить проблему снабжения армии сапогами, требовалось беречь обувь, если к тому была возможность. Командованием отмечалось: «нередки случаи, что совершенно новые и превосходные по материалу сапоги приходили в полную негодность в две-три недели, так как нижние чины не смазывают их, плохо пригибают по ноге (отсутствие добавочных стелек), в результате – стоптанные сапоги». Интендантским ведомством считалось, что наиболее дешевая сапожная мазь – из смеси в 1/3 сала, 1/3 ворвани и 1/3 дегтя. Технический комитет «определил считать на время военных действий полезным и допустимым смазку лишь первопродуктами, как-то: салом, ворвань, рыбьим жиром, льняным и конопляным маслами и т. д. – то есть вообще всеми родами жиров и масел животного и растительного происхождения, а также и дегтем» [11. Л. 65–66].

В течение всей войны, столкнувшись с нехваткой интендантского имущества, власти были вынуждены пойти на такой беспрецедентный шаг как разрешение призывникам ношения собственной одежды, приобретение которой или собственная носка производились за определенную плату. Циркуляр МВД от 30 апреля 1915 г. по вопросу о покупке вещей от призываемых новобранцев и ополченцев предписывал, что можно покупать только сапоги и белье по ценам, высочайше утвержденным 14 сентября 1914 г.: пара сапог – 7 р. 50 к., нательная рубаха – 60 к., исподние брюки – 50 к., утиральник – 20 к., носовой платок – 9 к., пара портянок – 15 к. По мере развития инфляции эти цены также поднимались. За носку собственных вещей Военный совет 20 августа 1915 г. положил уплачивать в сутки: за головной убор –

0,5 к., шинель – 1 к., походную рубаху – 2 к., походные шаровары – 1 к. Что касается обуви, то положение сообщало: «засим установлена уплата за носку годных при обмундировании собственных сапог по 6 копеек в сутки со дня прибытия нижнего чина в часть до получения казенных сапог. Командиры запасных частей могут после снабжения нижних чинов казенной обувью, покупать от них собственных их сапоги по справедливой оценке» [12. Л. 306, 340].

В течение 1915 г. было получено от поставщиков 17 132 тыс. пар сапог, из которых выслано в армию 11 484 тыс. пар. На первый взгляд это сравнительно достаточное количество, однако Главное интендантское управление с недоумением запрашивало Ставку: «Как согласовать избыток сапог с донесениями из армии о недостатке их?». Вдобавок приближение зимы требовало снабжения теплой обувью и вещами. Телеграмма начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева военному министру А.А. Поливанову от 12 октября сообщала: «Полагаю необходимым снабжать пехоту в массе шароварами, телогрейками, поддевками на вате. Полушубков достаточно 30 %. Валенки желательно иметь как можно больше и обшитых кожей, так как не обшитые кожей быстро расползаются, а в оттепель совершенно непригодны для носки» [13. Л. 78; 14. Л. 13].

Одной из причин недостаточного производства предметов снабжения для фронта стала нехватка материалов и сырья. Вдобавок интендантские закупочные цены отставали от темпов инфляции, и производители, особенно кустари и их организации, могли работать в убыток. Чтобы сэкономить сырьевые ресурсы и получать прибыль, что естественно, тыловыми структурами, трудившимися на нужды действующей армии, предлагались различные меры. Так, телеграмма Новониколаевского (Новосибирского) военно-промышленного комитета от 3 августа 1915 г. приводит набор таких мер: экономия на труде, увеличение платы, снижение кондиций, переход на эрзац-продукцию. В частности: «желательность замены сравнительно дорого стоящих полушубков стегаными ватными жилетами с рукавами», так как на жилет легко надеть сверху шинель, он на 50 % дешевле, жилеты можно «заготавливать в любом месте, в неограниченном количестве, без оборудования специальных мастерских, женским трудом». Предложение понизить кондиционное качество подошвенной кожи, так как ее не хватает – мобилизуемые «являются очень плохо одетыми и в рваных сапогах. Объясняется это тем, что существующая ныне расценка на предметы обмундирования, кои принимаются от мобилизуемых военным ведомством, очень низка, и мобилизуемые, считая невыгодным брать из домов хорошие и крепкие вещи, одеваются нарочно во все старое». Следует повысить расценку «до нормальных размеров» [15. Л. 17–18].

Даже улучшение снабжения не позволило отказаться от носки собственной одежды солдата. Недочеты в снабжении русской армии в начале 1916 г. показывает январская телеграмма генерал-квартирмейстера Северного фронта ген. М.Д. Бонч-Бруевича по армиям Северного фронта: «мундирная одежда маршевых рот в очень плохом состоянии. У некоторых шинели настолько изношены, что их уже невозможно починить. Большинство нижних чинов не имеют суконных рубах. Не имеется вовсе папах, валенок, полушубков. Особенно большой недостаток ощущается в сапогах: есть роты, которые имея в своем составе до 200 чел., за неимением сапог выводят на работы 4–7. Особенно плохо в этом отношении снабжены роты, составленные из слабосильных и выздоравливающих нижних чинов. В общем, маршевые роты за недостаточным обмундированием выводят на работы не более трети людей». Эту телеграмму дополняет февральский отчет интенданта Северного фронта: «существенных недостатков в людском снаряжении за истекшее время не было и нет. Из обмундирования в походных рубахах и фуражках также недостатков не было, но значительная часть походных рубах отпускается молескиновых и из реквизированного сукна, качество коих ниже рубах суконных общеустановленного образца». Это «вследствие недостатка на рынках империи материалов для изготовления вещей форменных образцов». Шаровары поступают. С недостатком шинелей «приходится считаться все время и на достаточное снабжение войск хорошими суконными шинелями рассчитывать в скором времени не приходится из-за недостатка сукон в империи для их изготовления». В октябре войска получили фуфайки, теплые кальсоны и теплые портянки, телогрейки, ватные брюки, полушубки, башлыки и перчатки. В декабре – папахи, рукавицы, вторые фуфайки и вторые портянки. Сапоги до октября получались беспрепятственно. С октября – «войска, отказываясь от получения ботинок и сапог с брезентовыми голенищами, предъявляли чрезмерно большие требования на отпуск сапог с длинными (кожаными) голенищами». Итог – нехватка сапог и их неважное качество [16. Л. 87 об., 198–199].

Однако к весне 1916 г. все передовые войска были обеспечены по полной программе, и разницей в обмундировании наблюдался лишь в тыловых структурах и обозах. В итоге не только солдатское, но и офицерское обмундирование зачастую отличалось от уставного. Офицеры заказывали себе френчи по английскому образцу, «жесткие» русские фуражки заменялись на «мягкие» британские, а с осени в войска стали поступать пилотки.

Большинство пополнений, прибывавших на фронт в 1916 г., было удовлетворительно снабжено вещами. Основная проблема – сапоги, но были и плохо обмундированные роты. Подсумки, патронташи, вещевые мешки чаще были из брезента. Осмотр 117-й маршевой роты

из Томска 21 апреля: «шинели серого солдатского сукна, поношенные, но вполне годные к дальнейшей носке. Мундиры – черные суконные рубахи, старые. Шаровары – малюскиновые, защитного цвета, старые, сильно заношенные, фуражки из защитного цвета сукна, годны к носке. Обувь вся старая. Много сапог уже не раз чиненых... Теплых вещей, кроме набрюшников, не имеют» [17. Л. 176].

Командование старалось экономить на всем. Например, приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилова от 16 мая 1916 г. предлагал войскам описание «способов изготовления составной подошвы и подметки из старого материала, из кусков и обрезков новой подошвенной кожи, а также из старых брезентов, веревок и тряпок». Так как нужда в обуви была огромной, то Брусилов приказывал «применить, как в войсках, так и тыловых сапожных мастерских, в самых широких размерах, предлагаемый способ починки и постройки обуви преимущественно перед другими способами» [3. Л. 544].

Всего в 1916 г. в среднем каждый русский солдат получил: одну гимнастерку, одних походные шаровары, одну рубаху, одну шинель, одни шерстяные перчатки, две нательные рубахи, двое исподних брюк, четыре летних портянок, шесть носовых платков, три утиральника, двое сапог или ботинок с бинтами, одну флягу, один котелок на два человека, один вещевой мешок на два человека, одни суконные портянки, $\frac{1}{2}$ ватных брюк, $\frac{1}{2}$ телогрейки. В комплекте белья в 1917 г. считалось одна нательная рубаха, одни исподние брюки, один утиральник, один носовой платок и одна пара портянок.

Для сравнения с тем, как должно было быть в идеале, можно привести сведения об обмундировании солдат частей, отправляемых во Францию. Чтобы не ударить лицом в грязь перед союзниками, Ставка отдала распоряжение о наилучшей экипировке русских бригад. Телеграмма Главного интендантского управления окружным интендантам Московского и Казанского военных округов от 17 мая 1916 г. сообщила, что эти солдаты должны быть снабжены шинелями из серошинельного сукна, суконными фуражками, походными суконными рубахами, суконными шароварами и набрюшниками. Управление особо констатировало, что «снаряжение нижним чином, включая и ремешки для связывания скатанной шинели, должно быть выдано все новое, причем фляги должны быть отпущены железнолуженные с суконными чехлами; вещевые мешки – установленного для мирного времени образца; наружные сухарные мешки с соответствующим количеством порционных сухарных мешков; котелки – железнолуженные (цельнотянутые) и поясные ремни – кавалерийского образца». Не требуется «поясных и запасных патронных сумок, а равно нагрудных патронташей и ружейных ремней». Сапоги – «новые или вполне годные к походу из числа изготовленных механическими мастерскими, а не из заготавливаемых общественными организациями» [18. Л. 30].

После Февральской революции ситуация кардинально поменялась: отношение к казенному имуществу, по выражению Н.Н. Головина, «вскоре превратилось в какую-то безудержную вакханалию». Временное правительство имело гораздо меньше рычагов для влияния на ситуацию, нежели царские власти. А потому казенная собственность быстро распродалась, оставляя солдат, не желавших проводить в окопах еще одну военную зиму, раздетыми и разутыми. Все негативные тенденции дореволюционного периода теперь разрастаются, усиливаясь до гипертрофических размеров. В приказе врид командующего Московским военным округом А.Е. Грузинова от 18 марта 1917 г. упоминалось, что у Спасских казарм солдаты «вели торговлю солдатскими вещами, выданными им для их же собственных нужд». Разумеется, Грузинов призывал: «священный долг каждого солдата содействовать успеху нашей армии и трудному снабжению всем необходимым, почему такая продажа вещей, особенно в настоящее время, преступна и должна быть осуждена, прежде всего, товарищами солдатами» [19. Л. 83]. Как видим, не прошло и двух недель как столичный гарнизон начал стремительно разлагаться.

Тем не менее война продолжалась, и следовало подумать о будущем – продолжении войны в следующем году. Уже 5 мая Главное интендантское управление сообщало во Временное правительство, что на заготовку предметов интендантского довольствия для снабжения действующей армии до 1 июля 1918 г. требуется 1 469 863 490 руб. В том числе: на обмундирование – 411 198 750, обувь – 255 300 000, людское снаряжение – 82 476 710, нательное белье – 149 515 000, теплые вещи – 258 472 000, обыкновенный лагерь – 6 957 000, походный лагерь – 97 806 000, обвязочные и укладочные материалы – 5 627 000, обоз и конское снаряжение – 201 011 030 р. [20. Л. 1–2].

Всего за время войны русские войска получили 65 млн пар сапог, 15 млн валенок и 51 млн комплектов белья; на нужды действующей армии было отпущено 170 млн м серошинельного сукна, 134 млн м защитного сукна, 65 млн сапог, 51 млн пар теплого белья и т. д. Если взять верхнюю цифру людей, прошедших через Вооруженные силы – около 18 млн чел. – то видно, что на каждые два человека в шинелях приходилось семь пар сапог и шесть комплектов белья. Тем не менее нехватка сапог все время существовала, то разгораясь, то, напротив, снижая обороты. В итоге чем ближе к концу войны, тем большее распространение в войсках получали ботинки с обмотками, в получении которых, впрочем, также были затруднения. Приказ по 9-й армии от 16 октября 1917 г. показывает эту проблему: «ввиду большого недостатка бинтов к ботинкам, должны быть приняты самые энергичные меры к доставке таковых из тыла, а в экстренных случаях разрешить начальникам хозяйственных частей, по соглашению с комитетами,

производить заготовку бинтов из пришедших в негодность шинелей» [21. Л. 232 об.].

В целом в годы Первой мировой войны русское интендантство справлялось со снабжением армии вещевым довольствием и обувью. Слабость российской промышленности не позволила в полной мере обеспечить войска, но объективные сложности преодолевались разнообразными организационными мерами (носка собственной одежды за вознаграждение, использование эрзац-продукции и проч.), а также закупками за границей. Тем не менее сложность климатических условий Восточного фронта имела следствием сравнительно быстрый выход обмундирования и обуви из строя, что требовало их своевременной замены и ремонта. Решить последние задачи до конца в военный период так и не удалось.

Список литературы

1. Сенявская Е.С., Сенявский А.С., Жукова Л.В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX в.: очерки по военной антропологии. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 422 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2072. Оп. 1. Д. 346.
3. РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1722.
4. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1294.
5. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1274.
6. РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 339.
8. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 343.
9. РГВИА. Ф. 1607. Оп. 6. Д. 9.
10. ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338.
11. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1579.
12. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 97. Оп. 2. Д. 1803.
13. РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 127.
14. РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 975.
15. РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 969.
16. РГВИА. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 779.
17. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 3915.
18. РГВИА. Ф. 499. Оп. 2. Д. 1035.
19. ГАТО. Ф. 1130. Оп. 1. Д. 19.
20. ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 460.
21. ГА РФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 17.

References

1. *Senyavskaya E.S., Senyavskij A.S., Zhukova L.V. Chelovek i frontovaya povsednevnost' v voynah Rossii XX veka: ocherki po voennoj antropologii* [Man and frontline everyday life in the wars of Russia of the XX century: essays on military anthropology]. – М.: Centr gumanitarnyh initsiativ, 2017. – 422 s.
2. *Rossiiskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (RGVIA)* [Russian State Military-Historical Archive]. F. 2072. Op. 1. D. 346.
3. *RGVIA*. F. 499. Op. 2. D. 1722.

4. *RGVIA*. F. 2000. Op. 3. D. 1294.
5. *RGVIA*. F. 2000. Op. 3. D. 1274.
6. *RGVIA*. F. 2020. Op. 1. D. 2.
7. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GA RF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 826. Op. 1. D. 339.
8. *GA RF*. F. 826. Op. 1. D. 343.
9. *RGVIA*. F. 1607. Op. 6. D. 9.
10. *GA RF*. F. 826. Op. 1. D. 338.
11. *RGVIA*. F. 2000. Op. 2. D. 1579.
12. *Gosudarstvennyj arhiv Tul'skoj oblasti (GATO)* [State Archive of Tula region]. F. 97. Op. 2. D. 1803.
13. *RGVIA*. F. 369. Op. 4. D. 127.
14. *RGVIA*. F. 499. Op. 2. D. 975.
15. *RGVIA*. F. 499. Op. 2. D. 969.
16. *RGVIA*. F. 2036. Op. 1. D. 779.
17. *RGVIA*. F. 2000. Op. 3. D. 3915.
18. *RGVIA*. F. 499. Op. 2. D. 1035.
19. *GATO*. F. 1130. Op. 1. D. 19.
20. *GA RF*. F. 1779. Op. 1. D. 460.
21. *GA RF*. F. 6051. Op. 1. D. 17.

Статья поступила в редакцию 24.10.2018 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 658(470)"18/19":636.1

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

Д.А. Мельникова

Хозяйственное и техническое обеспечение государственных конских заводов Российской империи во второй четверти XIX – начале XX в.

В статье рассматривается устройство государственных конских заводов Российской империи с первой половины 1840-х гг. и до начала XX в. В 1843 г. было образовано Управление государственного коннозаводства, создание которого положило начало новому этапу в истории отечественного коневодства. С этого момента задачей государственных конских заводов было увеличение и улучшение конского поголовья России для тех сфер жизни общества, где было необходимо применение лошадей.

На основе комплекса делопроизводственных, публицистических, статистических и публицистических источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот, автором рассмотрены направления деятельности государственных конских заводов. Выделяются основные этапы формирования заводов с момента учреждения Управления государственного коннозаводства до 1917 г. Приводятся статистические данные о количественном и породистом составе лошадей по каждому заводу. Проанализировано кадровое и ветеринарное обеспечение заводов в структуре хозяйственного устройства.

Ключевые слова: коневодство, государственное коннозаводство, Управление государственного коннозаводства, конские заводы, лошади, коннозаводские крестьяне, ветеринария, частное коннозаводство.

D.A. Mel'nikova

Economic and technical support of state horse factories of the Russian Empire from the second quarter of XIX – beginning of the XX centuries

The article deals with internal organization of state stud farms in the Russian Empire from first half of 1840 years up to the beginning of XX century. The creation of the Department of state horse breeding in 1843 year marked the beginning a new stage in the history of Russian horse breeding. The functions of state stud farms were aimed for increasing and improving horse stock for areas of life where the horse was needed.

Using a complex of archival, record keeping, journalistic, statistical and periodical sources, part of which is introduced into scientific circulation for the first time, the author considered main stages of activity of state stud farms. The main stages of the formation

of factories since the establishment of the State Horse Breeding Department until 1917 are highlighted. Statistical data about quantitative and thoroughbred composition of horses for each plant is given. Personnel and veterinary support of plants in the structure of the economic device is analyzed.

Key words: horse breeding, state horse breeding, State Horse Breeding Department, stud farms, horses, horse-breeding farm peasants, veterinary medicine, private horse breeding.

С первой половины 1840-х гг. государственное коннозаводство Российской империи состояло из центральных органов управления, конских заводов, земских и аукционных конюшен, а также обществ поощрения коннозаводства. Основу государственного коннозаводства составляли заводы, которые являлись главными поставщиками лошадей для различных сфер, где они были необходимы. С 1843 г. в составе государственного коннозаводства числились: Починковский завод в Нижегородской губернии, рассадник кровных лошадей в Скопине, Деркульский, Стрелецкий, Лимаревский и Ново-Александровский заводы в Харьковской губернии [1, с. 246]. Последние четыре завода составляли отдельную группу Беловодских заводов. Общее число лошадей к 1 января 1844 г. составляло – 5 239 голов, куда были включены все жеребцы, кобылы и жеребята различных возрастов [2, с. 274].

В 1845 г. состав Управления был пополнен покупкой двух частных конных заводов – Хреновского у графини А.А. Орловой-Чесменской и Аннинского, ранее принадлежавшего Ф.В. Растопчину. Хреновской завод был приобретен вместе с Хреновским имением в 98 600 десятин земли [3. Л. 1 об.]. Изначально владелица просила за него 8 049 150 р. ассигнациями, но в дальнейшем согласилась уменьшить цену до 1 850 000 р. серебром или 6 475 000 р. ассигнациями [3. Л. 2]. При продаже в рублях серебром были оценены: 83 600 десятин земли по 11 р. 43 к. за десятину; 15 000 десятин леса по 71 р. 43 к. за десятину; 70 000 четвертей хлеба по 1 р. 15 к. за четверть и 200 р. за каждую лошадь [4, с. 10]. Для покупки завода Управлением государственного коннозаводства было принято решение занять в Государственном банке 1 850 000 р. серебром на 37-летнем основании с ежегодными выплатами серебром 111 000 р. [3. Л. 2].

В момент приобретения на территории имения числилось 6 000 душ крестьян [5, с. 109]. Для получения средств крестьян Хреновского имения наделили по семь десятин пахотной и луговой земли, а также обложили поземельным оброком по 1 р. 30 к. с десятины [3. Л. 2 об.]. Сверх этого каждый крестьянин получал по одной десятине леса, взамен чего был обязан скашивать и убирать для завода сено, поставляя необходимое количество соломы. Оставшиеся десятины леса были разделены на правильные участки и ежегодно продавались по одному.

Всего 37 261 десятин земли была отдана в надел бывшим крепостным крестьянам Орловых, 9 300 десятин выделено для обеспечения завода сеном, а 5 870 десятин отведено крестьянам для несения повинности в форме сенокосов и доставки ржаной соломы [3. Л. 2 об.].

Конный завод Ф.В. Ростопчина находился в с. Анна Бобровского уезда Воронежской губернии. Первоначально до 1812 г. завод располагался в с. Воронове Московской губернии [6, с. 353]. Первые жеребцы арабской крови Ф.В. Ростопчина были привезены из Аравии, а кобылы – из Англии. После этого в завод поступали жеребцы разного происхождения: персидской, турецкой и английской кровей.

В 1812 г. после вторжения Наполеона завод был переведен в с. Космо-Демьянское Орловской губернии [6, с. 354]. Тогда плодовый состав был пополнен жеребцами смешанной английской и датской кровей. Через три года завод окончательно перевели в с. Анну Воронежской губернии. Теперь комплектование Ростопчинского завода происходило преимущественно лошадьми арабских пород. В 1844 г. завод был продан владельцем В.П. Войекову, а в феврале 1845 г. куплен Управлением государственного коннозаводства в том же составе, который был при продаже графом Ф.В. Ростопчиным за 39 000 р. серебром [7, с. 541].

В этом же году из Хреновского завода, Скопинского рассадника, а также завода графа Ф.В. Ростопчина было сформировано два новых завода: в с. Хреновом и деревне Чесменке. В Хреновое были переведены чистокровное и арабское отделения Скопинского рассадника, что объяснялось отсутствием необходимых построек в Скопине. Напротив, село Хреновое отличалось «прекрасными природными условиями» и имело требующееся количество строений. В Чесменском заводе были сосредоточены: часть Скопинского рассадника и лучшие лошади завода графа Ростопчина [7, с. 541].

По программе Управления государственного коннозаводства чистокровные лошади Скопинского рассадника должны были использоваться для улучшения лошадей верхового типа конных заводов Воронежской губернии, из которых производители поступали в остальные государственные конные заводы. Особое внимание уделялось рысистой породе, приплод которой планировалось продавать в частные заводы.

Верховых лошадей орловского и ростопчинского заводов надлежало сохранить в первоначальной чистоте, но с возможностью допустить опыт смешения кровей. Необходимо отметить, что такая программа Управления была непоследовательной и сложно осуществимой, что было вызвано расхождением во взглядах членов Комитета государственного коннозаводства. Сторонников сохранения орловских и ростопчинских лошадей в чистоте оказалось больше, поэтому влияние чистокровного рассадника до 1860 г. было невелико.

Разнообразие породистых составов заводов позволило начать пересортировку лошадей для того, чтобы в каждом коннозаводском учреждении разводились определенные породы и типы. К 1850 г. в большинстве заводов основную массу лошадей составляли кирасирские и легкие кавалерийские лошади [8, с. 338]. Исключение составля-

ли заводы, приобретенные в 1845 г. По этой причине все заводы были распределены по типам и породам. В Чесменском заводе, как было указано выше, планировалось разводить английских и азиатских кровных лошадей. В Хреновском заводе было выделено три отделения. Первое составляли верховые лошади прежнего Орловского завода. Второе отделение включало рысистых лошадей, а третье – смешанное верховое с Ростопчинскими лошадьми [8, с. 338].

В Деркульском заводе оставался верховой кирасирский тип лошади, в Стрелецком – верховой кавалерийский. Ново-Александровский завод предназначался для разведения экипажных лошадей, а Лимаревский – легких упряжных и артиллерийских. Породистый состав Починковского завода должен был состоять из ломовых и мелких крестьянских лошадей [8, с. 339]. Таким образом, мы можем увидеть, что в некоторых заводах планировалось продолжить разведение лошадей для армии.

По результатам пересортировки к 1851 г. в государственных конных заводах состояло 1 620 лошадей (табл. 1). Окончательно процесс пересортировки был закончен в 1855 г. [9, с. 9]. За данный период из одного завода в другой было перемещено 118 жеребцов и 837 кобыл [9, с. 9]. Жеребцы, не соответствующие потребностям завода, но способные быть качественными производителями, распределялись по земским конюшням [10. Л. 20 об.]. Остальные жеребцы и кобылы выставлялись на аукционы, а вырученные суммы были направлены в заводские капиталы на покупку «производителей высшего достоинства, как в России, так и за границей» [10. Л. 21].

Таблица 1

Опись государственных конных заводов по результатам пересортировки (1850)¹

Завод	Порода/ тип лошади	Жеребцы	Кобылы	Всего
Чесменский	Кровные английские	3	29	
	Азиатские	5	42	
Хреновской	Верховые орловские	5	45	336
	Рысистые	16	189	
	Смешанные верхового типа	8	73	
Деркульский	Кирасирские	24	254	278

¹ Составлено и подсчитано по: Отчет по государственному коннозаводству за 1850 г. // Журн. коннозаводства и охоты. 1851. № 12. С. 340–341.

Продолжение табл. 1

Стрелецкий	Легко-кавалерийские	21	230	251
Ново-Александровский	Экипажные	21	240	261
Лимаревский	Легко-упряжные	21	225	246
Починковский	Возовые	13	122	169
	Крестьянские	4		
Всего				1602

Увеличение числа породистых лошадей в конных заводах отразилось на их ценности, которая определялась при продаже. Если до 1843 г. средняя цена продаваемой лошади из государственного конного завода составляла 40 р. 22 к., то с 1843 по 1850 гг. она повысилась до 47 р. 45 к. [11, с. 6]. С 1850 по 1856 гг. цена на лошадей Починковского и Беловодских заводов составляла 93 р. 74 к., а в 1857 г. увеличилась до 110 р. 26¼ к. за лошадь [11, с. 7]. Лучшие лошади Хреновского и Чесменского заводов сбывались по 350 р. за голову, рысистые – от 361 р. за матку и по 789 р. за жеребца.

В дальнейшем для повышения уровня породистого состава заводов комплекты лошадей Беловодских и Починковского заводов были сокращены на 1/5 часть. Лошади Скопинского рассадника были переведены в Чесменский завод и пробыли там до начала 1860-х гг., когда завод был куплен Великим князем Николаем Николаевичем старшим, а прилегающие земли были переданы ему в арендное пользование [4, с. 23; 12, с. VI]. Арабских лошадей перевели в Беловодские заводы, а чистокровных верховых – в Хреновской, где они были укомплектованы в чистокровный отдел, который вместе с арабским и верховым отделениями составляли племенную базу завода многие годы.

В 1859 г. был упразднен Починковский завод [13. Л. 127 об.]. Лошади и персонал завода были распределены по Беловодским заводам. Часть заводских строений перешла в Военное министерство, а другая была использована в 1864 г. для устройства Починковской заводской конюшни [5, с. 120]. 12 апреля 1867 г. к государственным конным заводам был причислен Яновский в Седлецкой губернии, основанный в 1817 г. [14, с. VIII]. Породистую базу завода составляли английские лошади.

Таким образом, к началу 1870-х гг. в составе государственного коннозаводства находились: Деркульский, Ново-Александровский, Лимаревский, Стрелецкий, Хреновской и Яновский конские заводы. Породистый состав заводов оставался неизменным до последней четверти XIX в.

В начале 1880-х гг. в России возникла необходимость в разведении рабочих лошадей для сельского хозяйства. Первое место по своим рабочим качествам среди сельскохозяйственных пород занимали би-

тютюские лошади, количество которых стало сокращаться во второй половине XIX в. [15, с. 28]. Для дальнейшего сохранения и разведения данной породы в 1883 г. было приобретено четыре жеребца и 17 кобыл, которые составили новое отделение Хреновского завода – битюгское. В тоже году завод был пополнен 87 лошадьми, пожертвованными коннозаводчиком В.П. Охотниковым [15, с. 28; 16. Л. 34 об.]. Новый состав также был укомплектован в новое отделение, получившее название – Охотниковское. К 1 января 1884 г. там состояло девять жеребцов, 32 кобылы и 44 головы приплода.

С целью увеличить место на территории завода верховое отделение Хреновского завода было переведено в Лимарево в целях преобразования существующего конного завода, что было вызвано также тем, что природно-климатические условия Харьковской губернии больше подходили для разведения верхового типа [17. Л. 82]. В августе 1890 г. чистокровное отделение Хреновского завода было перемещено в Деркульский, а рабочее отделение последнего перемещено в Хреновской в количестве 276 голов, состоящее из першеронов, арденов, суффольков и клайдесдалей [18. Л. 36; 15, с. 29].

Таким образом, в Хреновском заводе были сформированы: отделение лошадей крупно-рабочего сорта иностранных пород, битюгское и рысистое отделения [18. Л. 36].

В 1883 г. преобразования последовали в Стрелецком заводе, где было учреждено арабское отделение из Лимаревского рассадника. До того момента задачей завода было производство легкого кавалерийского типа с участием восточной крови. Одновременно с появлением арабских лошадей были приобретены английские чистокровные производители, которые с 1897 г. были исключены из комплекта Стрелецкого завода и распределены по государственным заводам и конюшням [15, с. 36].

Единственным заводом, в котором не проводились изменения, был Яновский. В 1886 г. здесь было сформировано чистокровное английское отделение, которое не менялось по составу.

К концу 1880-х гг. в Деркульском заводе функционировали два отделения – чистокровное, ранее принадлежавшее Хреновскому заводу, и степное, созданное в 1886 г. в целях эксперимента. Для чего было приобретено девять калмыцких и 20 киргизских кобыл, которые содержались в условиях, приближенных к естественному табунному коневодству кочевников [15, с. 33]. Двенадцатилетний опыт существования отделения не дал положительных результатов. Через 12 лет отделение расформировали, а освободившееся место было укомплектовано арабскими лошадьми Стрелецкого завода [19. Л. 92].

В 1897 г. в составе Хреновского завода были проведены перемены. По постановлению совета Главного управления коннозаводства рысистое отделение завода должно было состоять из двух: Хреновско-

го и Охотниковского. Первое создавалось для упрочнения и восстановления орловской породы. Второе отделение в составе 20 кобыл поддерживало кровь бывшего Охотниковского завода «по завету жертвователя» [15, с. 29].

Рабочих лошадей Хреновского завода было положено разделить на тяжеловозов, к которым относились суффольки и арденны. Остальные тяжеловозы составили отделение «чисто арденов». Битюгское отделение Хреновского завода по причине отсутствия чистокровных и качественных жеребцов и маток было положение упразднить [20. Л. 57].

С 1900 г. для помощи частным коннозаводчикам в усовершенствовании ремонтной лошади при Хреновском конном заводе было создано отделение верховых лошадей, состав которого комплектовался из Ново-Александровского, Лимаревского и Стрелецкого заводов [15, с. 30], а через пять лет по причине неурожая и сокращения расходов на прокорм лошадей верховое отделение перевели в Ново-Александровский и Лимаревский заводы. Некоторые лошади были проданы частным лицам.

Также в начале XX в. был произведен перевод между Деркульским и Стрелецким заводами. В последний были возвращены лошади арабской породы, а полукровные английские кобылы переведены в Деркульский завод, где образовали новое отделение. В 1904 г. для восстановления кабардинской породы в том же Деркульском заводе создали небольшое по количеству лошадей отделение, которое состояло из одного жеребца и 10 кобыл.

К 1906 г. в структуре государственного коннозаводства находилось шесть заводов: Хреновской, Деркульский, Стрелецкий, Ново-Александровский, Лимаревский и Яновский. Общее число жеребцов на всех заводах составляло 146, кобыл – 990, а лошадей молодого возраста – 1758 (табл. 2).

Таблица 2

Опись государственных конных заводов (1906)¹

Конный завод	Отделение	Жеребцы	Кобылы	Молодые лошади
Хреновской	Рысистое	18	122	219
	Охотниковское	5	33	25
	Рабочего типа лошадей	21	181	226

¹ Составлено по: Лодыгин П.Н. Очерк деятельности Главного Управления государственного коннозаводства за последние 25 лет (1881–1906). СПб., 1908. С. 31, 35, 37, 38, 40–41.

Продолжение табл. 2

Деркульский	Чистокровное	12	48	77
	Арабское	5	10	30
	Полукровное английское	2	26	71
	Кабардинское	1	10	9
Ново- Александровский	Полукровное	14	148	251
Лимаревский	Орлово- ростопчинское	34	190	339
Стрелецкий	Арабское	23	159	400
Яновский	Английское полукровное	11	63	111
Всего		146	990	1758

Таким образом, рассмотрев основные этапы развития государственных конных заводов с 1840-х гг. и до начала XX в., мы можем сделать вывод, что на протяжении всего периода породистые составы заводов менялись неоднократно. Потребность в разведении лошадей определенных пород диктовалась условиями и состоянием сельского хозяйства, частного коннозаводства и в целом коневодства Российской империи. Важное значение имело расположение заводов, так как без учета природно-климатических и экономических условий региона было затруднительным качественное и полноценное разведение лошадей.

Как отмечалось ранее, управление государственными конными заводами подчинялось центральному ведомству коннозаводства, на местах в каждом заводе существовала должность управляющего, утвержденная Положением от 1843 г. [1, с. 183]. Для Чесменского завода был назначен смотритель с обязанностями управляющего [21, с. 104]. На места Управляющих определялись штаб-офицеры, служившие в кавалерии. Деятельность каждого Управляющего включала хозяйственную, техническую и распорядительную части. Если первая объединяла все, что было связано с подготовкой продовольствия, то вторая курировала вопросы подбора лошадей для разведения, их покупки, продажи и выбраковки. Распорядительные обязанности каждого управляющего состояли в решении кадровых вопросов внутри завода.

Положением 1850 г. для контроля за всеми государственными заводами была введена должность инспектора государственных конских заведений, деятельность которого регламентировалась инструкцией [22. Л. 2].

«Лошади разделялись на оригинальные разряды их производителей по степеням крови, по случению, по формам, по росту и т.д.» по следующей классификации: на чистокровных арабских и английских; верховых и упряжных [22. Л. 3]. Верховые разделялись на кирасирских

и лошадей для легкой кавалерии. В группу упряжных входили экипажные, ломовые и лошади для быстрой езды.

Одной из обязанностей инспектора была браковка лошадей в заводах, которая осуществлялась, если лошадь не могла быть производителем, не была достойна Императорской конюшни и не являлась ценным материалом для земских конюшен, а также частных конных заводов [22. Л. 7, 7 об.]. Такие лошади отдавались на продажу, «или по болезням или другим причинам» истреблялись [22. Л. 7 об.]. Лошадям, годным к продаже, ставилось тавро на правой стороне шеи, под гривой, допущенным в производители, но продающимся «за излишеством» [22. Л. 30]. На левой стороне шеи тавро ставилось тем лошадям, которые не предназначались для завода, но могли использоваться в работе. Животные низкого достоинства, но здоровые клеймились тавро на правом бедре, а на левом больным – тавро «Б.О.». Абсолютно больных и негодных клеймили буквой «Б» на левом бедре [22. Л. 30]. Подбор, сортировка, выбраковка лошадей в заводах происходила ежегодно в летние месяцы.

В инструкции инспектора обозначалось, в каком возрасте кобылы и жеребцы могут быть допущены к случке. Для кобылы нижней возрастной границей были четыре года, а верхней – 16 лет. Лошади старше допускались только, если имели удовлетворительное здоровье. Возраст случки для жеребцов начинался в пять лет «до того времени, пока будет от него приплод удовлетворительный», что могло продолжаться до 20 лет. После этого возраста для жеребцов действовали те же правила, что и для шестнадцатилетних кобыл [22. Л. 17, 17 об.].

При выбраковке лошадей обращали внимание на частные признаки: голову, туловище, спину, шею, рост и на признаки характерные для определенных пород [22. Л. 13, 14]. Например, для кирасирских лошадей рост мог быть не меньше трех и не более семи вершков. Для легкой кавалерии требовались лошади меньше – от двух до трех вершков.

Недостатки лошади могли быть значительными и малозначительными, т. е. не влияющими на их качества. Среди тех, которые не позволяли лошади стать производителем, можно отметить: хронические болезни, «неукротимость и злонравие», бесплодие и некоторые масти, которые не признавались для породистых лошадей – саврасая и пегая [22. Л. 18 об., 19].

Должность инспектора существовала до введения в Российской империи коннозаводских округов под управлением заведующих, в полномочия которых входил контроль за государственными конскими заводами в соответствии с их округами.

Как было отмечено выше, лошади, не годные для разведения, выставлялись на продажу частным лицам, однако некоторые лучшие ло-

шади сбывались коннозаводчикам в больших городах и центрах коннозаводской промышленности, к которым во второй половине XIX в. относились: Курская, Харьковская, Воронежская губернии. Помещики имели право приобретать лошадей по установленной цене при государственных конских заводах для основания частного завода при наличии свидетельства, которое выдавалось уездным предводителем дворянства [23. Л. 59]. Продажи казенных лошадей частным лицам производились с целью улучшения частного коннозаводства и коневодства России в целом.

Инспектор государственных конских заведений отбирал «в каждом заводе из продажной партии» по несколько лошадей, годных для улучшения частного коннозаводства, и устанавливал для каждой лошади цену [23. Л. 1 об.]. Срок продажи лошадей был ограничен, после чего их выставляли на аукцион. Ежегодно Управление государственного коннозаводства назначало места, в которых должна была проводиться аукционная продажа лошадей [23. Л. 7 об.]. Так, в 1858 г. продажи было запланировано провести осенью в Москве и Починках, во время Покровской ярмарки в г. Лебедяни, в с. Хреновом в период проведения конных испытаний.

В 1867 г. продажи лошадей были назначены на 1 и 2 июня в с. Хреновом [24, с. 35]. В первый день лошадей выставляли по установленной цене, а во второй – на аукционе. Обязательно указывался возраст продаваемых лошадей. Как правило, это были жеребцы и кобылы четырех лет, кобылы старше 16 лет и несколько молодых двух- и трехлетних жеребчиков, и кобылок. Цена верховых лошадей составляла от 250 до 600 р. для жеребцов и от 150 до 300 для кобыл. Стоимость рысистых жеребцов составляла от 500 до 1000 р., а кобыл от 200 до 500 р. [24, с. 37]. Кроме Хренового продажи лошадей были запланированы в Москве во время осенних скачек и около Рождества; в Полтаве и Оренбурге в июле [24, с. 35–36].

В 1851 г. было разрешено выставлять на продажу лошадей Чеменского завода в возрасте от одного до двух лет для улучшения чистокровного коннозаводства. С 1845 по 1857 гг. из государственных конных заводов было продано 617 рысистых жеребцов и кобыл, что позволило открыть 30 новых частных рысистых заводов и улучшить состав уже основанных [11, с. 54]. С 1852 г. на продажу стали выделять азиатских лошадей Стрелецкого завода, в первую очередь донским коннозаводчикам для ремонтного коннозаводства. В течение восьми лет с 1849 по 1856 гг. было продано 5 212 лошадей на общую сумму 665 656 р., а с 1857 по 1881 гг. – 4 304 лошади [9, с. 12, 26]. Ежегодно заводские лошади покупались ремонтными для армии, частными коннозаводчиками, состоятельными крестьянами, которые могли себе позволить такую покупку. Лучшие жеребцы и кобылы поступали на придворные конюшни [25. Л. 24 об.]. Ежегодно выбиралось шесть

лошадей четырехлетнего возраста под собственное седло императора [3. Л. 94].

Помимо продажи государственных лошадей, Управление государственного коннозаводства разрешало случку кобыл частных лиц с жеребцами заводского состава [15, с. 44]. Изначально для случки допускалось ограниченное число жеребцов, но со временем оно было увеличено, что позволило коннозаводчикам получать ценный приплод разных пород и типов лошадей.

Для полноценной и результативной работы заводов были необходимы своевременные уход и питание для лошадей, которые обеспечивались коннозаводскими крестьянами до начала 1860-х гг., когда они были заменены на вольнонаёмную прислугу, составляющую основную часть населения коннозаводских имений, приписанных к конным заводам.

В 1843 г. «для приготовления коннозаводских служителей в низшие коннозаводские должности к поступлению отличившихся из числа их в высшие ветеринарные заведения» в Управлении государственного коннозаводства было принято решение учредить коннозаводские училища [26. Л. 1].

Для обучения ежегодно принимались сыновья нижних и отставных чинов от 10 до 12 лет по желанию родителей, опекунов или родственников [27. Л. 155 об.]. Срок обучения составлял шесть лет и подразделялся на два класса: младший – для низших «служительских должностей» и старший – для «определения в старшие служители» [28. Л. 20 об.].

В первом классе изучались: русская грамота, Закон Божий и священная история, арифметика и исчисления на счетах, «коновальное искусство и главные правила хождения на лошадях» [26. Л. 12 об., 13]. На втором курсе программа дополнялась латинской грамматикой, географией с русской историей, историческим обзором русского коннозаводства, основными правилами ветеринарии и коннозаводства [26. Л. 12 об., 13; 30, Л. 17, 18 об.].

С 1844 г. в училища было разрешено принимать сыновей помещичьих крестьян [30. Л. 1, 2]. По новым правилам в каждое училище могло быть принято не более десяти крестьянских мальчиков в возрасте от 12 лет. Плата за обучение составляла 30 р. в год [30. Л. 3 об.]. Из этой суммы 17 р. полагалось на продовольствие, 10 р. – на обмундирование и 3 р. – на «учебные припасы». Плата вносилась за полгода вперед, а прием учащихся, как и для сыновей коннозаводских служащих, осуществлялся круглый год.

Функции низших коннозаводских чинов заключались в уходе, просмотре за лошадьми, снабжении заводов сеном и соломой, заготовкой провианта и овса.

Состояние здоровья лошадей находилось под контролем ветеринарных врачей от Управления государственного коннозаводства. Все

ветеринары ведомства подразделялись на младших, старших и запасных [31, с. 148]. К 1886 г. в системе государственного коннозаводства состояло 38 ветеринаров. По два (старший и младший) находились при Деркульском, Ново-Александровском, Стрелецком, Хреновском и Яновском заводах.

Все ветеринарные врачи конских заводов подчинялись управляющему заводов и главному ветеринарному консультанту при Управлении государственного коннозаводства [32, с. IX]. Функции ветеринаров заключались в контроле за рациональным устройством заводских построек – конюшен, манежей, лазаретов; подготовке доброкачественного фуража, подстилки, водопоя; установлением кормовых норм для лошадей [3, с. XI]. Как отмечалось ранее, присутствие ветеринарного врача было обязательно при выбраковке лошадей.

Каждое первое число месяца ветеринар предоставлял управляющему месячные ведомости о больных лошадях, истории болезни больных, павших и выздоровевших лошадей, а также все замечания о санитарном состоянии всех лошадей завода.

Итак, рассмотрев состояние государственных конских заводов, мы можем сделать вывод, что с 1840-х гг. по начало XX в. основным направлением деятельности конских заводов было улучшение коневодства и коннозаводства на территории Российской империи. Внутреннее устройство заводов включало технический и хозяйственный отделы. Основу технической части составлял подбор лошадей в соответствии с требованиями каждого завода. Они, в свою очередь, комплектовались с учетом потребностей сельского хозяйства, армии, частного коннозаводства и коневодства в целом. Основными путями улучшения коневодства были продажа сверхкомплектных лошадей частным лицам и допущение на случку частных кобыл к казенным заводским жеребцам.

Хозяйственная часть заводов включала все вопросы по уходу за лошадьми, ветеринарным обеспечением, их продовольствием, которое до начала 1860-х гг. обеспечивали коннозаводские крестьяне. С целью подготовки коннозаводского персонала при заводах создавались училища для детей нижних чинов и помещичьих крестьян. Основу обучения составляли предметы по коннозаводству, основам ветеринарии, уходу за лошадьми. Полноценную ветеринарную помощь оказывали ветеринарные врачи, состоящие на службе при Управлении государственного коннозаводства.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. – Т. XVIII. – 1844. – № 16729.
2. Извлечение из отчета по Управлению государственного коннозаводства за 1843 г. // Журн. коннозаводства и охоты. – 1844. – № 4. – С. 258–283.

3. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 412. Оп. 10. Д. 32.
4. Щекин В.А., Гриц В.С. Хреновской государственной конный завод. – Пермь: Кн. мир, 2011. – 230, [1] с.
5. Зезюлинский Н.Ф. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. Вып. 3. – СПб.: Типо-лит. Месника-Римана, 1893. – [2], 223 с.
6. О конском заводе Графа Ростопчина, купленном в коннозаводское ведомство // Журн. коннозаводства и охоты. – 1845. – № 4. – С. 353–355.
7. Отчет по управлению государственного коннозаводства за 1845 г. // Журн. коннозаводства и охоты. – 1846. – № 6. – С. 537–560.
8. Отчет по государственному коннозаводству за 1850 г. // Журн. коннозаводства и охоты. – 1851. – № 12. – С. 334–363.
9. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 1. Сельское хозяйство. Коннозаводство. – СПб.: Паровая скоропечатня Яблонский и Перотт, 1888. – 476 с.
10. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 40.
11. Отчет по Главному Управлению государственного коннозаводства за 1857 г. – СПб: [б.и.], 1858. – [2], 129 с.
12. Лодыгин П.Н. Заводская книга лошадей Чесменского завода Его Императорского Высочества Государя Великого князя Николая Николаевича старшего с историческим очерком от основания его до настоящего времени. – М.: Унив. тип. (Катков и К), 1874. – XVIII, 61 с.
13. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 585.
14. Циркуляр по главному управлению государственного коннозаводства // Журн. коннозаводства и охоты. – 1867. – № 6. – С. VI–X.
15. Лодыгин П.Н. Очерк деятельности Главного управления государственного коннозаводства за последние 25 лет (1881–1906 гг.). – СПб.: Тип. Ю.Я. Римана, 1908. – [4], 107 с.
16. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 78.
17. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 72.
18. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 135.
19. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 143.
20. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 79.
21. Правительственные распоряжения // Журн. коннозаводства и охоты. – 1846. – № 2. – С. 103–108.
22. РГИА. Ф. 412. Оп. 3. Д. 766.
23. РГИА. Ф. 412. Оп. 1. Д. 607.
24. Памятная книжка по Главному управлению государственного коннозаводства. – СПб.: [б.и.], 1867. – [4], 122, [8] с.
25. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 31.
26. РГИА. Ф. 412. Оп. 2. Д. 82.
27. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 112.
28. РГИА. Ф. 412. Оп. 10. Д. 21.
29. РГИА. Ф. 412. Оп. 3. Д. 213.
30. РГИА. Ф. 412. Оп. 2. Д. 206.
31. Евсеенко С. Ветеринарная медицина и ветеринарные врачи. – М.: Тип. А. Гатцука, 1882. – [2], XIV, 158 с.
32. Инструкция для ветеринарных врачей Государственного коннозаводства // Журн. коннозаводства. – 1899. – № 9. – С. IX–XVII.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire] *Sobranie vtoroe*. – T. XVIII. – 1844. – № 16729.
2. *Izvlechenie iz otcheta po Upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva za 1843 g.* [Extract from report of the Department of state horse breeding for 1843 year] // *Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Journal of horse breeding and hunting]. – 1844. – № 4. – P. 258–283.
3. *Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheski jarxiv (RGIA)* [Russian state historical archive]. F. 412. Op. 10. D. 32.
4. *Shekin V.A., Gricz V.S. Xrenovskoj gosudarstvennyj konnyj zavod* [Xrenovskoj state stud]. – *Perm': Knizhnyj mir*, 2011. – 230, [1] p.
5. *Zezyulinskij N.F. Istoricheskoe issledovanie o konnozavodskom dele v Rossii* [Historical study of horse breeding in Russia]. Vy`p. 3. – SPb.: Tipo-lit Mesnika-Rimana, 1893. – [2], 223 p.
6. *O konskom zavode Grafa Rostopchina, kuplenom v konnozavodskoe vedomstvo* [About the horse factory of Count Rostopchin bought by horse-breeding department] // *Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Journal of horse breeding and hunting]. – 1845. – № 4. – P. 353–355.
7. *Otchet po upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstvaza 1845 g.* [The report of the Department of state horse breeding for 1845] // *Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Journal of horse breeding and hunting]. – 1846. – № 6. – P. 537–560.
8. *Otchet po gosudarstvennomu konnozavodstvu za 1850 g.* [The report of the Department of state horse breeding for 1850] // *Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Journal of horse breeding and hunting]. – 1851. – № 12. – P. 334–363.
9. *Istoricheskoe obozrenie pyatidesyatiletnej deyatel`nosti Ministerstva gosudarstvennyx imushhestv. 1837–1887. Ch. 1. Sel'skoe xozyajstvo. Konnozavodstvo.* [Historical overview of fifty-year activity of Ministry of State Property. 1837–1887. Part 1. Agriculture. Horse-breeding]. – SPb.: *Parovaya skoropechatnaya Yablonskij i Perott*, 1888. – 476 p.
10. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 40.
11. *Otchet po Glavnomu Upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva za 1857 g.* [The report of the Department of state horse breeding for 1857]. – SPb.: no. publ. 1858[2], 129 p.
12. *Lodygin P.N. Zavodskaya kniga loshadej Chesmenskogo zavoda Ego Imperatorskogo Vy`sochestva Gosudarya Velikogo knyazya Nikolaya Nikolaevicha starshego s istoricheskim ocherkom ot osnovaniya ego do nastoyashhego vremeni* [The factory book of horses of the Chesmensky plant of His Imperial Highness the Sovereign Grand Duke Nikolai Nikolaevich Sr. with a historical sketch from its founding to the present]. – M.: Univ. tip. (Katkov i K), 1874. – XVIII, 61 p.
13. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 585.
14. *Cirkulyar po glavnomu upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva // Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Circular of the Department of state horse breeding]. [Journal of horse breeding and hunting]. – 1867. – № 6. – P. VI–X.
15. *Lodygin P.N. Oчерк deyatel`nosti Glavnogo Upravleniya gosudarstvennogo konnozavodstva za poslednie 25 let (1881–1906 gg.)* [Essay activities of the Department of state horse breeding for 25 years]. – SPb.: tip. Yu.Ya. Rimana, 1908. – [4], 107 p.
16. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 78.
17. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 72.
18. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 135.
19. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 143.
20. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 79.

21. *Pravitel'stvenny'e rasporyazheniya* [Government regulations] // *Zhurnal konnozavodstva i oxoty* [Journal of horse breeding and hunting]. – 1846. – № 2. – P. 103–108.
22. *RGIA*. F. 412. Op. 3. D. 766.
23. *RGIA*. F. 412. Op. 1. D. 607.
24. *Pamyatnaya knizhka po Glavnomu Upravleniyu gosudarstvennogo konnozavodstva* [Commemorative book of the Department of state horse breeding]. – Spb.: [b.i], 1867. – [4], 122, [8] p.
25. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 31.
26. *RGIA*. F. 412. Op. 2. D. 82.
27. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 112.
28. *RGIA*. F. 412. Op. 10. D. 21.
29. *RGIA*. F. 412. Op. 3. D. 213.
30. *RGIA*. F. 412. Op. 2. D. 206.
31. *Evseenko S. Veterinarnaya medicina i veterinarny`evrachi* [Veterinary medicine and veterinarians]. – M.: *tip. A. Gatzuka*, 1882. – [2], XIV, 158 p.
32. *Instrukciya dlya veterinarny`x vrachej Gosudarstvennogo konnozavodstva* [Instructions for veterinarians of the Department of state horse breeding] // *Zhurnal konnozavodstva* [Journal of horse breeding]. – 1899. – № 9. – P. IX–XVII.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019 г.

А.А. Ефимов

**Организация торговли алкоголем в дворцовых городах
в период Первой мировой войны (по материалам архивных
фондов учреждений Министерства императорского двора)**

Тема организации торговли спиртным в период Первой мировой войны в России отнюдь не обойдена вниманием исследователей, разные аспекты этой проблемы были рассмотрены в многочисленных публикациях. Тем не менее имеются и отдельные «историографические лакуны». Одной из таких является вопрос об особенностях деятельности в дворцовых городах Царском Селе, Петергофе и Гатчине, находившихся на особом положении, подчинявшихся не напрямую общей губернской администрации, а находившихся в ведении Министерства императорского двора, предпринимателей, продававших винно-водочные изделия. В представляемой статье автор на основе материалов Российского государственного исторического архива постарается раскрыть эту проблему. Исследователь отмечает, что последовавшая за первичным полным запретом продажи спиртного либерализация виноторговли в начале 1915 г. привела к наплыву скупщиков вина из столицы и возмущению общественности. В результате к концу того же года свободная продажа спиртного в дворцовых городах была прекращена. При этом на случай отмены ограничения в 1915–1917 гг. ежегодно утверждался список торговых точек, которые имели бы право торговли спиртным; а по несколько заведений в каждом из населенных пунктов смогли добиться права реализации алкогольной продукции на основаниях специального циркуляра министра финансов для технических, учебно-научных и лечебных целей. Однако чиновники придворного ведомства отказывали притязаниям предпринимателей, выдававших полноценную алкогольную продукцию за квас и подобные напитки и пытавшихся таким образом обойти ограничения. В статье указывается, что специальные разрешения выдавались не только на торговлю спиртным, но и на доставку ликероводочных изделий в местные торговые точки.

Ключевые слова: Первая мировая война, Петергоф, Гатчина, Царское Село, Министерство императорского двора, торговля алкоголем.

A.A.I. Yefimov

**Organization of alcohol merchandise in the palace towns during
the World War I (on the basis of archival funds
of the Ministry of the Imperial Court)**

The issue of alcohol merchandise organization during the World War I in Russia has been examined by numerous scholars. Nevertheless, some blank spaces still exist. One of them is connected with peculiarities of stiff drinks' distribution in TsarskoeSelo, Peterhof and Gatchina, the towns that had special status being out of general administration of the Ministry of Internal Affairs and under the supervision of the Ministry of the

Imperial Court. On the basis of archival sources from the Russian State Historical Archive the article deals with this problem. The author marks out that since indulgence in spirits' sale introduced in the beginning of 1915 led to massive arrival of buyers from Petrograd and other regions, in the end of this year free trade of stiff drinks in the palace towns was eventually abolished. But at the same time the list of merchants who could be given this permission was composed and maintained throughout the year 1917, and some merchants got status of alcohol distributors for industry, medical and scientific institutions provided by separate decree of the head of the Treasury. However local officials rejected demands from entrepreneurs who struggled to present a truly strong drink as a soft one. The article outlines that special permits were given out also for transportation of distillery to the local shops.

Key words: the World War I, Peterhof, Gatchina, Tsarskoe Selo, the Ministry of the Imperial Court, alcohol merchandise.

Проблема взаимоотношения властей и частных предпринимателей в настоящий момент является одной из важнейших для экономистов. Однако несомненный интерес она представляет и для специалистов-историков. В частности, в области экономической истории значимое место занимает вопрос организации и регулирования торговли алкогольной продукцией в Российской империи, в особенности это относится к положению торговых заведений в годы Первой мировой войны, когда действовали ограничения на распространение спиртного. В разных аспектах к этой теме обращались в своих исследованиях, в частности, А. Мак-Ки, Е.П. Баринова, Н.А. Розинская, Е.Ю. Семенова, И.А. Чуканов, П.П. Щербинин [1–6]. Специалистами представлены как общие политические и социально-экономические вопросы истории «сухого закона» в России, так и местные особенности политики правительства по лимитированию торговли алкоголем в разных регионах. Однако, как и многие другие исторические проблемы, эта также имеет свои белые пятна. Одним из них является вопрос об организации торговли алкогольной продукцией в дворцовых городах Петроградской губернии, имевших особый статус, не подчинявшихся напрямую губернскому руководству, а состоявших под управлением чиновников Министерства императорского двора.

Продажа вино-водочных изделий в дворцовых городах была административно ограничена за две недели до действительного начала Первой мировой войны. Губернатор Санкт-Петербурга гр. А.В. Адлерберг 16 июля 1914 г. направил шифрованную телеграмму полицмейстеру Царского Села, в которой предписывал на случай мобилизации сделать предварительное распоряжение о прекращении торговли спиртными напитками [7. Л. 2].

С началом Первой мировой войны на территории Российской империи вводились запретительно-ограничительные меры в отношении торговли алкоголем: запрещена была свободная продажа крепкого спиртного, а реализация пива и виноградных вин лимитировалась.

Возобновление торговли алкоголем в дворцовых городах в 1915 г. спровоцировало наплыв скупщиков вина из столицы, закономерное возмущение общественности, а со временем это начало вызывать недовольство и у представителей местной администрации. Все это вместе привело к тому, что осенью того же года свободная реализация спиртных напитков в дворцовых городах была запрещена. Так в Гатчине соответствующий запрет начал действовать с 27 ноября 1915 г. Однако, как и в Царском Селе и Петергофе, деятельность целого ряда торговых точек продолжалась в 1916–1917 гг. как с целью обеспечения потребностей государственных учреждений и частных предпринимателей, которым алкогольная продукция требовалась для технических нужд, так и для отпуска винно-водочных изделий по разрешениям врачей для лечения. Кроме того, на случай отмены ограничения в дворцовых городах управляющим акцизными сборами Петроградской губернии было предложено начальникам местных дворцовых управлений сформировать и утвердить список торговых точек, которые имели бы право реализации спиртного в каждом из населенных пунктов. В качестве главного основания для создания подобных перечней указывалось, что в условиях неопределенности срока окончания войны и запрета продажи крепких напитков для потребления открытие в короткий срок в каждом из дворцовых городов соответствующего по количеству и уровню числа питейных заведений без заранее составленного списка стало бы весьма затруднительным [8. Л. 25–25 об.]. Первоначально сформированный в начале 1915 г. отдельный перечень торговых точек, которые имели бы право продажи винно-водочных изделий рядовым потребителям в случае прекращения действия ограничительных мер, на рубеже 1915–1916 и 1916–1917 гг. повторно согласовывался управляющим акцизными сборами Петроградской губернии с руководством дворцовых управлений [9. Л. 63–63 об.; 10. Л. 3–5]. В общем и целом этот список в каждом из городов сохранялся неизменным [11. Л. 67; 12. Л. 45 об., 154–155, 169–170 об.].

Отзыв разрешений на право производства торговли спиртными напитками поставил многих предпринимателей в сложное положение. Особенные трудности испытывали владельцы крупных хранилищ, которые, лишившись возможности прямой реализации своей продукции, рисковали потерей всего товара и получением огромных убытков. Для спасения своих фирм коммерсанты обращались к властям с просьбами разрешить им тем или иным способом продать имевшуюся у них продукцию. Так хозяин оптового склада пива в Гатчине С.М. Веревкин дважды подавал подобные ходатайства. Первое, отправленное в начале июля 1915 г. главе Гатчины, осталось без последствий, и в середине сентября 1915 г. он обратился уже к управляющему акцизными сборами Петроградской губернии с вопросом о разрешении ему ликвидировать имевшийся у него запас пива в объеме около 2 800 ведер.

По мнению акцизного чиновника подобное прошение могло быть удовлетворено, но только с учетом положений циркуляра Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей от 23.01.1915 №2415, допускавшего реализацию товарных запасов алкоголя посредством его продажи в торговые заведения, имевшие действующее разрешение на продажу крепких напитков. Об этом решении был проинформирован начальник Гатчинского дворцового управления Н.Н. Крестьянов, согласившийся с подобной резолюцией [9. Л. 43, 49].

Введение в дворцовых городах запрета на свободную продажу алкогольной продукции при оставлении лазейки в виде циркулярного письма министра финансов от 4 ноября 1914 г. №2385, позволявшего получить право на торговлю вино-водочными изделиями для технических нужд, поставило перед коммерсантами задачу добиться для себя подобных разрешений. При этом число допущенных к торговле по этим правилам заведений оказывалось ограниченным, что напрямую приводило к монополизации этого рынка, поскольку остальным предпринимателям приходилось или уходить с рынка, или перепрофилировать свои заведения.

Так, в середине февраля и конце марта 1915 г. управляющему акцизными сборами было подано два прошения, первое от царскосельского купца А.А. Ногина и второе – от правления Общества водочного завода Келлер и Ко, авторы которых обращались за разрешением торговать крепкими напитками на указанные в циркуляре министра финансов потребности. При этом первый в поддержку своего прошения приложил копии циркулярного письма петроградского губернатора уездным исправникам и полицмейстерам о разрешении отпуска крепких алкогольных напитков для производственно-технических и лечебных нужд по разрешениям местной полиции и врачебных управлений соответственно и отношения петроградского вице-губернатора полицмейстеру Царского Села о разрешении старшему кондитеру Высочайшего двора потомственному почетному гражданину П.М. Григорьеву приобретать при необходимости у купца А.А. Ногина разные сорта вин «для кондитерских надобностей Высочайшего двора» [11. Л. 30–32].

Оба эти прошения были переданы на заключение надзирателю 4-го округа управления акцизными сборами. Последовавший 11 апреля 1915 г. вердикт управления акцизными сборами Петроградской губернии был отрицательным. В нем отмечалось, что министром финансов предписывалось выдавать разрешения ограниченному числу торговых точек, а в Царском Селе число заведений, уже имевших таковые, равнялось четырем и было, по мнению чиновника, вполне достаточным для данного населенного пункта [11. Л. 29, 30–31].

Однако полицмейстер Царского Села в своем донесении князю М.С. Путятину от 30 апреля 1915 г. полагал возможным разрешить вести торговлю крепкими напитками в соответствии с циркуляром мини-

стра финансов от 5 ноября 1914 г. №2385 всем владельцам ренсковых погребов, получившим патент на торговлю на 1915 г. и допущенным предписанием петроградского губернатора от 6 апреля 1915 г. к торговле легкими виноградными винами [11. Л. 29 об.].

К вопросу о допуске А.А. Ногина и Общества водочного завода Келлер и Ко к торговле крепкими напитками в Царском Селе возвратились в середине августа того же года. Начальник Царскосельского дворцового управления М.С. Путятин поднял эту проблему в своем письме управляющему акцизными сборами Петроградской губернии, в котором сообщал об ограничении с 4 августа торговли любой винно-водочной продукцией, продажей этих товаров предпринимателями, допущенными к этому Управлением акцизными сборами, исключительно для технических и лечебных нужд по соответствующим разрешениям местной полиции и царскосельских врачей.

Он отмечал, что до начала военных действий и введения ограничительных мер в 1914 г. в Царском Селе действовало тринадцать ренсковых погребов, число которых административными мерами было сокращено в два раза до шести заведений, а остальные семь были окончательно закрыты. Торговые точки, продолжившие свое существование, получили первоначально в полном составе разрешения на торговлю только легкими виноградными винами (крепостью до 16°), а затем владельцам четырех из них, В.Г. Баранову, А. Лисицыну, В. Шитту и Гвардейскому экономическому обществу, предоставили право отпуска крепких напитков по рецептам врачей и разрешениям полиции для лечебных и технических целей.

В условиях же введенного до окончания войны или впредь «до особых распоряжений» запрета «на свободную торговлю какими бы то ни было алкогольными напитками» коммерсанты, получившие ранее особое разрешение на продажу крепкого алкоголя по рецептам врачей и полицейским разрешениям для лечебных и технических целей, без особых проблем могли получить и право торговать на тех же условиях и легкими виноградными винами. В свою очередь, погреба А.А. Ногина и Общества «Келлер и Ко» могли рассчитывать исключительно на торговлю легкими виноградными винами. Для Царского Села, имевшего даже в довоенное время «весьма обширное население», к которому стоило теперь добавить персонал и пациентов более чем 50 лазаретов, подобное ограничение конкуренции, при котором торговля крепкими спиртными напитками оказалась сосредоточена в руках лишь четырех предпринимателей, создавало, по мнению М.С. Путятин, близкое к монополии положение.

В указанных обстоятельствах руководитель Царскосельского дворцового управления, с учетом уже проведенного двукратного сокращения числа ренсковых погребов и предусмотренного циркуляром

министра финансов от 5 ноября 1914 г. № 2385 для торговых заведений строгого контроля со стороны представителей акцизного надзора, полагал возможным на одинаковых основаниях предоставить право отпуска по рецептам врачей и полицейским разрешениям для лечебных и технических целей как крепких напитков, так и легких виноградных вин владельцам всех шести ренсковых погребов в Царском Селе, в том числе А.А. Ногину и Обществу «Келлер и Ко». При этом признавалось справедливым, что нарушение правил торговли алкогольными напитками кем-либо из коммерсантов должно было строго караться вплоть до отзыва разрешения на торговлю и окончательного закрытия ренского погреба, принадлежащего провинившемуся [11. Л. 39–40 об.].

Ответ на это письмо был дан Управлением акцизными сборами Петроградской губернии лишь в декабре 1915 г., когда завершалось согласование списка частных заведений, за которыми сохранялось потенциальное право торговли спиртными напитками в будущем 1916 г. Предоставляя соответствующий перечень из двенадцати предприятий на утверждение, М.С. Путятин 26 ноября вновь поднял вопрос о прошениях А.А. Ногина и Общества «Келлер и Ко», упомянув также свое отношение от 14 августа и прося удовлетворить эти обращения. На этот раз управляющий акцизными сборами, учтя обращения начальника Царскосельского дворцового управления, счел возможным выдать необходимые удостоверения указанным коммерсантам [8. Л. 27–29].

Предприниматели Гатчины также стремились воспользоваться положениями указанного циркуляра министра финансов и получить персональные разрешения на торговлю спиртным. Так, в январе 1916 г. соответствующее прошение подал владелец ренского погреба по Люцевской ул., д. 54 Владимир Москаленков. Первоначально он получил отказ от управляющего акцизными сборами Петроградской губернии. Однако полицмейстер Гатчины в своем заключении отмечал, что «правом торговли легкими виноградными винами и крепкими напитками в Гатчине пользуются два винных погреба, принадлежащих Овчинниковой и Нижегородову», а «все вина, без исключения, находятся на учете, причем продажа легких виноградных вин производится для чинов военного ведомства лишь по требованиям начальников отдельных частей и по разрешению Полиции. Крепкие же вина и напитки отпускаются исключительно для технических и лечебных целей только с разрешения Полиции». В такой ситуации во избежание монополизации полицмейстер полагал допустимым «разрешить Москаленкову продажу вин на тех условиях, как Овчинниковой и Нижегородову», добавляя от себя, что магазин заявителя по своему расположению был удобен для осуществления полицейского надзора. Это решение было поддержано и начальником Гатчинского дворцового управления [10. Л. 6–8 об.].

Введение запрета на свободную торговлю в Царском Селе, Петергофе и Гатчине алкогольной продукцией с сохранением возможности ее продажи для технических и лечебных целей по особым разрешениям местных властей и медицинских работников поставило торговцев перед необходимостью не только получать разрешения на подобную торговлю, но и согласовывать с руководством дворцовых городов и Управлением акцизными сборами доставку в собственные торговые точки партий винно-водочных изделий.

В январе и сентябре 1916 г. соответствующие обращения подавал владелец ренского погреба В.Г. Баранов, который в первом случае просил разрешить ему ввоз водочных изделий с завода Смирнова в Москве, а во втором – доставку приобретенных у товарищества «Шустов с С-ми» 435 бутылок русского коньяка, 30 бутылок русского рома и 15 бутылок русского ликера «Бенедиктин». Оба раза никаких возражений ни у руководства Царского Села, ни у Управления акцизными сборами не нашлось.

В июне 1916 г. А.А. Ногин и А. Лисицын одновременно обратились с просьбами разрешить каждому из них ввезти по 500 бутылок произведенного в России коньяка, приобретенных у Торгового дома «П.А. Смирнов» в Москве. Это заявление также было удовлетворено властями.

Однако Управление акцизными сборами все же старалось следить за тем, чтобы предприниматели не допускали затоваривания в своих ренских погребах. Так, в январе 1917 г. В.Г. Баранов обратился в Управление акцизными сборами Петроградской губернии с просьбой разрешить ему привезти в Царское Село для пополнения запасов его ренского погреба 600 бутылок коньяка, которые он намеревался приобрести в Москве у Товарищества «Шустов с С-ми». Однако на этот раз власти сочли чрезмерным объем предполагаемой к ввозу алкогольной продукции, поскольку общий оборот этого ренского погреба был не слишком значительным, а имевшийся на тот момент складской запас в 600 бутылок гарантированно покрывал месячную потребность в этом товаре для лечебных надобностей. Разумным было сочтено разрешить ввезти в этот раз лишь 100 бутылок [11. Л. 48–50, 52–52 об., 59–60 об., 64–65].

В условиях ограничения на производство и продажу в дворцовых городах традиционной алкогольной продукции (пива, виноградных вин и ликеро-водочных изделий) образовавшуюся нишу попытались занять предприниматели, выпускавшие другие виды слабоалкогольной продукции. Так, мещанин Ф.А. Гусев 18 октября 1915 г. обратился к императрице Александре Федоровне с прошением о разрешении ему открыть в Царском Селе торговлю изготовленным из меда квасом по крепости равным «среднему виноградному вину». Он отмечал, что ра-

нее неоднократно лично представлялся членам царской фамилии, передавая мед с собственных пасек для нужд раненых и больных военнослужащих, за что удостоивался благодарности монарха. При этом в случае получения необходимого разрешения Ф.А. Гусев брал на себя обязательство сделать единовременный взнос на нужды раненых в размере 200 р. [7. Л. 25]. Это прошение было передано для рассмотрения по существу начальнику Царскосельского дворцового управления князю М.С. Путятину, который счел необходимым дополнительно снести по этому вопросу с управляющим акцизными сборами Петроградской губернии [7. Л. 24]. Со своей же стороны он предлагал это обращение отклонить, поскольку «в сущности Гусевым изобретен алкогольный напиток, продажа которого под видом кваса была бы замаскированным обходом правил об ограничении продажи вина» [7. Л. 26]. С подобным заключением согласились и в Управлении акцизными сборами, добавив, что в соответствии с Уставом об акцизных сборах в квасе, изготовляемом для продажи, процент алкоголя не мог превышать 1,5 градуса по Траллесу, тогда как предлагаемый напиток по заявляемым характеристикам значительно превышал этот порог и должен был рассматриваться как рядовой алкогольный напиток. Об этом заключении в конце ноября 1915 г. было доведено до сведения как Канцелярии Ее величества императрицы Александры Федоровны, так и самого просителя [7. Л. 27–28 об.]. Таким образом, чиновники старались не допускать на рынок коммерсантов, сознательно пытавшихся добиться преференций полузаконными методами.

Подводя итог краткому рассмотрению положения дел в сфере легальной торговли алкоголем в дворцовых городах в годы Первой мировой войны, стоит отметить, что в условиях введенных ограничений деятельность предпринимателей, продававших спиртное, могла официально продолжаться лишь при условии получения ими специальных разрешений на реализацию винно-водочных изделий исключительно для технических или лечебных целей в рамках циркуляра министра финансов № 2385 от 5 ноября 1914 г. При этом изначальное попадание коммерсанта в список избранных, кто имел бы право на торговлю спиртными напитками, практически гарантировало сохранение привилегированного положения и в дальнейшем, а сам этот перечень практически полностью совпадал по своему составу в каждом из городов с теми заведениями, которые действовали на условиях вышеуказанного распоряжения.

Однако вопрос о полноте соблюдения установленных правил продавцами, покупателями и даже самими надзирающими органами дворцовых городов требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Баринаева Е.П. Антиалкогольная политика правительства в оценках российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестн. СамГУ. – 2012. – № 2/2 (93). – С. 94–100.
2. Мак-Ки А. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: материалы междунар. науч. коллоквиума. – СПб., 1999. – С. 147–159.
3. Розинская Н.А. Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны // Экон. история. – 2014. – № 3 (26). – С. 31–36.
4. Семенова Е.Ю. Обыватель поволжского города в условиях действия «сухого закона» периода Первой мировой войны: настроения и социальная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 2–2. – С. 170–176.
5. Чуканов И.А. Введение сухого закона в 1914 г.: необходимость и последствия // Поволж. пед. поиск: науч. журн. – 2013. – № 3(5). – С. 69–72.
6. Щербинин П.П. Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // *Magistra Vitae*: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. – 2003. – Т. 1. – № 2 (16). – С. 62–72.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 487. Оп. 7. Д. 5373.
8. РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5398.
9. РГИА. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5400.
10. РГИА. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2399.
11. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1099.
12. РГИА. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1131.

References

1. *Barinova E.P. Antialkohol'naya politika pravitel'stva v otsenkakh rossiyskikh predprinimateley v 1914–1916 gg.* [Antialcohol policy of the government assessed by Russian merchants in 1914–1916] // *Vestnik SamGU* [Vestnik of Samara State University]. – 2012. – № 2/2 (93). – P. 94–100.
2. *Mackey A. Sukhoy zakon v gody Pervoy mirovoy voyny: prichiny, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg.* [The dry law in the period of the World War I: motives, concept and consequences of implementation of the Prohibition in Russia: 1914–1917] // *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: Materialy mezhdunar. nauch. Kollokviuma* [Russia and the World War I: Proceedings of the International Scientific Colloquium]. – SPb., 1999. – P. 147–159.
3. *Rozinskaya N. A. Vliyanie «sukhogo» zakona na blagosostoyanie naseleniya vo vremya Pervoy mirovoy voyny* [The influence of the “dry” law on the public welfare during the World War I] // *Ekonomicheskaya istoriya* [The Economic History]. – 2014. – № 3 (26). – P. 31–36.
4. *Semenova E.Yu. Obyvatel' povolzhskogo goroda v usloviyakh deystviya «sukhogo zakona» perioda Pervoy mirovoy voyny: nastroyeniya i sotsial'naya praktika* [The resident of the Volga region town under the action of “the dry law” of the World War I period: sentiments and social practice] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. – 2011. – № 2–2. – P. 170–176.

5. Chukanov I. A. *Vvedenie sukhogo zakona v 1914 g.: neobkhodimost' i posledstviya* [Introduction of the Prohibition in 1914: necessity and consequences] // *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk (nauchnyy zhurnal)* [The Volga Region Pedagogical Search (scientific journal)]. – 2013. – № 3(5). – P. 69–72.

6. Shcherbinin P.P. *Alkohol' v povsednevnoy zhizni rossiyskoy provintsii v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 godov* [Alcohol in everyday life of the Russian provinces in the period of the World War I in 1914–1918] // *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: electronic journal on historical sciences and archaeology]. – 2003. – Vol. 1. – № 2 (16). – P. 62–72.

7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv* (RGIA). F. 487. Op. 7. D. 5373.

8. *RGIA*. F. 487. Op. 7. D. 5398.

9. *RGIA*. F. 487. Op. 7. D. 5400.

10. *RGIA*. F. 490. Op. 4. D. 2399.

11. *RGIA*. F. 491. Op. 3. D. 1099.

12. *RGIA*. F. 491. Op. 3. D. 1131.

Статья поступила в редакцию 5.03.2019 г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.23)"18/19":316.48:63-051

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

А.А. Карabanov

Обзор конфликтогенных тенденций в жизни русской крестьянской общины в конце XIX – начале XX в. (на материалах Олонецкой губернии)

В статье рассматривается крестьянская община Олонецкой губернии Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Автор анализирует влияние реформы 1861 г. на рост конфликтогенности в крестьянской общине губернии. Рассматривается этническое и конфессиональное многообразие Олонецкой губернии и выводится показатель общей разнородности, влияющий на рост потенциальной конфликтогенности. На материалах «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева и фондов Национального архива Республики Карелия анализируются примеры семейных и межпоколенческих конфликтов, «промысловых» споров, взаимоотношений в диаде «крестьяне – надзорные органы», рассогласования обычного права и закона, противоречия системы «общество-школа», межличностные, личностно-групповые и межгрупповые конфликты в крестьянской общине, прецеденты «обоскорблении на словах» и т. д.

Ключевые слова: Олонецкая губерния, буржуазные реформы, потенциальная конфликтогенность, этническое многообразие, конфессиональное многообразие, разнородность, конфликт, противоречие, крестьянская община, надзорные органы, старообрядчество, школа, брак, урядник.

A.A. Karabanov

Overview of conflict trends in the life of the Russian peasant community in the late XIX – early XX century (on materials of the Olonets province)

The article observes the peasant community of the Olonets province of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries. The author analyzes the influence of the peasant reform of 1861 on the growth of conflict potential in the peasant community of the province. The ethnic and confessional diversity of the Olonets province is considered and an indicator of the total heterogeneity, affecting the growth of the potential for conflict, is derived. Examples of family and intergenerational conflicts, "industrial" disputes, relationships in the dyad "peasants – supervisory bodies", discrepancies between customary law and law, contradictions of the system "society – school", interpersonal, personality-group and intergroup conflicts in the peasant community, precedents "about insult in words", etc. are analyzed on the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V.N. Tenishev and the funds of the National Archive of the Republic of Karelia.

© Карabanov А.А., 2019

© Karabanov A.A., 2019

Key words: Olonets province, bourgeois reforms, potential conflict trends, ethnic diversity, confessional diversity, heterogeneity, conflict, contradiction, peasant community, supervisory authorities, Old Believers, school, marriage, contractor.

Русская крестьянская община на рубеже XIX–XX вв. подвергалась многообразным разнонаправленным изменениям. Согласно теоретической парадигме междисциплинарной области знаний «конфликтология» в периоды изменений появляются предпосылки рассогласования различных сил, интересов и мнений [1, с. 66–67]. Одним из таких периодов являются буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. Крестьянская реформа в России, начатая в 1861 г., не оправдав ожиданий крестьянства, привела к сохранению помещичьих землевладений. Значительная часть земель осталась у помещиков. Так согласно данным «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России» на конец 70-х гг. XIX в., у 114 716 дворян было 73 163 744 десятины земли, а у 22 396 069 ревизских душ крестьян – 116 854 855 десятин надельной земли, таким образом, на одного помещика приходилось в среднем 637 десятин, а на одного мужчину крестьянина, обложенного подушной податью, – 5,2 десятины земли [2, с. 10–12]. Вместе с тем были территории, где помещичье землевладение было еще с дореформенных времен развито слабо, как, например, в Олонецкой губернии, и где, казалось бы, вместе с отсутствием главного социального противоречия уровень конфликтности должен был бы быть минимальным.

Вместе с тем и здесь положение дел в крестьянской общине после буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. носило потенциально конфликтный характер. В судах, например, нередко происходило рассогласование требований обычного права и закона. Крестьянское население обладало достаточно смутным представлением о содержании действующего законодательства, в оценке преступлений крестьяне руководствовались нравственным началом и принципами справедливости [3, с. 11].

Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева свидетельствуют, что в крестьянской общине на рубеже XIX–XX вв. значительно обострились семейные конфликты различного рода и характера, которые могли быть допущены и до разбора сельским старостой или исправником, и до судебного разбирательства, что свидетельствовало об их многоаспектности и сложности. Встречались и конфликты на бытовой почве: конфликтное противоборство могло носить и межгрупповой характер, например споры по промысловым вопросам между деревнями. В изданиях сборников архивных материалов вышеназванного бюро «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы» можно обнаружить также вертикальные конфликты в крестьянской общине: между крестьянами и надзорными органами (полицией, судебными приставами), между крестьянами и органами управления (например урядниками) [4].

Олонецкая губерния, занимающая на рубеже XIX–XX вв. четвертое место по площади в Европейской России, граничила с севера и северо-востока с Архангельской губернией, с юго-востока – с Вологодской, с запада – с Великим княжеством Финляндским. Население губернии, согласно переписи 1897 г., составляло 364 156 чел., среди которых 78 % составляли русские, 20 % – коренные обитатели края – карелы (более 60 тыс. жителей губернии), 20 тыс. жителей принадлежали к одному из народов прибалтийско-финской группы – чудь, и 2 % населения по этнической принадлежности были: финны (2,5 тыс.), евреи (550 чел.), поляки (400 чел.), немцы (100 чел.), цыгане (80 чел.), татары (50 чел.) [4, с. 81]. Олонецкая губерния на рубеже XIX–XX вв. была представлена девятью этническими группами различного количественного состава, являясь по данному показателю одной из наиболее разнородных, что отображено в табл. 1.

Олонецкая губерния – это относительно молодое территориальное образование в составе Российской империи, впервые получившая статус «провинции» или «области» лишь при Екатерине II в 1773 г., а ставшая полностью самостоятельным наместничеством лишь в 1784 г. Хотя стоит упомянуть, что затем она данный статус при Павле I потеряла, но при его сыне императоре Александре I снова приобрела [4, с. 81].

Таблица 1

Этническое разнообразие девяти губерний Российской империи по данным на конец XIX в. (на основании архивных материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, опубликованных в серии сборников «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы»)

Губернии	Этнические группы
Костромская	3
Тверская	4
Вологодская	2
Курская	5
Московская	5
Олонецкая	9
Псковская	5
Санкт-Петербургская	8
Тульская	1,5

Этническое разнообразие может указывать на потенциальную конфликтность, выступая лишь как один из сигнализирующих факторов. Для составления более полной картины, по мнению автора данной работы, необходимо также рассмотреть показатель конфессиональной разнородности, затем определив совокупное значение с показателем, представленным в табл. 1.

Конфессиональное многообразие в Олонецкой губернии представлено: приверженцами православия – 98 %, помимо традиционной формы православной религии, характерной для Российской империи конца XIX в., члены крестьянской общины Олонецкой губернии принадлежали также к старообрядческим течениям – 0,8 %; лютеране, католики и мусульмане составляли 0,4 % [4, с. 82]. Значение показателя конфессиональной разнородности для Олонецкой губернии будет равно пяти, что, как видно из табл. 2, не является высоким показателем среди губерний Российской Империи, но совокупный показатель разнородности (отображенный в табл. 3) даст нам возможность предположить, что уровень конфликтогенности в Олонецкой губернии однозначно будет превышать минимальные показатели.

Таблица 2

Конфессиональное разнообразие девяти губерний Российской империи по данным на конец XIX в. (на основании архивных материалов «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, опубликованных в серии сборников «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы»)

Губерния	Группы
Костромская	3
Тверская	3
Вологодская	2
Курская	3
Московская	1
Олонецкая	5
Псковская	6
Санкт-Петербургская	7
Тульская	9

Таблица 3

Таблица сумм показателей этнической и конфессиональной разнородности девяти губерний Российской империи по данным на конец XIX в.

Губерния	Кол-во этносов	Значение конфессионального разнообразия	Суммарный показатель разнородности
Курская	5	3	8
Тульская	1,5	9	10,5
Санкт-Петербургская	8	7	15
Тверская	4	3	7
Вологодская	2	2	4
Московская	5	1	6
Олонецкая	9	5	14
Псковская	5	6	11
Костромская	3	3	6

В Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв. присутствовали межгрупповые вертикальные конфликты. На праздниках и ярмарках подвыпившая полиция сама производила скандалы: полицейские могли нанести побои под видом усмирения пьяного, мстя в это время кому-либо из знакомых [4, с. 91].

Данные конфликты развивались в диаде «крестьянство – надзорные органы» и имели широкое распространение. В одной из деревень становой пристав (полицейская офицерская должность, под юрисдикцией которой находился административный округ из нескольких волостей [5, с. 748]) хотел сделать какую-то продажу из амбара крестьянина Семена Петрова, тот ключей не дал. Когда двери амбара хотели взломать, крестьянин вооружился топором и близко к дверям никого не подпустил. В таких ситуациях крестьяне готовы были вступить в открытое противоборство с надзорными органами, часто руководствуясь тем, что особо ничего не потеряют: «...из меня уж барина не выкроишь; а как из барина мужика сделают, вот тут неловко» [5, с. 96].

В другом поселении – деревне Березника – произошел конфликт Степана Колоба с судебными приставами, которым он не захотел платить «незаконные пени», а те, в свою очередь, описали его имущество на сумму пени в его отсутствие. Иногда спорные и конфликтные ситуации между крестьянами и надзорными органами возникали по причинам, которые не зависели ни от первых, ни от вторых, например, в данном случае виновным оказался не Степан Колоб, действительно, в срок и в необходимом размере уплативший денежные средства, и не пристав, выполнявший свою работу согласно букве закона, а письмоводитель станового пристава Кузнецов. Последний денежные средства у Колоба принял, но приставу их, по всей видимости, не передал. Данная конфликтная ситуация разрешалась посредством вовлечения третьего лица – исправника, который, будучи призванным разобраться с жалобой крестьянина на ситуацию, направленной земскому начальнику, объяснил Колобу его дальнейшие действия, посоветовав заплатить пени, но взыскать с письмоводителя пристава Кузнецова необходимую сумму. Уплатив пени, Колоб сам отказался от взыскания, потому что в данном конфликте причиной возрастания напряжения были, вероятнее всего, нравственно-ценностные аспекты (самовольные действия пристава в отсутствие крестьянина, испуганная жена, испорченные вещи, которые не представляют особенной материальной ценности), а не материальные, хотя последние тоже имели значение в конфликтах межличностного или межгруппового характера между крестьянством и надзорными органами [4, с. 96].

Конфликты в диаде «крестьяне – надзорные органы» имели достаточно широкое распространение, а также отличались остротой и высоким уровнем социально-психологического напряжения. Чаше все-

го причины данных конфликтов помимо материальных были также и нравственно-ценностными, в особенности со стороны крестьян. Если представители надзорных органов зачастую руководствовались увеселительными моментами, жадной наживы или нежеланием углубляться в суть разрешаемых вопросов, то у крестьянского населения на первый план выходит состояние глубокой обиды, спровоцированной полицейским произволом, собственным положением или частными нравственно-ценностными аспектами.

Также в крестьянской общине Олонецкой губернии рассматриваемого периода можно выделить такую группу конфликтов, как межличностные и личностно-групповые вертикальные конфликты. В данную группу стоит определить конфликты крестьян с урядником (низший полицейский чин), часто носившие межгрупповой характер, перерастая в конфликты группы с личностью. Для отражения данного вида конфликтного противоборства, подобные которому происходили в указанной губернии менее часто, чем конфликты с надзорными органами, потому что иных представителей вертикали управления, таких как сотские и десятские, крестьяне губернии по определенным причинам уважали больше, чем урядников, а следовательно, и в противоборство с ними вступали реже, будет приведена серия конфликтов членов крестьянской общины с урядником. Крестьяне отказывались давать лошадь уряднику, так как он «на лошадь получает», а денег не предлагал. Вместе со старшиной его не повезли. Хотя иных возят охотно. Также урядник в «поголовно пьяные праздники» в деревне не показывался, так как один раз «еле спасся от пьяных крестьян» [4, с. 92].

Иногда конфликтогенность в данной диаде взаимоотношений проявлялась даже во время судебных заседаний: урядник буйствовал в суде, требуя более строгих наказаний, срываясь на сотском за неправильных свидетелей по делу о его избиении и устрашая судей [4, с. 93]. Носили конфликты данного типа иногда и ярко выраженный ценностный характер, например, урядник не отдавал карточный долг «интеллигентному деревенскому обществу», стараясь подметить какую-нибудь нежелательную черту для начальства [4, с. 93]. В данном варианте конфликтной ситуации не нарушаются законодательные нормы, но напряженность прослеживается через описание ситуации, отображая именно ценностный характер конфликта, характер личных взаимоотношений: крестьяне имели ярко выраженную неприязнь к уряднику, как к личности, а не только как к представителю вертикали управления.

Анализируя конфессиональное разнообразие и общий показатель разнородности населения губернии, автором данной статьи приводилась гипотеза о том, что совокупность этнической и конфессиональной разнородности влияет на потенциальную конфликтогенность. Некото-

рые губернские газеты упоминали о ситуациях межконфессиональных конфликтных ситуаций неоднократно, гораздо реже встречались в материалах различного рода сведения об этнических столкновениях.

Например, учитель В. Хазов описал в «Губернской газете» следующий межконфессиональный педагогический конфликт. Заботясь о чистоплотности детей, учитель организовал в школе стрижку в гигиенических целях, это вызвало недовольство родителей старообрядцев. Один из отцов жестоко наказал сына, а учителя «чистил на чем свет стоит»: *«...эта растительность Богом создана, и ты не должен над ней смеяться, стричь на гладь»*. Локализация данного конфликта – масштабы одного населенного пункта – деревни Карельская Масельга Половецкого уезда. Спустя месяц учитель из с. Паданы Половецкого уезда ответил коллеге, что стриженная голова – не показатель культуры, надо изменить методы работы. То есть с включением в конфликт еще одного лица, которое даже не становится оппонентом противоборства, а заочно вступает в «группу поддержки» отца-старообрядца, конфликтная ситуация изменяет свою локализацию, расширяя ее.

Межконфессиональные конфликты между традиционным православием и старообрядческим ответвлением в Олонецкой губернии в указанный временной промежуток носили острый и повсеместный характер, что подтверждается данными официальной статистики. Согласно официальным отчетам, старообрядцы редко отдавали детей в церковно-приходские школы по вполне понятным причинам разногласий религиозного характера с традиционным православием: в 1896 по всей губернии – пять школьников; 1899 – восемь школьников; школы гражданского ведомства из 450 детей старообрядцев (по сведениям на 1904 г.) посещали 60 чел. [6, с. 45]. Дети старообрядцев обычно оставляли учебу в школе едва научившись читать и писать [7, с. 255].

Возникает конфликт между учителем В. Хазовым, родителями учащихся-старообрядцев и с самими учащимися, так как обычно в ценностном плане дети-старообрядцев были достаточно преданы верованиям своих родителей, и даже если во взрослом возрасте уже данных воззрений не разделяли, то все равно демонстрировали приверженность «завету предков». Старообрядцы действительно очень трепетно относились к растительности, хотя при длительном и тщательном исследовании многие ученые не обнаружили в текстах религиозного содержания образца дораскольной церкви призыва к ношению длинных волос и не сбриванию растительности клириками и мирянами. Несмотря на это, данный постулат уже к концу XIX в. достаточно твердо был вмещен в картину мира старообрядцев, что при его нарушении иноверцами безусловно вызывало сильнейший диссонанс. Школы Олонецкой губернии и также многих других губерний, в которых старообрядчество было достаточно широко представлено (например,

Псковской губернии) часто встречались с такого рода межконфессиональными разногласиями. Возможно поэтому более опытный коллега из села Паданы той же Олонецкой губернии призвал в том же печатном издании именно учителя изменить методы работы, а не встал на его защиту, что зачастую свойственно представителям одной сферы труда [7, с. 255]. То, что в данной конфликтной ситуации не описано участие администрации школы, демонстрирует, скорее всего, то, что школа пыталась дистанцироваться от конфликта.

Стоит в целом упомянуть об отношении крестьян Олонецкой губернии во второй половине XIX в. к образованию. В 1850–1860-х гг. в начальных школах губернии обучалось незначительное количество детей. Народные учителя говорили, что отсутствует достаточное понимание пользы просвещения со стороны населения. В отчетах учителей на имя инспекторов народных училищ неоднократно упоминалось, что в данных местностях происходит непонимание «пользы духовного просвещения», что местные народности «очень скудны понятиями о грамотности» [12. Л. 18]. Указание на существование объективной необходимости к обучению и отсутствие желания у крестьян Олонецкой губернии получать образование свидетельствует о присутствии в массовом исчислении нравственных конфликтов (между категориями «хочу» и «надо») – между стремлением действовать в соответствии с желаниями и требованиями общества. Из отчетов тех же учителей становится понятно, что в грамоте крестьяне губернии видели только материальную пользу, члены крестьянской общины совершенно не рассматривали грамотность как аспект осуществления коммуникации [9. Л. 3]. Не имея финансовых средств для открытия народных школ, правительство совершало попытки переложить часть просвещенческих расходов на крестьян, которых данная тенденция крайне не устраивала. В 1868 г., например, при обращении инспектора к Салменижскому обществу, объединявшему пять населенных пунктов в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии, с просьбой о помощи двум церковноприходским школам был получен очередной отказ [10. Л. 25]. Крестьяне разрешали своим детям посещать народные училища, но при этом никакой поддержки школе они оказывать не собирались. Противоречия в диаде «общество – школа» назревали, и уже на первом заседании Олонецкого губернского земского собрания в 1867 г. рассматривались вопросы, касающиеся взаимодействия внутри данной диады. Было замечено, что крестьяне проявляет равнодушие к нововведениям. Это же отражалось и в отчетах Олонецкого училищного совета за следующий календарный год – «сами родители, не просвещенные светом науки, светом учения, не могут вполне оценить важность и необходимость грамотности для своих детей, но еще и прямо отвлекают их от учения, занимая домашними работами» [12].

Понимание важности и пользы просвещения у крестьянского населения стало проявляться лишь в 70–80-х гг. XIX в., но это не было вызвано изменениями в восприятии крестьян, а скорее, влияние на это «понимание» оказала новая реформа системы отбывания воинской повинности – появлялась льгота для лиц, получивших образование. Крестьяне стали предоставлять учителям помещения, снабжать пищей, помогать школе материально [12. Л. 12]. У них появлялась мотивация материального характера. На рубеже XIX–XX вв. Олонецкая губерния насчитывала уже 39 народных училищ, некоторые из которых обслуживали по 8–11 селений, имели ночной приют, библиотеку [12, с. 226–233].

Для осуществления качественного анализа конфликтных ситуаций, происходивших в Олонецкой губернии на рубеже XIX–XX вв., необходимо рассмотреть занятия населения губернии, основными из которых являлись: земледелие (к началу XX в. в руках крестьян было 98 % пахотной земли – форма владения общинная); винокурение и пивоварение; огородничество (незначительно развито); садоводство (незначительно развито); лесные промыслы (значительный заработок сельского населения губернии); рыболовные промыслы. На фоне занятий населения губернии также возникали потенциально конфликтные ситуации. Особенно были распространены конфликты межгруппового характера (между различными деревнями и селами), связанные с промыслами, прежде всего лесным и рыболовным. Например, крестьяне деревни Исаево «умело» рубят лес в соседней деревне, так как это «выгоднее» и «ближе». Озеро Горшок принадлежало двум деревням, рыбаки этих двух деревень «стали поворовывать» друг у друга рыбу из ловушек. Из-за этого не раз доходило даже до драки. Деревенские неоднократно вступали в конфликтное противоборство по данному поводу [4, с. 96–97]. Повторяемость такого рода конфликтных ситуаций была регулярной. В данном случае конфликты происходили по поводу использования ресурсной базы, в особенности озера Горшок, которое территориально являлось общим для двух соседних поселений. Приведенные конфликты являются ярким примером горизонтального межгруппового противоборства, носящего острый и затяжной характер.

В Олонецкой губернии присутствовали конфликты, носящие характер нарушения паттернов семейных взаимоотношений в крестьянской общине. Например, ходили в лес по ягоды Капитонов, его двоюродные сестры и их брат, там Дмитрий Капитонов повздорил и подрался со своими двумя двоюродными сестрами и их братом. Рассердился отец обиженных Прохор на своего племянника Дмитрия Капитонова, «и с тех пор пошла у них вражда». Во время Пасхи у Прохора «изломал кто-то стекло в раме». Прохор «бросился к уряднику» и заявил подозрение на Дмитрия Капитонова. Тот оказался неви-

новен, но решил подать жалобу за оскорбительное подозрение. К мировой их в итоге склонил волостной суд [4, с. 97].

Исходя из динамики развития конфликтного противоборства видно, насколько сильно начали видоизменяться крестьянские семейные устои. Дмитрий Капитанов позволил себе в принципе «состязаться» с Прохором как представителем старшего поколения.

В крестьянских семьях происходили изменения не только в системе межпоколенческих взаимоотношений, но и в отношениях между мужчиной и женщиной. Хотя основные крестьянские семейные устои и оставались нерушимыми, по-прежнему муж мог «поучать» жену на глазах у всей деревни. Но процесс гуманизации внутрисемейных отношений, который начался во второй половине XIX в. все-таки продолжал свое неуклонное развитие. Мировой суд оказывал большое покровительство женщинам в делах против самоуправства их мужей [14, с. 45–46].

Чтобы подтвердить степень высокой распространенности внутрисемейных конфликтов в крестьянской общине Олонецкой губернии, рассмотрим еще несколько прецедентов. В 1899 г. поступила жалоба от вдовы на свою свекровь о невыдаче, согласно духовному завещанию, причитающейся ей земли надельной, продуктов питания и скота. Жалоба была удовлетворена, было принято решение – выдать причитающееся вдове [14, с. 107]. Происходит трансгрессирование процесса разрешения семейных конфликтов из локального жилища одной крестьянской семьи в волостной или мировой суд, что свидетельствует о глубоком характере нарушений в системе семейных взаимоотношений в крестьянской общине, которые всегда являлись одним из оплотов русской деревни.

Основная часть женского населения Олонецкой губернии состояла в браке. На рубеже XIX–XX вв. находиться в «девицах» в возрасте от 40 лет означало вызвать общественное порицание, слухи и сплетни. Аккумулируясь внутри деревни, они оказывали давление на женщину и могли стать одной из причин возникновения внутриличностных и межличностных конфликтов. Вступление в брак для женщины – моральный долг перед Богом, родом и семьей: «жена без мужа, как поле без изгороди» [15]. Конфликт в данной стезе мог возникнуть и, например, при неполучении родительского благословения на брак, у карельского народа широко бытовало представление о исключительности такого благословения. В карельской культуре определялся и оптимальный возраст вступления в брак для девушки – от 17 до 20 лет, более поздний выход замуж – мог спровоцировать противоречия определенного рода [16, с. 45]. Также существовал у карелов обычай выдачи замуж детей в порядке старшинства [17, с. 10–12], он тоже не исключал межличностных конфликтов между сестрами внутри одной семьи, ведь могла возникать ситуация, когда, например, из-за того что не могла выйти замуж старшая дочь, младшая оставалась в «девицах».

*Брачность среди женщин Олонецкой губернии на 1897 г.,
(в процентах) [17, с. 9]*

Семейное положение	Возраст		
	15–40 лет	40–60 лет	60 и более
Девушки	39,39	6,37	8,19
В браке	57,14	67,42	29,79
Вдовы	3,43	26,15	61,83
Разведены	0,03	0,03	0,03

Частыми были межличностные конфликты внутри общины. Межличностное взаимодействие носило наиболее частый характер в силу особенностей крестьянской ментальности и ее дифференциации от городской жизнедеятельности, а также в силу того, что любой даже межгрупповой конфликт всегда начинался с инцидента, сутью которого выступало межличностное противодействие. Например, Агап Алексеев подал прошение об учиненной ему тремя крестьянами «обиде несправедливости». Решением по данному конфликтному вопросу было оштрафовать по 1 р. каждого, не исключая самого крестьянина [4, с. 98]. Данный конфликт также можно характеризовать и как противоборство личности с группой. Следующие прецеденты будут отображать исключительно характер межличностного взаимодействия: прошение Афанасия Кадулина на крестьянина деревни Засухинской по фамилии Левин о том, что последний взял у Кадулина 110 р. и обязался накурить на эту сумму дегтя и смолы, а выкуривши, свез материалы другому. Решение по данному конфликтному вопросу: товары предоставить Кадулину. Локализация данного конфликта – в масштабах деревни Хмелевская [4, с. 98].

В 1867 г. поступила жалоба от доверенного купца Попова об оскорблении, нанесенном крестьянином Митрофановым его леснику. Решено: подвергнуть Митрофанова 20 ударам розгами [4, с. 99]. В данном конфликте можно выделить две линии межличностного конфликтного противоборства: Митрофанов – купец Попов; Митрофанов – лесник.

Часто встречаются в этнографических материалах упоминания об исках «об оскорблении на словах». Например, в 1897 г. по одному из таких исков было принято решение подвергнуть аресту на трое суток в соответствии с действующими законодательными актами [4, с. 128].

Если рассмотреть статистику на одной конкретной территории за один конкретный год, хотя бы по исковым заявлениям и прошениям, то мы сможем увидеть достаточно много конфликтных дел, связанных с высоким уровнем насилия. Он будет свидетельствовать о высоком уровне психологического напряжения, а следовательно, высокой веро-

ятности возникновения конфликтного противоборства в различных отраслях жизнедеятельности, что характеризует уровень конфликтогенности на уровне с показателем разнородности населения.

Таблица 5

Количество исковых требований по определенным категориям за 1895 г. в Нижеслободской волости Олонецкой губернии [4, с. 122–125]

Исковые требования	Количество
Иск о драке	1
Иск о побоях	6
Иск о поджоге	1
Иск о действиях насильственного характера по отношению к корове	2
Иск о действиях оскорбительного характера	1
Итого	11 исков

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Даже если убрать за скобки главный социальный конфликт пореформенной России между помещиками и крестьянами, новые условия модернизирующейся страны все равно формировали значительное поле для конфликтов в рамках самой крестьянской общины.

Для проведения анализа потенциальной конфликтогенности какой-либо губернии необходимо рассчитать полноценный показатель разнородности, который включает в себя этническое и конфессиональное многообразие, но стоит учитывать, что в данный исторический период показатель конфессионального многообразия в значительно большей степени влиял на показатель потенциальной конфликтогенности в крестьянской общине определенной губернии Российской империи.

Широкое распространение в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX в. имели: межгрупповые вертикальные конфликты («надзорные органы – крестьяне»: отличались высоким уровнем социально-психологического напряжения, со стороны надзорных органов носившие материальный, а со стороны крестьян – ценностный характер); межконфессиональные столкновения («традиционное православие – старообрядческие течения»: носили открытый (иногда гласный) и повсеместный характер, протекали внутри социальных институтов, имели нравственно-ценностный оттенок); горизонтальные межгрупповые («промысловые конфликты»: между группами – деревнями, селами, например, из-за общей ресурсной базы, носили строго материальный характер); семейные конфликты (глубокий кризис паттернов семейных взаимоотношений, гласность – трансгрессирование в волостные и мировые суды, частое применение насильственных мер);

конфликты с нереалистичным предметом («об оскорблении на словах») и т. д.

Менее распространены в Олонецкой губернии были личностно-групповые конфликты («представители системы управления – крестьяне»: сотских и десятских уважали в отличие от урядников, конфликты возникали в основном с последним, носили ярко выраженный ценностный характер, крестьяне испытывали к уряднику личностную неприязнь); этнические конфликты (в Олонецкой губернии практически не распространены, несмотря на все многообразие этнических групп).

Практически все виды конфликтного противоборства со стороны крестьян носили нравственно-ценностный характер, только лишь затрагивая материальный аспект, но не как первопричину.

Многообразие видов конфликтного противоборства в крестьянской общине Олонецкой губернии, его многоаспектность и сложность указывают на слабую развитость институтов разрешения конфликтов (хотя крестьяне, безусловно, обращались в мировые и волостные суды, а исправник в определенных случаях мог выступить третьей стороной), а высокий уровень социально-психологической напряженности и насилия указывают на глубинные противоречия, нарастающие в крестьянской общине, а также на изменения в ее традиционных основах.

Появление новых видов конфликтов, например «обида на словах», свидетельствует о коренных изменениях «в картине мире» крестьянства Олонецкой губернии, связанных, возможно, с изменениями внешними: реформами, государственными преобразованиями и т. д.

Список литературы

1. Могилевич Б.Р. Социокультурные конфликты и способы их преодоления // Известия ВГПУ. – Волгоград, 2008. – № 3. – С. 66–69.
2. Статистический временник Российской империи. Сер. 3. – Вып. 10. – СПб., 1886. – 259 с.
3. Ерин П.В. Сельское правосудие и местное самоуправление сельских крестьян в конце XIX – начале XX в.а (на материалах Тамбовской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 – Отеч. история. – Воронеж, 2013. – 11 с.
4. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. – СПб.: Деловая полиграфия, 2008. – 599 с.
5. Беловинский Л.В. Энциклопедический словарь российской жизни и истории: XVIII – начало XX в. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2003. – 912 с.; ил.
6. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой губернии за 1895–96 учебный год. – Петрозаводск: Сев. скоропечатня Р.Г. Каца, 1897.
7. Илюха О.П. Карельский Филлипок: региональные особенности социокультурного образа сельского школьника конца XIX – начала XX века // Антропологический форум № 13. – Петрозаводск, 2010. – С. 242–270.
8. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 78. Оп. 1. Д. 17/252.
9. НА РК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 50/830.

10. НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 2/21.
11. Журнал Олонецких губернских и уездных земских собраний за 1867–1916 гг. – Петрозаводск, 1868–1917.
12. НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 12/181.
13. Калинина Е.А. Народные школы Олонецкого края в XIX – начале XX века. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. – 264 с.
14. Сидорова В.С. Крестьянская семья и бытовая преступность России во второй половине XIX века // Вестн. ЛГУ им. А.С.Пушкина. – 2011. Т. 4. – История. – №1. – С. 33–39.
15. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. – М.: Наука, 2003. – 670 с.
16. Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1985. – 170 с.
17. Голикова Н.В. Женское воспитание в крестьянской семье Олонецкой губернии второй половины XIX – начала XX века: учеб. пособие. – Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. – 60 с.

References

1. *Mogilevich B.R. Sociokul`turny`e konflikty` i sposoby` ix preodoleniya* [Socio-cultural conflicts and ways to overcome them] // *Izvestiya VGPU* [News of the Voronezh State Pedagogical University]. – Volgograd, 2008. – №3. – S. 66–69.
2. *Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii* [Statistical periodical of the Russian Empire]. Seriya 3. – Vy`p. 10. – SPb., 1886. – 259 с.
3. *Erin P.V. Sel'skoe pravosudie i mestnoe samoupravlenie sel'skix krest`yan v konce XIX – nachale XX veka (na materialax Tambovskoj gubernii): avtoref. dis...kand.ist.nauk: 07.00.02 – Otechestvennaya istoriya: zashhishhena 01.07.12* [Rural justice and local self-government of rural peasants in the late XIX - early XX century (on the materials of the Tambov province): avtoref. dis ... candidate of sciences: 07.00.02 - Domestic history: protected 07/01/12]. – Voronezh, 2013. – 11 s.
4. *Russkie krest`yane. Zhizn`. By`t. Nrvy`. Materialy` «E`tnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva. T. 6. Kurskaya, Moskovskaya, Oloneczkaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya i Tul'skaya gubernii* [Russian peasants. A life. Gen. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince VN Tenishev. T. 6. Kursk, Moscow, Olonets, Pskov, St. Petersburg and Tula provinces]. – SPb.: izdatel'stvo «Delovaya poligrafija», 2008. – 599 s.
5. *Belovinskij L.V. E`nciklopedicheskij slovar` rossijskoj zhizni i istorii: XVIII–nachalo XX v.* [Encyclopedic dictionary of Russian life and history: XVIII – early XX century] – М.: OLMA Media Grupp, 2003. – 912 s.; il.
6. *Otchet o sostoyanii cerkovno-prixodskix shkol i shkol gramoty` Oloneczkoj gubernii za 1895–96 uchebny`j god* [Report on the state of parochial schools and literacy schools of the Olonets province for the 1895-96 school year.] – Petrozavodsk: Sev. skoropechatnya R.G. Kacza, 1897.
7. *Ilyuxa O.P. Karel'skij Fillipok: regional`ny`e osobennosti sociokul`turnogo obraza sel'skogo shkol`nika koncza XIX – nachala XX veka* [Karelsky Phillipok: Regional Peculiarities of the Socio-Cultural Image of a Rural Schoolchild of the Late XIX – early XX Century] // *Antropologicheskij forum №13* [Anthropological Forum No. 13]. – Petrozavodsk. 2010. – S. 242–270.
8. *Nacional`ny`j arxiv Respubliki Kareliya (NA RK). F. 78. Op. 1. D. 17/252.*
9. *NA RK. F. 27. Op. 1. D. 50/830.*
10. *NA RK. F. 42. Op. 1. D. 2/21.*

11. *Zhurnal Oloneczkix gubernskix i uezdny`x zemskix sobranij za 1867–1916 gg.* [Journal of Olonets provincial and district assemblies for 1867–1916]. – Petrozavodsk, 1868–1917.
12. NA RK. F. 78. Op. 1. D. 12/181.
13. *Kalinina E.A. Narodny`e shkoly` Oloneczkogo kraja v XIX– nachale XX veka* [Folk schools of Olonets region in the XIX – early XX centuries]. – SPb.: «DMITRIJ BULANIN», 2009. – 264 s.
14. *Sidorova V.S. Krest`yanskaya sem`ya i by`tovaya prestupnost` Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [The peasant family and domestic crime in Russia in the second half of the XIX century] // *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University.]. – 2011. T. 4. – Istorija. – №1. – S. 33–39.
15. *Pribaltijsko-finskie narody` Rossii* [Baltic-Finnish peoples of Russia] / otv. red. E.I. Klement`ev, N.V. Shly`gina. – M.: Nauka, 2003. – 670 s.
16. *Surxasko Yu.Yu. Semejny`e obryady` i verovaniya karel* [Family rites and beliefs of Karelians]. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1985. – 170 s.
17. *Golikova N.V. Zhenskoe vospitanie v krest`yanskoj sem`e Oloneczkoj gubernii vtoroj poloviny` XIX–nachala XXveka: ucheb. posobie* [Female education in the peasant family of the Olonets gubernia of the second half of the XIX – beginning of the XX century: study guide]. – Petrozavodsk: Izd-vo KGPA, 2012. – 60 s.

Статья поступила в редакцию 21.12.2018 г.

ФИЛОСОФИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 930.85:140.8

ГРНТИ 03.23. История России

Т.Н. Минникова

Русский сфинкс

В статье ставится вопрос о национальном самоопределении России, о её цивилизационной идентичности. Рассматривается переход общества от традиционализма к состоянию «модернити». При этом указывается, что за поверхностью, где действуют экономические, политические и социальные данности, скрываются неосознаваемые факторы. Последние включают в себя конструктивный и деструктивный элемент. Они же являются основой положительного ментального модуса – «иоанновский человек» и отрицательного ментального модуса – «ментальность экстенсивности». Указана неразрывная связь между деструктивной бессознательной компонентой на определённом историческом витке с национальной идеей. На примере русской истории XX–XXI вв. показано влияние этих компонент на судьбы русского общества.

Ключевые слова: ментальность, архетип, национальная идея, варваризация, демократизация, материальное равенство, справедливость.

T.N. Minnikova

Russian sphinx

The article raises the question of Russia's national self-determination, about its national identity. The transition of society from traditionalism to the state of "modernity" is considered. At the same time, it is indicated that beyond the surface, where economic, political and social conditions operate, there are hidden unconscious factors. The latter include a constructive and destructive element. They are also the basis of the positive mental mode – "John's Man" and the negative mental mode – "extensiveness mentality". The indissoluble connection between the destructive unconscious component at a certain historical turn with the national idea is indicated. On the example of the Russian history of the XX–XXI centuries the influence of these components on the fate of Russian society is shown.

Key words: mentality, archetype, national idea, barbarization, democratization, material equality, justice.

В последние годы появилось немало интересной научной литературы, которая ищет ответ на вопросы: «Кто мы? Откуда мы? Куда идём?». Россия за тысячу лет проделала сложный путь, познала ра-

дость побед и горечь поражений, взлёты и падения. В сущности вопрос заключается в том, чтобы понять «своеобразный смысл жизни страны в целом» [1, с. 33]. А для того чтобы получить ответ и тем самым прийти к определённому результату, требуется отобрать лишь самое главное, составляющее основное содержание её прошлого исторического опыта. На наш взгляд, в данном случае следует обратить внимание на то место, которое занимает русская цивилизация среди других цивилизаций земного шара.

Возникнув в конце первого тысячелетия нашей эры, она долгое время находилась в сфере влияния византийской суперкультуры, и лишь в XVII–XVIII вв. произошла смена её цивилизационной ориентации: культура России переместилась на периферию западноевропейской суперкультуры – она подверглась активной вестернизации. В какую же форму воплотился данный процесс? Наиболее наглядной его конкретизацией представляются модернизационные изменения общественного бытия: переход от традиционного состояния к состоянию «модернити».

Отличительными чертами традиционного общества считаются статичность и цикличность, воспроизводство одних и тех же форм жизни, быта и мышления; малая эффективность производства, безынициативность населения, почти сплошная безграмотность и т. д. [2, с. 90]. В противоположность ему состояние «модернити» характеризуется индивидуализацией членов общества (преодолением коллективного бессознательного в процессе рефлексии о ценностях – святынях), гуманизацией, либерализацией, демократизацией, толерантностью и общей динамичностью жизни.

Если представить (с позиций культурологии) все существующие ныне социумы в виде пяти (семи) больших религиозно-цивилизационных комплексов – западно-христианского, восточно-христианского, китайско-конфуцианского, индо-буддийского, араб-исламского, а также латиноамериканского и африканского, – то окажется, что первой на путь модернизации (эпоха Ренессанса) встала западно-христианская цивилизация. Именно она независимо от других, *естественным образом* достигла состояния «модернити». Соответственно, все остальные цивилизации в этой ситуации автоматически попали в положение «догоняющих» социумов.

Очевидно, что освоение ценностей «модернити» в условиях возростающей геополитической конкуренции европейских держав являлось для России исторической неизбежностью. Отказ от следования по этому пути грозил ей цивилизационным коллапсом. Однако переход от традиционализма к новым реалиям сопровождался достаточно большими трудностями, ибо требовал перестройки не только типа экономической активности, но и самого принципа социальных отношений, а также политической системы общества.

На этом фоне впервые в истории России зазвучал вопрос о её национальном самоопределении: то ли она принадлежит Западу, то ли это некий евразийский синтез, то ли она вообще не обладает никакой цивилизационной идентичностью.

Долгое время ведущей геополитической идеей России являлась идея расширения границ. Наличие громадных пространств позволяло русским перемещаться на всё новые и новые территории (когда ресурс старых истощался), не заботясь при этом о состоянии прежних. Подобное отношение к своей среде обитания сформировало у них так называемый *менталитет экстенсивности*. (Европейцы, существовавшие в стеснённых условиях, вынуждены были активно приспосабливаться друг к другу, в результате у них сформировался *менталитет интенсивности*).

По большому счёту именно ментальность является той базой, что определяет дальнейший ход истории каждого конкретного народа. Ментальность – это не тип когнитивного мышления (правополушарное или левополушарное), а это психический склад (душевно-духовный строй) народа, этноса, нации. Он включает в себя темперамент, эмоциональный настрой, ценностные ориентиры и вообще бессознательные элементы. В этом смысле, «душа народа» – не просто какое-то спекулятивное понятие. Это ядро его ментальности, выражающее особое поле его духовной идентичности. Соответственно, основу мироосмысления составляют глубинные, неосознаваемые пласты человеческой психики, именно они определяют бытие и сознание любого общественного организма. «Менталитет не является в полной мере результатом исторически кратковременной целенаправленной деятельности идеологов и мыслителей, его характеризует неосознанность или неполная осознанность, которая формируется длительное время. Отсюда вытекает и следующая характеристика менталитета – его устойчивость, которая порождена тем, что, являясь реальностью большой длительности, он остаётся неизменным по отношению к различным социальным образованиям и структурам общественного сознания, в силу чего определяется единство алгоритмов поведения на протяжении многих поколений» [1, с. 386]. Принципиальным же в нашем случае является то, что переход общества от традиционализма к состоянию «модернити» отнюдь не ведёт к уничтожению ахаичных пластов коллективного бессознательного («архетипов» по К.-Г. Юнгу), а наоборот, во многом определяет особенности подобного перехода. И эти же пласты активно участвуют и в формировании в народе ощущения особой национальной целостности – культурной идентичности. При этом исходной точкой национального самосознания является пробуждение в нём осознания себя и своей культуры как соравной другим народам и культурам, ощущение своей причастности к развитию всего

человечества. Но повторим ещё раз, что за поверхностью, где действуют экономические, исторические, политические и социальные данности, скрываются именно глубинно-психологические неосознаваемые факторы.

Специфическая народная (русская) культура существует тысячелетия и восходит ещё к неолитической революции, когда формировалась крестьянская земледельческая община. Наиважнейшим фактором, повлиявшим на становление характера русских, стал природно-географический фактор. Именно он способствовал превращению жителя Русской (Восточно-Европейской) равнины в коллективиста, а не в индивидуалиста (неблагоприятные условия среды, сложность освоения пространства требовали коллективных действий).

Природно-географический фактор оказывал на русскую ментальность двоякое действие: с одной стороны, он формировал ментальность экстенсивного типа – деструктивный компонент архетипа; с другой стороны, предлагал жить в соответствии с требованиями природы, когда целесообразность, красота и гармония превращались в основной конструкт русского национального характера. Именно конструктивно-позитивная компонента архетипа, возникшая задолго до принятия на Руси христианства, стала выразительницей высоких нравственных норм поведения русского человека. Это любовь к чистоте, целомудрие в семейных отношениях, строгая мера питания, дружное участие в коллективном труде, установка на личную храбрость в бою, трепетное отношению к дружбе и товариществу.

Можно сказать, что духовно-нравственные качества русских так или иначе отражали мощь, ширь и богатство окружавшего их природного мира. Они чувствовали себя комфортно только в «мягких», «округлых» формах лесного ландшафта, соединённого с водной гладью рек, озёр и ручьёв. Луга, опушки, перелески не позволяли пейзажу становиться унылым и монотонным. Это сформировало у русских людей «особый модус пластичности, проявившийся в < их > повышенной способности к символизации на личностном уровне ...» [3, с. 125].

Позитивную компоненту архетипа русских можно было бы представить (с позиций культурологии) в виде символического образа человека «иоанновского» типа, для которого характерно чуткое разделение добра и зла, стремление к абсолютному добру и взгляд на все ценности мира как на относительные. Он готов действовать только во имя чего-то высокого, и если усомнится в идеале, то быстро доходит до равнодушия и саморазрушения.

Его влечёт желание примирения всего со всем, потребность всё соединить и освятить одновременно («соборность»). Его сильная сторона – не рассудочность, а чувство, или, точнее, интуитивное знание того, что в основе мира лежит любовь, милосердие, сострадание и

дружественность. И это чувство-знание он несёт в себе как истину-правду, которую никогда не стремится доказывать, потому что она для него первична, основополагающа, базово-монументальна; потому что она для него не какая-то интеллектуальная игра ума, а «естина», т. е. то, что *есть* на самом деле, онтологически первично, независимо от того, что думают об этом окружающие.

Именно благодаря наличию в корневой структуре ментальности русского человека этого позитивного компонента он способен внушать к себе необыкновенную любовь. В то же время он способен внушать к себе и безотчётную неприязнь и даже отвращение. По наблюдениям иностранцев: «у русских в одном теле живут две души» [4, с. 88]. Проблема заключается в том, что в глубинах его архетипа существует не только конструктивная, но и деструктивная компонента.

Отрицательную сторону ментальности русских можно объяснить двумя причинами: экстенсивным характером освоения пространства и их общим (стадиальным) цивилизационным отставанием от европейцев.

Сущностью менталитета экстенсивности является упорное нежелание субъекта уважительно относиться к своей среде обитания (в качестве таковой выступает в том числе и социум). А отказ адаптивного процесса влечёт за собой стремление к насильственному воздействию на среду, к попыткам покорить её своей, часто самодурной и невежественной воле. Отдаваясь этим программам, русский человек готов отказаться от всех своих прав, лишь бы иметь сомнительную возможность время от времени обладать исключительными правами в той части общественной жизни, которая на данный момент ему доступна и которая при этом не подчинена никакому контролю («я – хозяин, ты – дурак, ты хозяин – я дурак»). Вот откуда происходит российский выбор деспотической власти в российской истории: кто любит властвовать, то любит и рабствовать.

Деспотическое по своей природе общество в каждой точке своей структуры готово реализовывать лишь одну форму общественного взаимодействия – «господин – раб». Знатный боярин (барин) властвует над многим числом душ, бедный же крестьянин – только над своей женой, а то и вовсе – над худой лошадёвкой. Но суть указанных отношений от перехода с объекта на объект властвования при этом не меняется: рабы одновременно делаются господами, а господа – рабами.

Всё это сделало неизбежным существование ещё одного, весьма неблагоприятного момента в ментальности русских: жить не по закону, а по «понятию». Для русского человека «закон не писан», а это значит, что строгое следование ему не воспринимается им как необходимое и обязательное условие правильного жизнеустройства («закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло»).

Кроме того, экстенсивная ментальность породила у них ещё и своеобразное отношение к труду. Здесь уважается тот, кто, не ударив пальцем о палец, получает максимум возможных предпочтений. Принуждаемые обстоятельствами к трудовой деятельности, русские имеют короткий горизонт планирования: они ориентируются не на достижение общего результата, а на *формальное* выполнение только своего участка работы. Отсюда проистекает рассогласованность их действий и бездарная трата ресурсов.

К тому же ментальность экстенсивности сформировала у русских неуважительное отношение как к своей, так и к чужой собственности. А залезть в государственный карман вообще не воспринимается большинством как преступление.

Сюда же следует отнести и резкое разделение между богатством и бедностью: всякий, кто получает возможность обогатиться, делает это всеми доступными способами, что называется «без зазрения совести».

Специфика традиционалистского архаичного мышления, проистекающая из стадияльного цивилизационного отставания, также имеет ряд отличительных особенностей. Во-первых, она ориентируется на «тишину», «покой» и «неизменность»; во-вторых – на отказ от самокритики (тщеславное самовосхваление). Критика, если и осуществляется, то направлена в основном против инноваций. Сами новации наталкиваются на массовое стремление «не слезать с печи», на отказ поддерживать реформы и власть, их осуществляющую.

Архаичной является также и иррациональная вера русских в то, что где-то «в центре», в средоточии власти кто-то думает лучше; что у русского человека есть некая «доля», «судьба». Отсюда проистекает нередкое глубинное недоброжелательство к тем, кто отваживается идти против «течения» («им что – больше всех надо?») [5, с. 108–109].

Логика деструктивного архетипа наглядно проявляется в абсолютном противостоянии добра и зла, правды и кривды. Архаичное сознание тяготеет к примитивным решениям социальных задач на путях ненависти к «врагам», когда все проблемы объявляются «кознями злых сил» («теория заговора»).

Бездарная трата ресурсов, в целом характерная для ментальности экстенсивности, на фоне стадияльного цивилизационного отставания трансформируется в тотальную «человекозатратность», которая в историческом масштабе проявляла себя и в ходе реализации глобальных модернистских проектов –

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские ...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Н. А. Некрасов. Железная дорога

и на войне в ходе ведения боевых действий –

«Булат Окуджава пел:

Нам нужна одна победа

Одна на всех,

мы за ценой не постоим ...–

в этом была великая правда той нашей поры... Сейчас упрекают Окуджаву за эти строчки; но те, кто воевал, те пели и допевают эту песню с гордостью. В том-то и *ужас был*, что мы, солдаты, которыми жертвовали, которых бросали в бой не считая, мы принимали эту арифметику как неизбежную» (Д. Гранин) [6, с. 72].

И ещё один, очень важный элемент деструктивного архаического сознания привлекает внимание: это *стремление к поголовному материальному равенству*. В качестве иллюстрации такого общинного понимания социальной справедливости в русском крестьянстве (хранителе русской ментальности) приведём отрывок из прозы Н. Златовратского.

«– У вас много ведь неудобий, болотистой земли около деревни сверх усадеб?

– Есть-таки.

– Может из вас кто хочет обработать эту землю, под огород, например?

– Может, отчего ж, не стесняем ...

– А потом он уж всё время этим огородом и будет пользоваться?

– За что так? Надо по справедливости.

– Да ведь он всё обработал, расчистил.

– За труды он и пользуется. Три года ему даём. Зачем обижать?

– А потом?

– А потом уж будем сообща пользоваться, потому – земля общая.

Так уж по равнению» [7, с. 449–450].

Архаичные *деструктивные* слои сознания – это тот фактор, значимость которого резко повышается в кризисной ситуации, потому что в этот момент начинают работать культурные программы, сложившиеся в более простых исторических условиях догосударственной жизни. В любом случае наблюдаемая архаизация всегда выступает в форме общественного регресса [8, с. 32]. Он заключается, помимо всего прочего, также и в активном *подавлении* позитивной программы, которая «мешает» действию деструктивной в силу своей большей сложности энергозатратности и общей противоположности её основным принципам.

В самом общем виде люди в кризисной ситуации отвечают на вызовы истории не на языке диалога, а на языке насилия. Это общий принцип: бунты, восстания, отказ подчиняться властям, бегство от государства, отказ выполнять его требования и т. п. Новое время, связанное с переходом общественного организма от традиционного состояния к состоянию «модернити», внесло свои коррективы в дан-

ный процесс. Переход к реализации деструктивной архаичной компоненты оказался жёстко привязан к потребности народа в осознании и утверждении собственной идентичности, понимаемой как восприятие своей уникальности на фоне других народов. Неслучайно, по меткому наблюдению Д. Гранина: «главный страх человека, а тем более народа – страх ничтожности ...» [6, с. 312].

Это можно описать следующим образом: всё, что имеет отношение к сфере национальных первосмыслов, объединяющих национальное «Я» в единое целое, дающее ему цель и смысл существования, располагается в сфере коллективного бессознательного народа, и в ситуации всплеска архаичной деструктивной программы представление о национальной идентичности («национальная идея») и непродуктивно-архаичное оказываются слиты в подсознании субъекта в одно неразрывное целое. Разделить эти компоненты практически невозможно. Борясь за национальную идентичность, за своё «лицо», народ, сам того не понимая и не подозревая, будет погружаться в стихию варварства.

Варварство в современном его понимании отличается грубым насилием государства над своими гражданами, общественной ложью, антидемократическим содержанием механизмов управления обществом, тоталитаризмом властных структур. «Особая опасность "цивилизованного варварства" в том, что оно лицемерно и подчас очень ловко рядится под цивилизованность, использует цивилизационную терминологию, прикрывается формами права, демократии, свободы» [9, с. 48–50]. Как явление оно возникает лишь на определённом этапе цивилизационного развития человечества, когда в непосредственное соприкосновение приходят две системы ценностей: общечеловеческие и базовые традиционные. Интеллектуальное оформление происходящего закрепляется в *идеологии*.

Почему же именно в процессе перехода общества к «модернити» происходит его варваризация?

Модернизация всегда связана с демократическими преобразованиями. Однако демократия в подлинном её значении немислима там, где отсутствует плюрализм в общественной жизни (общество должно состоять из *свободных* индивидов). Опыт же демократизации в Новой и Новейшей истории представлен исключительно в форме *вестернизации* (высвобождении субъекта из оков традиционализма – коллективного бессознательного – посредством его принципиального отказа от традиционных ценностей). Отсюда широко распространённое мнение, что плюралистически устроенное общество предполагает и наличие плюралистически понимаемых культурных ценностей, и как итог – релятивизм вообще всех существующих ценностей, вплоть до полного отказа от них.

В таком контексте для любого «догоняющего» социума процесс демократизации (а в современном мире – глобализации) всегда будет ассоциироваться с процессом культурного выравнивания, что неизбежно должно будет приводить его к обезличиванию. Именно по этой причине «догоняющие» цивилизации столь неоднозначно относятся к идее демократизации своей внутренней жизни. Страх потерять национально-культурное своеобразие на фоне исторически обусловленной необходимости ориентироваться на общечеловеческие ценности, заставляет их упорно сопротивляться любым попыткам привить им прогрессивные социальные формы не только извне, но и от своих национальных элит. Иными словами, цели и ценности исторической модернизации в указанных социумах отрицаются во имя сохранения ценностей национальной идентичности. Кроме того, демократизация жизни способна нарушить стабильность в обществе, что также воспринимается им как потеря целостности, т. е. в определённом смысле потеря им своего «Я».

Что же Россия?

В России вопрос о защите национальной идентичности в конце XIX – начале XX в. вылился в процесс тотального противостояния всех слоёв общества царской власти – инициатору и организатору либерально-демократических преобразований в стране. Социальное и политическое противоборство в данном случае являлось лишь внешним выражением глубинного нежелания русских людей участвовать в размывании устоев традиционного общества или, точнее, в размывании собственной национальной уникальности, сутью которой являлся *коллективизм*. Последний же понимался исключительно в русле деструктивной программы с её «арифметически» понимаемым принципом материального равенства.

Крестьяне (а это более 80 % населения дореволюционной России) были не в силах переносить трудности перехода от общинного землевладения к рынку. В своей массе народ предпочитал стабильность, гарантированность социального статуса неопределённости и зыбкости, возникавшим там, где начинали господствовать индивидуализм и частная собственность. Масса протестовала против рынка, интуитивно воспринимая его как угрозу своей национальной уникальности. И если поначалу представления о равном (справедливом) распределении материальных благ соотносились *только* с русским миром («народничеством»), то впоследствии данный принцип обрёл всемирный масштаб («мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем!»). На самом деле, коммунистическая идея – глобальная и мессианская по своей форме, отвечала архаичным представлениям большинства населения России о «правильном» мироустроении и поэтому в целом была им поддержана.

Можно утверждать, что итогом противостояния власти и общества в России стал целый ряд революций 1905 г., Февральская и Октябрьская 1917 г., которые явились взрывной реакцией общества на те перспективы, которые оно интуитивно не принимало. В результате страна погрузилась в состояние *варваризации*. Это объясняет, почему советская система оказалась «куда архаичнее того, что ей непосредственно предшествовало» [10, с. 362]: в СССР всё, что так или иначе могло способствовать становлению хозяйственной самостоятельности личности и её гражданской ответственности, большинством населения активно отвергалось (прежде всего в форме борьбы с частной собственностью, а также подавлением любых политических и гражданских свобод). Такая позиция большинства являлась ответной реакцией на предыдущую эпоху реформ. Это подтверждают и известные политологи и эксперты: «революции и другие радикальные социальные реформы, вопреки марксистской логике, являются реакцией не на отсутствие изменений (всевозможные «застои»), а неудачные реформы более раннего периода» [11, с. 38].

При этом состояние варваризации, в котором оказалось общество, отнюдь не означало, что оно потеряло способность проводить свою культурную или технологическую модернизацию. Данные процессы шли достаточно активно. Единственное, что отличало подобную модернизацию от модернизации «цивилизованной», это то, что она осуществлялась *варварскими методами*. Советский Союз в короткие сроки преодолел неграмотность населения и осуществил индустриализацию страны. Были организованы социальные лифты для бывших неимущих классов и налажено всеобщее медицинское обслуживание. Была построена первая в мире АЭС, отправлен на орбиту первый космонавт, одержана победа над фашистской Германией и создана самая сильная армия в мире. Однако всё это было проведено в жизнь исключительно с помощью всенародного ГУЛАГа (в прямом и в переносном смысле).

Всё это объясняет и то, почему начались гонения на Церковь. Последняя олицетворяла собой в некоем обобщённом виде позитивную архаичную компоненту: соборность (умный коллективизм), гуманизм, милосердие, любовь и т. п. Подавление конструктивной компоненты деструктивной – характерный момент процесса варваризации. В СССР советский социум был враждебен пространственно-временному континууму народного бытия. Он занимал откровенно агрессивную позицию как в отношении веры, так и в отношении традиционных способов организации народной жизни. С этой позиции и уничтожение крестьянства являлось «законным» методом осуществления цивилизованного варварства в условиях российской действительности.

После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. власть в стране становится более либеральной. Доклад «О культе личности и его послед-

ствиях», прочитанный Н.С. Хрущёвым на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г., положил начало критике «культы личности Сталина», исправлению наиболее одиозных проявлений сталинского режима. Именно в эти годы деструктивному архетипу русских был нанесён первый удар.

С другой стороны, ни один «догоняющий» социум не может сразу отказаться от своего архетипа, потому что такой отказ ощущается им как «потеря лица», или «крушение смысла». Характерной чертой этого этапа становится стремление общества перенести ответственность за творившиеся преступления на верхушку власти: в СССР вся вина за них была возложена на Сталина.

Не решаясь полностью отказаться от прошлого, общество всегда пытается как-то его смягчить в СССР, например, превратить в «социализм с человеческим лицом». В этом смысле и время «оттепели», и время «застоя», и время «перестройки» – всё это лишь способ сохранить более мягкий вариант варваризации.

Освободиться от власти деструктивной архаичной программы посредством её обычного *осознания* фактически невозможно. Единственный способ её преодолеть – разочароваться в ней. Но без полного погружения в такую программу данный акт невозможен. В этом смысле варваризация – объективный, закономерный процесс, связанный с переходом традиционного общества на новую ступень цивилизационного развития.

Окончательное разочарование в деструктивной архаичной компоненте и полный отказ от неё связан с событиями августа 1991 г., когда произошло отстранение от власти КПСС и возвращение к принципам демократического строительства российской государственности. При этом такой отказ сопровождался для большинства россиян ощущением потери «национальной идеи» (национальной идентичности), рефлексией над тем, что до этого казалось *святым*. (Последнее, заметим, представляет собой процесс преодоления обществом границ своего коллективного бессознательного, то есть начало индивидуализации его членов.) Но если в Европе XIV–XVII вв. рефлексии и деабузации подвергались святыни, рождённые христианским религиозным вероучением [12, с. 4], то в России роль таких святынь до самого последнего времени выполняли патриотические чувства народа (способ религиозного самовыражения его коллективной личности в «безрелигиозном» XX в.). Соответственно рефлексии в данном случае подвергся подвиг народа в Великой Отечественной войне и Великая Победа. С другой стороны, посредством подобной рефлексии в российском обществе начали набирать силу процессы перехода от «правополушарных» к «левополушарным» способам работы с информацией. В плане наиболее ценных теперь стали выступать такие личностные качества, как динамичность, самостоятельность, креативность, уход от устоявшихся представлений и догм.

Опираясь на данные социологических исследований, положительно к понятию «индивидуум» в 2010 г. относилось уже более 60 % россиян, что свидетельствует о том, что «Рубикон» в переходе от коллективистского к индивидуалистическому типу культуры пройден [13, с. 123]. Более поздние исследования также свидетельствуют, что «в современном обществе сильны тенденции к индивидуализации» [14, с. 315]. При этом исследование 2014 г. выявило новый тренд в общественных умонастроениях россиян: «при всей поддержке власти и стабильности в стране доля сторонников наведения порядка методом "закручивания гаек" пошла на убыль. И, вместе с тем, выросла доля приверженцев демократических ценностей, по крайней мере тех, кто считает, что политические свободы и демократия – это то, от чего нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах» [15, с. 40].

Важнейшей составляющей архаичной деструктивной компоненты, во многом определившей погружение российского общества в состояние варваризации, стала идея *справедливости*, понимаемая как реализация *всеобщего материального равенства*. Сегодня идея социальной справедливости по-прежнему выступает в качестве главенствующей, но теперь вопрос стоит не о сугубо материальном равенстве, а о равенстве, понимаемом в широком смысле: «В исследованиях 2014 г. 63,2 % россиян связывают будущее страны с соблюдением государством справедливости, *равных прав для всех*. Это желание превышает все другие, даже такие важные, как "обеспечение стабильности в обществе, без войн и революций" (55 %) и возвращение России статуса великой державы (47,2 %). Представление о справедливости как первостепенной задаче государства фиксируют и другие исследователи (Ин-т социологии РАН, ИСПИ РАН, Левада-Центр, ВЦИОМ)» [14, с. 36].

То, что идея всеобщего материального равенства находит всё меньше отклика в сердцах россиян, отражают и выборы Президента Российской Федерации в 2018 г.: представитель КПРФ набрал лишь 11,77 % голосов, тогда как действующий президент, отстаивающий идею равных прав для всех, – 76,69 %. «По мнению ряда отечественных учёных, специфика политической установки большинства россиян заключается в таком социальном устройстве, при котором в равной мере обеспечивается свобода и порядок. Подобная ориентация свидетельствует не о стремлении к авторитарному режиму, а, скорее, предполагает желание порядка в обществе, социальную, экономическую и физическую защищённость, равенство граждан перед законом, социальную справедливость» [14, с. 77–78]. Всё это ещё раз указывает на то, что деструктивная архаичная компонента постепенно смещается на периферию общественного сознания.

Но если процесс преодоления стадийного цивилизационного отставания налицо, то с проблемой преодоления ментальности экстен-

сивного типа всё по-прежнему обстоит непросто. Особое внимание здесь принадлежит проблеме радикального противостояния бедности и богатства. Вопрос заключается даже не в том, что высокопоставленные чиновники и представители бизнеса готовы беззастенчиво наживаться на рядовых членах общества, а в том, что любой, кто получает возможность подняться на их уровень, готов делать в отношении своих соотечественников то же самое. Отказ от социальной ответственности – проблема не только богатых, но и бедных. Корни этого явления лежат в ментальности экстенсивности. Тем не менее ускорение и на этом пути возможно. Известно, что все значительные культурные и политические достижения России возникали тогда, когда внешние неодолимые препятствия вынуждали её население временно останавливать свою экспансию (территориальную или ресурсную) и сплотиться для решения насущных задач. В этом смысле внешние условия, например, экономические санкции, могли бы послужить катализатором наметившихся сдвигов. В то же время указанный процесс не может быть быстрым. Темпы движения данной социокультурной трансформации определяются сменой поколений людей и потому измеряются не годами, а десятилетиями. Однако как это будет на самом деле, покажет время.

Самый сложный этап в развитии общества – это проблема формирования своего отношения к ценностям. В западноевропейском социуме рефлексия ценностей свелась к их полному отрицанию (секуляризация сознания) [16; 17]. Но для прочих «догоняющих» цивилизаций этот вопрос – вопрос будущего выбора пути – пока остаётся открытым. Для всех, кроме, возможно, России. События последнего времени (война на Донбассе, воссоединение Крыма, активное участие в акции «Бессмертный полк») не только сплотили россиян, но и утвердили их в понимании правомочности того, что ими признавалось в качестве *святыни*. Это указывает на то, что процесс сомнений в своей исторической состоятельности для русских имеет тенденцию разрешиться в сторону *положительной рефлексии о ценностях*. Россия выходит на прямую дорогу к состоянию «модернити». Конструктивная компонента архетипа наконец-то начинает выдвигаться вперёд. На это же указывает и процесс возрождения церковной жизни, а также интерес к традиционным – позитивным – национальным ценностям.

Начиная с 2014 г. (на фоне событий на Украине и развернувшейся в Европе и США русофобии) россияне стали иначе, чем прежде, относиться к своей истории и всё больше ценить собственный исторический опыт. Сегодня в своём большинстве (это отмечают социологи) они всё чаще приходят к убеждению, что Запад не имеет никакого морального права им что-либо диктовать или учить. Появилось представление о самоценности национального достоинства, возможно, это – начало формирования новой *национальной идеи*. Последняя в созна-

нии большинства сегодня всё больше связывается с идеями патриотизма. Примечательно, что «несмотря на оголтелую критику патриотизма в сознании и поведении в 1990-е годы (тогда либеральной пропагандой внедрялся лозунг "патриотизм – последнее прибежище для негодяев"), в массовом сознании не произошло отказа от признания себя патриотами, хотя горечь и критика происходящих изменений и несогласия и их отвержения были значительны» [14, с. 42]. В последние годы можно видеть значительный всплеск ориентаций на идеи патриотизма и национальной самобытности, который «в значительной степени объясняется тем, что люди под влиянием разных катаклизмов и угроз стали в большей мере ценить уникальность своего исторического развития, свои особенные интересы, свою культуру, не желая уподобляться некой аморфной массе с космополитическими убеждениями» [14, с. 40]. По результатам выборов Президента Российской Федерации 2018 г.: за представителей либеральной платформы проголосовало менее 3 % избирателей (2,73 %), тогда как за кандидатов, ратующих за реализацию патриотических, национальных интересов – около 83 % (82,97 %).

Опыт России вызывает в мире всё больший интерес. Несмотря на развернувшуюся по отношению к ней русофобскую кампанию, очень многие именно с Россией связывают свои надежды на новое, *справедливое* мироустройство. В этом смысле цивилизационная привлекательность России в глазах большинства стран, и особенно стран с традиционным укладом общественной жизни, имеет тенденцию постепенно возрастать, ибо Россия своим примером показывает, что и возможно осуществить историческую модернизацию без нарушения своей культурной идентичности. А это, в свою очередь, уже даёт реальную надежду на возникновение на Земле цивилизации *нового типа*, в которой будут синтезированы не только достижения современной техногенной цивилизации, но и некоторые идеи традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание [18, с. 24]. Сумеет ли Россия справиться с возложенной на неё задачей, покажет время, но процесс уже запущен и обратного пути нет.

Список литературы

1. Национальная идея России. Т. 1. – М.: Научный эксперт, 2012. – 752 с.
2. Кессиди Ф.Х. О парадоксе России // *Вопр. философии*. – 2000. – № 6.
3. Шемякина О.Д. О принципах описания границ традиционной культуры в модерн-эпоху // *Цивилизация*. – 2014. – № 9.
4. Немцы о русских: сб. / сост. В. Дробышев. – М.: Столица, 1995. – 192 с.
5. Никольский С.А., Филимонов В.П. Мирозерцание русского земледельца в отечественной философии и литературе второй половины XIX – начала XX в. (Философско-литературоведческий анализ) // *Вопр. философии*. – 2005. – № 5.
6. Гранин Д. Человек не отсюда. – СПб.: Лениздат; Команда А, 2014. – 320 с.
7. Цит. по: История русского романа. – Т. 2. – М.; Л., 1964. – 1196 с.

8. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Ярова Е.Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // *Вопр. философии.* – 2001. – № 12.
9. Мотрошилова Н.В. Варварство как обратная сторона цивилизации // *Вопр. философии.* – 2006. – № 2.
10. Булдаков В.П. Красная смута. – М.: РОСПЭН, 1997. – 376 с.
11. Ушаков Д.В., Юревич А.В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества: 1981–2011 гг. // *Вопр. психологии: науч. журн.* – 2012. – № 3 (май – июнь).
12. Минникова Т.Н. Рефлексия как фактор исторического процесса // *Клио: журн. для учёных.* – 2014. – № 7.
13. Мареева С.В. Динамика норм и ценностей россиян // *Социол. исслед.* – 2013. – № 7.
14. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980 – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЦСП и М, 2016. – 367 с.
15. Горшков М.К. Средний класс как отражение экономической и социальной модели современного развития России // *Социол. исслед.* – 2015. – № 1.
16. Якимович А.К. Искусство непослушания. О художественном процессе Нового времени // *Вопр. философии.* – 2006. – № 5.
17. Андреева Л.А., Андреева Л.К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // *Социол. исслед.* – 2015. – № 3.
18. Стёпин. В.С. Философия и эпоха цивилизационных перемен // *Вопр. философии.* – 2006. – № 2.

References

1. *Nacionalnaya ideya Rossii* [The national idea of Russia]. T. 1. Moscow: *Nauchnyj*, 2012. – 752 p.
2. *Kessidi. F.H. O paradokse Rossii* [Russian paradox] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2000. – № 6.
3. *Shemyakina O.D. O principah opisaniya granic tradicionnoj kultury v modern-ehpohu.* [On the principles of describing the boundaries of traditional culture in the modern-era] // *Civilizaciya* [Civilization]. – 2014. – № 9.
4. *Nemcy o russkih: sbornik* [Germans about Russian: compilatio] / sost.V. *Drobyshev* [compiler V. Drobyshev]. – Moscow: Capital, 1995. – 192 p.
5. *Nikolskij S.A., Filimonov V.P. Mirosozercanie russkogo zemledelca v otechestvennoj filosofii I literature vtoroj poloviny XIX-nachala-XIX veka (filosofsko-literaturovedcheskij analiz)* [The world outlook of the Russian farmer in the national philosophy and literature of the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. (Philosophical and literary analysis)] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2005. – № 5.
6. *Granin. D. Chelovek ne otsyuda.* [Man is not from here]. – St. Petersburg: *izdatelskaya gruppya «Lenizdat», «Komanda A»* [publishing group "Lenizdat", "Team A"]. – 2014. – 320 p.
7. *Cit. po: Istorija russkogo romana* [Quoted by: The History of the Russian Novel]. – T. 2. – Moscow; Leningrad, 1964. – 1196 p.
8. *Ahiezer.A.S., Davydov A.P., Hurovskij. M.A. Yakovenko. I.G., Yarova. E.N. Bolshhevizm-sociokulturnyj fenomen (opyt-issledovaniya)* [Bolshevism is a sociocultural phenomenon (research experience)] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2001. – № 12.
9. *Motroshilova N.V. Varvarstvo kak oborotnaya storona civilizacii* [Barbarism as the downside of civilization] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2006. – № 2.

10. *Buldakov V.P. Krasnaya smuta*. [Red distemper]. – Moscow: ROСПEN, 1997. – 376 p.
11. *Ushakov D.V. Yurevich. A.V. Ehkspertnaya ocenka dinamiki psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva 1981–2011gg.* [Expert assessment of the dynamics of the psychological state of Russian society: 1981–2011 years] // *Voprosy psihologii. Nauchnyj zhurnal*. [Questions of psychology. Science Magazine]. – 2012. – № 3 *maj-iyun* [May-June].
12. *Minnikova T.N. Refleksiya kak faktor istoricheskogo protsessa*. [Reflection as a factor in the historical process] // *Klio. Zhurnal dlya uchyonyh* [Clea. Journal for scientists]. – 2014. – №7.
13. *Mareeva S. V. Dinamika norm i cennostej rossiyan* [Dynamics of norms and values of Russians] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. – 2013. – № 7.
14. *Zhiznennyj mir rossiyan: 25 let spustya (konec 1980-seredina 2010-h-gg)*. [The life of Russians in the world: 25 years later (late 1980s – mid 2010s)] / *pod redakciej Zh. T. Toshchenko*. [Edited by J. T. Toschenko]. – Moscow: CSP i M, 2016. – 367 p.
15. *Gorshkov M.K. Srednij klass kak otrazhtnie eronomicheskoy i socialnoy modeli sovremennogo razvitiya Rossii* [The middle class as a reflection of the economic and social model of the modern development of Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2015. – № 1.
16. *Yakimovich A.K. Iskusstvo neposlushaniya. O hudozhestvennom processe novogo vremeni* [On the artistic process of the New time] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2006. – № 5.
17. *Andreeva L.A. Andreeva L.K. Sekulyarnyj ili postsekulyarnyj mir. Verifikaciya koncepcij* [Secular or postsecular world? Concept verification] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2015. – № 3.
18. *Styopin. V.S. Filosofiya i epoha civilizacionnyh peremen* [Philosophy and the era of civilizational change] // *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. – 2006. – № 2.

Статья поступила в редакцию 29.11.2018 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 94(460+422.1/.5)"815"

ГРНТИ 03.61: Этнография и историческая антропология

С.Н. Алнаддаф

Посольство Яхья бен аль-Хакима аль-Газала в Нормандию в 845 г.

Статья посвящена посольству Яхья аль-Газала (770–864) из Испании (Андалусии) в Нормандию по распоряжению андалусского повелителя Абдуррахмана Аль-Аусата (792–852) и обстоятельствам этого посредничества. Выявлены противоречия, встречающиеся в некоторых арабских источниках о направлении путешествия и странах, где побывал аль-Газал во время этой поездки. Изучены записи Аль-Газала об увиденном и замеченном, его опыте и впечатлениях, полученных во время путешествия, особенно те их части, в которых отразились различия между двумя культурами – культурой аль-Газала, араба-мусульманина, с одной стороны, и культурой норманнов-язычников, с другой. Первоначальный опыт аль-Газала был получен на основе авторитетных арабо-мусульманских источников, которым он всецело доверял как единственно верным, и опирался только на них. Эти заметки оставил один из арабских послов, посетивших Европу. В них представлен образ европейца и Европы в видении арабов-мусульман в Средние века.

Ключевые слова: Посольство Яхья аль-Хакима аль-Газала, Нормандия, арабо-мусульманская культура, остров Готланд, культурные различия, норманнский поход в Испанию (Андалусию), поэтические диваны аль-Газала, огнепоклонники.

S.N. Alnaddaf

Embassy of Yahya Bin Al-Hakim Al-Ghazal to Normandy in 845

The article is devoted to the embassy of Yahya Al-Ghazal (770–864) from Spain (Andalusia) to Normandy at the direction of Andalusian sovereign Abdurrahman Al-Ausat (792–852) and the circumstances of this mediation. Contradictions, found in some Arab sources about the direction of travel and the countries Al-Ghazal visited during this trip are revealed. Al-Ghazal's records of what he saw and noticed, his experiences and impressions gained during the journey, especially those parts that reflect the differences between the two cultures – the culture of Al-Ghazal, a Muslim Arab, on the one hand, and the Norman-pagan culture, on the other, are studied. The initial experience of Al-Ghazal was obtained on the basis of reputable Arab-Muslim sources, which he fully trusted as the only true and relied solely on them. These notes are the main text of one of the Arab ambassadors who visited Europe. They represent the image of Europeans and Europe in the vision of Muslim Arabs in the Middle Ages.

Key words: Embassy of Yahya Al-Hakim Al-Ghazal, Normandy, Arab-Muslim culture, Gotland Island, cultural differences, Norman campaign to Spain (Andalusia), Al-Ghazal's poetic divan, fire worshipers.

В Средние века арабские путешествия в Европу были совершены не только с восточных земель, находившихся под управлением Аббасидского халифата. Были также и путешественники, которые отправлялись в Европу из Андалусии, которая находилась тогда под управлением Омеядов. Халифы поддерживали и налаживали связи с Византией, которая была главным конкурентом Аббасидов, обменивались послами и посредниками, как в случае с Константинопольским посольством, которое прибыло в Кордову, андалузскую территорию Омеядов, чтобы повлиять на своих врагов из числа франков, особенно в период правления Карла Великого [1, с. 101], так же как и не ограничивались отношения андалузских Омеядов только Константинополем или странами франков. Они расширяли поле своих дипломатических отношений в страны Нормандии на севере Европы с их появлением на европейской политической арене после первых, наводящих ужас нападений на соседние территории. Со временем количество набегов норманнов на другие страны увеличилось. Они дошли вплоть до Парижа и других городов Западной Европы и далее продвигались к Андалусии. Норманны совершили первое нападение на Испанию (Андалусию) в 844 г. Ничего не зная о норманнах, арабы Андалусии были застигнуты врасплох, тотчас же назвали их «огнепоклонниками», так как те были язычниками, не принявшими христианство, разводящими огонь, куда бы ни ступили их ноги [1, с. 168]. Целью «язычников» были Севилья, Кадеш и Кордова, так как эти города считались самыми богатыми. Добравшись до Севильи на своих кораблях с черными парусами по течению реки, они рассредоточились по окраинам города и занялись ограблением. Но к возвращению грабителей из города арабо-андалузцам удалось захватить все норманнские корабли. Дело закончилось обменом пленными, награбленным имуществом и возвратом кораблей. Норманны были вынуждены отказаться от своих первоначальных планов, переводя их в дипломатические контакты: король Торгаус отправил послов-представителей к правителю Андалусии – Абдуррахману Аусату. «Гостей» встретили наилучшим образом, вопреки неоднозначным ожиданиям норманнов, так как решили заручиться их помощью и поддержкой против франков в странах Галлии [1, с. 112].

Правитель Абдуррахман направил представительство для сопровождения посольства норманнов на обратной дороге и осуществления мирного договора. Он назначил Яхья бен аль-Хакима аль-Бакри (770–864), которого называли аль-Газал, автора многих стихов, известного в Андалусии своей мудростью, в качестве посла. Это было уже его второе посольство, в первый раз он был направлен в Константинополь [2,

с. 43]. И.Ю. Крачковский прокомментировал это следующим образом: «Аль-Газал, являясь искусным поэтом, зная огромное количество языков, сыграл дважды роль дипломата» [7, с. 135–136].

Источники не дают четкого представления о месте, куда направлялся аль-Газал. Центром расположения норманнов была Дания, но в то же время их деятельность распространилась на различные регионы, такие как остров Ютланд в Балтийском море и берега Англии, Ирландии, Швеции и Норвегии. Они сумели взять под контроль многие острова и прибрежные территории. Активная деятельность норманнов, обширные подконтрольные им территории и бесконечные походы в течение IX и X вв. создают сложность в определении точного направления, куда отправилось представительство Андалусии. Да и сам аль-Газал в заметках не указал точного ориентира.

Ибн-Дахия упомянул в книге «Аль-мутриб мин аль-аш'ар ахль аль-магриб» («Восхитительные стихи народов Марокко»), что поездка была совершена до Дании, основного пункта расположения норманнов в то время [4, с. 247]. Но аль-Маккари написал в своей книге «Нафх ат-тайб» («Благоухание»), что путешествие было до Западной Ирландии, где норманны контролировали огромные части ирландских прибрежных территорий. Приоритетным считается мнение, что поездка была совершена из Кордовы – столицы Омеядов того периода, до Дании по ряду причин.

1. Аль-Газал описал жителей страны, до которой они добрались, как «огнепоклонников», так как они были язычниками (идолопоклонниками). Это описание соответствует описанию Ибн Дахия Аль-Андалуси: представительство добралось до Дании, где никто из жителей не придерживался христианской религии вплоть до середины X в., когда произошло объединение и христианизация датчан при Харальде Блатенде (Синезубым) в 965 г. н. э. и официальной религией стало католичество. События, произошедшие после поездки аль-Газал примерно через 120 лет, были записаны на рунных камнях в Еллингe. Вместе с тем первые христиане появились в Ирландии еще в V в. В Римской же Британии это произошло при Святом Патрике, а к IX в. здесь уже сложилось общинное или племенное христианство и образовалась кельтская церковь.

2. В стихотворениях аль-Газала приведено упоминание об острове Ютланд и городе Хедеби. Ютланд представляет собой самый большой из островов Дании в наше время, позже он был переименован в Юлланд. С южных границ остров соединяется с Германскими землями, эти границы соединяют Данию с европейским континентом. Что касается города Хедеби, он был уничтожен в 1050 г. из-за пожара, который был спровоцирован западно-славянскими племенами, известными как «вендерны». В 1897 г. археолог Софус Мюллер предложил искать город площадью 24 га, окруженный высокой стеной, который

мог бы находиться рядом с регионом Ольденбург. На самом деле, поиски в этом направлении привели к обнаружению местонахождения города Хедеби, который находится сейчас на юге от Шлезвига.

3. Исходя из более близких временных рамок историка к периоду, о котором он пишет, данным, на которые указывает ибн-Дахия аль-Андалуси (1150–1236) в книге «Восхитительные стихи народов Марокко», уделяется особое внимание. Ибн-Дахия аль-Андалуси не был так далек от века путешествия аль-Газала, которое произошло в 845 г., по сравнению с историком аль-Маккари ат-Талмасани (1578–1631), который написал свою книгу «Благоухание» в начале XVII века н.э.

Европейский исследователь Мишель Т. Клаф, изучая норманнских и также датских королей, события того времени и имена, пришел к выводу, что путешествие пришлось на период правления датского короля Хорика. На это же указывает русский историк и литератор Игнатий Крачковский в своей книге «История арабской географической литературы», переведенной на арабский язык [7, с. 135–136].

Род аль-Газала происходит от древнеарабской семьи, он был известен широтой кругозора и знанием многочисленных иностранных языков, прославлен как великий поэт. Поэтому правитель Абдуррахман выбрал именно его, чтобы отправить к королю норманнов, передать его послание вместе с сопровождением посольства короля норманнов на обратной дороге из Испании (Андалусии). Во время путешествия аль-Газалу было около пятидесяти лет, он был уже седой [3, с. 257].

Аль-Газал покинул Андалусию и поплыл по течению Ламаншского моря, погода ухудшилась. Это был сентябрь, аль-Газал страдал от морской болезни, его одолевал страх [1, с. 114]. Как говорит Ибн-Дахия: «Когда они достигли самого дальнего участка моря, которое граничило с Андалусией на крайнем Западе, с известными своими горами, море начало волноваться, подули сильные ураганные ветра, морские волны достигали такой высоты, что как горы окружали их стеной». Так описывал эти события аль-Газал в своих стихах [4, с. 259].

Пройдя сложное морское путешествие, корабли аль-Газала и норманнов приплыли к маленьким островам на берегу Дании, где они остановились на несколько дней, чтобы починить суда. Затем корабль норманнов последовал вперед, чтобы сообщить королю о прибытии посольства мусульман: «Корабль огнепоклонников должен был последовать вперед к своему королю, чтобы оповестить его о прибытии вместе с ними послов, что и было сделано» [4, с. 140]. Король разрешил делегации прибыть, и они последовали в его королевские обители, которые находились на острове [5, с. 109].

Аль-Газал описал тот остров вместе с его обитателями-огнепоклонниками: «Это великий остров в океане с огромным количеством вод и садов, между ним и большой землей расстояние шириной

в три реки, что составляет примерно три сотни миль. Населяют его несметное количество огнепоклонников» [4, с. 140]. Затем он рассказывает о далеких соседях, до которых идти около 10 дней по суше, они были сначала огнепоклонниками и приняли христианство, не считая небольшое количество тех, кто до сих пор остался язычниками, например жители Ютланда, воюющие с христианскими племенами. Мы отчетливо видим, аль-Газал предпочитает христианство больше, чем язычество, по понятиям ислама они являются «людьми писания», и не позволяют себе «харам» (запретного), как это делают язычники. Это явно проявлено в описании острова, его обитателей, их соседей и тех, кто приближен к христианской религии. «Территории суши, которые им принадлежат, в нескольких днях пути, бывших язычников, сегодня они стали христианами, оставив поклонение огню... кроме жителей островов посреди моря, они все еще придерживаются их первой религии огнепоклонничества». Аль-Газал информирует в начале, как и все арабы-мусульмане, что религия огнепоклонников слабо моральна и они нуждаются в запретах, к которым привык аль-Газал в его культуре: «Они придерживаются своей первой религии огнепоклонничества, могут жениться на матерях или сестрах, и делают другие ужасные вещи» [4, с. 141].

Аль-Газал приводит два опасных момента: первый из них связан с темой приверженности обязанностям государства и нации, которую он представляет, второй – вере, которая не позволяет ему поклоняться никому, кроме Аллаха. Он заявил с самого начала, что король не должен просить его о чем-либо, что могло бы противоречить арабомусульманским традициям или учениям религии. Поэтому аль-Газал попросил, чтобы они «не кланялись королю и не делали того, что будет выводить их из сунны, удовлетворяя тем самым свои религиозно-культурные традиции». Но король захотел обхитрить аль-Газала и заставить поклониться другим способом. Он пригласил их со спутником войти через вход «настолько узкий, где пройти возможно лишь на коленях», на что аль-Газал ответил обратной хитростью: «Он сел на пол, протянув ноги вперед, прополз сидя на полу, и пройдя дверь, поднялся на ноги». Король подготовил свои апартаменты, украсив их и развесив оружие: «Это его не испугало и не устрасило никоим образом. Он встал перед ним и сказал: Мир тебе, о король! И всем кто представляет твое собрание! Доброе приветствие тебе! Я по-прежнему восхищаюсь твоей гордостью, достоинством и честью ради этого мира и вечной жизни, связанной с постоянным присутствием рядом с Существующим вечно (Аллахом), ведь всё тленно, кроме Его лика, лишь Он обладатель мудрости и к Нему мы будем возвращены» [4, с. 141].

Аль-Газал стремился проявить свою приверженность представителю мусульманской нации через идею единобожия в исламе, даже перед королем огнепоклонников. Король, услышавший от переводчика

речь аль-Газала, выразил лишь свое восхищение им и тем, что он представляет собой, символизируя арабо-мусульманскую культуру и цивилизацию: «Это один из существующих в наши дни мудрецов и выдающийся человек». Он был удивлен его хитростью сидения на полу и вытягиванием ног вперед к входу и не обратил внимания на то, что его пытались унижить, когда король сказал: «Мы хотели унижить его, а встретились с подошвой его обуви. Если бы он не был посланцем, мы бы не потерпели такого отношения» [4, с. 141].

Аль-Газал предоставил письмо своего повелителя королю. Ознакомившись с его содержанием, предложение было одобрено. Также королю норманнов понравились подарки правителя Андалусии, состоящие из «одежды и посуды» [4, с. 141]. Он повелел выделить послу и его сопровождающим отдельный дом для проживания и улучшить питание.

Аль-Газал повествует о том, как ему удалось доказать свое превосходство во всех областях, споря с учеными-норманнами и «убеждая их, а иногда соперничая с храбрецами и побеждая» [6, с. 245]. Все это, по мнению автора, указывает на превосходство его культуры и ее особое место.

В заметках аль-Газала описываются таинственные и любопытные взаимоотношения с женой короля, основой которых был взаимный интерес, симпатия, а затем и любовь друг к другу. Однако эта взаимосвязь выявила расхождение культурных ценностей: его культуры и культуры огнепоклонничества Северной Европы. Когда жена короля норманнов услышала о некоем аль-Газале и его выдающихся успехах, то она пригласила его к себе познакомиться. Войдя, он поздоровался и высказал огромное количество приятных слов, выражая свою симпатию. Она спросила у него через переводчика, почему он смотрит на нее не отрываясь, по какой-то хорошей причине или наоборот? Он ответил: «Я не представляю, что в мире есть вид лучше этого... Она настолько прекрасна и у него нет более подходящих слов, чем стихи, чтобы описать ее отличительные качества. И если королева одобрит, то я опишу ее красоту, достоинства и ум в стихотворении, которое будет читаться во всех наших странах». Королева была обрадована этой новостью и «приказала его наградить» (т. е. одарить), но он отказался от щедрого подарка. Она снова спросила его через переводчика: «Почему он не принимает ее подарка? Потому что он принижает ее или себя?» Аль-Газал ответил: «Ее подарок более чем прекрасен и для него это огромная честь, так как она королева и дочь короля. Но ему достаточно в качестве подарка любоваться ею и быть интересным собеседником, это для меня лучший подарок». Ее радость и удивление стали еще сильнее, она приказала обращаться к ней «в любое время, когда ему захочется с ней увидеться, не стесняясь. Она будет всегда рада уделить ему внимание, щедрость и великодушие» [4, с. 143].

Тамам бен Алькама писал со слов аль-Газала о королеве: «Она была приятной, этой встречей я добился ее дружественного расположения и получил намного больше, чем мог пожелать» [4, с. 143]. Аль-Газал рассказывал, что жена короля огнепоклонников Нуд была им сильно увлечена. Ни проходило и дня, чтобы она не приглашала его побеседовать о положении мусульман, их странах и событиях, а также о том, какие народы живут по соседству с ними. Однажды она, увидев его седину, спросила о его возрасте. Он ответил ей шутливо: «Мне двадцать лет». Она обратилась к нему через переводчика: «Неужели у двадцатилетнего может быть такая седина?» Он спросил: «Что же смущает в этом королеву? Разве она не видела молодого жеребца пепельного цвета?» Нуд рассмеялась. Ответ ей однозначно понравился [4, с. 144].

Взаимоотношения с Нуд стали еще более крепкими, не было теперь и дня, когда бы он уходил от нее без символического подарка, одежды, еды или чего-то приятного. О них распространились слухи, его соратники выражали свое порицание и предупреждали о превратностях такой любви. После этого он начал воздерживаться от встреч, объяснив это тем, что переживает за результаты их взаимоотношений. Он поведал о различиях моральных принципов у мусульман от принципов норманнов-огнепоклонников, особенно того, что касается взаимоотношений между мужчинами и женщинами, так как здесь женщина освобождается от принятых в мусульманских странах норм, к которым привык аль-Газал [8, с. 43]. Когда он разъяснил ей свои опасения разоблачения взаимоотношений, она «посмеялась», найдя его переживания пустыми, и сказала: «В нашей религии такого нет (т. е. запрет на сексуальные отношения за рамками института семьи), у нас также нет ревности, наши женщины сами выбирают себе мужчин, если они им нравятся и уходят от них, если возненавидят. Обычай огнепоклонников до появления религии римлян (Христианства), не запрещал женщине связь с любым мужчиной, за исключением особых случаев, которые меняли это правило» [4, с. 143]. Выслушав это, аль-Газал возобновил встречи вплоть до вынужденного отъезда в свою страну, спустя два месяца пребывания в Нормандии.

В своих записках аль-Газал сформировал образ нормандского общества таким, каким его представляли мусульмане. Ведь аль-Газал в первую очередь был мусульманином. Автор получил воспитание, основанное на принципах, понятиях, убеждениях и умозаключениях исламской религии. Поэтому морально-этические нормы, сквозь призму которых аль-Газал формировал представление о европейском обществе, содержали религиозно-культурные аспекты его вероубеждения. Это можно наблюдать в беседах и взаимоотношениях, произошедших между ним и королем норманнов Хориком Первым, между ним и женой короля Нуд. Аль-Газал был пропитан исламским духом, поэтому он

всегда сравнивал обычаи, традиции и нормы поведения, на которых воспитывался с детства (и которые были для него единственно верными), с ценностями, традициями и обычаями в стране норманнов, являющихся для него обычаями и поведением неверующих. Собственно это обосновывает его отказ преклониться перед королем норманнов, ведь в исламской культуре делают земной поклон только Всевышнему Аллаху. В другой ситуации аль-Газал высказал королеве опасение, что боится ответной реакции короля и его приближенных, если они почувствуют его симпатию к ней. В то же время это совпало с предупреждением членов его посольства, считавших, что встречи с королевой пора прекратить по тем же причинам. Так как исламская религия, на которую они опирались, исповедывала совсем другие взгляды на положение женщины в обществе, нежели те, которых придерживались норманны в жизни. Женщина, как высказалась сама королева Нуд, свободна выбирать и не зависит от мнения своего супруга. Она может общаться с тем мужчиной, который ей понравится, будучи даже замужем. Мужчина не имеет над ней власти, если она захочет развестись. По мнению аль-Газала эти убеждения неверны, они влекут за собой опасные и необратимые последствия. В его понятии женщина принадлежит только одному мужчине, и ее взаимоотношения с мужчинами, кроме мужа, являются прелюбодеянием – самым большим грехом в исламе, за которое следует наивысшее наказание – смерть. Подобные сравнительные аспекты выявляют очень глубокие разногласия, характерные для культуры Средневековья.

Список литературы

1. Аль-'Адауи Ибрахим Ахмад. Мусульманское посольство в Средние века. – Египет: Сер. «Икра» 179; Изд-во «Дар Аль-Магариф», 1957. – 244 с.
2. Нассар Хусейн. Литература путешествия. Каир: Ливанская б-ка, Междунар. египет. печ. компания, 1991. – 169 с.
3. Ахмад бен Мухаммад Аль-Хадари Ат-Талмасани Аль-Маккари. Благоухание Андалусии. Т. II / под ред. Ихсан Аббас. – Бейрут: Изд-во «Дар Садир», 1988. – 704 с.
4. Ибн-Дахия, Абу аль-Хаттаб Умар бен Хасан. Восхитительные стихи народов Марокко / под ред. Аль-Абьяри Ибрагим Абдельмаджид Хамид. Каир: Тип. «Аль-Амирия», 1954. – 326 с.
5. Андрэ Мигель, География Дар аль-Ислам аль-Башария. Ч. 2. К. 2 / пер. Ибрагим аль-Хаури. – Дамаск, 1985. – 831 с.
6. Абдуррахман Хамида, Выдающиеся арабские географы. – Дамаск: Дар аль-Фикр, 1984. – 724 с.
7. Крачковский И.Ю. История арабской географической литературы / пер. Салахетдина Османа. – Каир: Управление культуры ЛАГ, 1957. – 617 с.
8. Аль-Киляни Шамсетдин. Великие арабские рассказы в Европе. – Дамаск: Изд. М-ва культуры, 2009. – 280 с.

References

1. Ibrahim Ahmad Al-'Adaoui, Islamic Embassies in the Middle Ages, Ikra Series, Dar Al-Magarif for Publishing, Egypt, 1957, 244p.
2. Hussain Nassar, Travel Literature, Lebanese Library, International Egyptian Printing Company, Cairo, 1991, 169p.
3. Ahmad ibn Muhammad Al-Hadari Al-Talmasani Al-Makkari, The fragrance of Andalusia, Volume II, editor Ihsan Abbas, Publishing Dar Sadir, Beirut, 1988, 704 p.
4. Ibn Dahiya, Abu Al-Khattab Umar ibn Hasan (d. 633 Hijri), Delightful verses of the peoples of Morocco, editor Al-Abyari Ibrahim Abdelmajid Hamid, Printing house Al-Amiriya, Cairo, 1956, 326 p.
5. André Miguel, Human geography of Dar al-Islam, translation of Ibrahim Al-Khauri, Damascus, 1985, 831 p.
6. Abdurrahman Hamida, Outstanding Arab Geographers, Dar al-Fikr for publishing, Damascus, 1984, 724 p.
7. Krachkovsky, IgnatiyYulianovich, History of Arabic Geographical Literature, translation by Salah Aldin Osman, Department of Culture of the Arab League, Cairo, 1957, 617 p.
8. Shams Aldin Al-Kilani, Great Arab Texts in Europe, Publications of the Ministry of Culture, Damascus, 2009, 280 p.

Статья поступила в редакцию 22.12.2018 г.

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94 (47+44)"18"

ГРНТИ 03.21.31: История России нового времени

Е.Н. Моисеева

Повседневная жизнь русско-французской писательницы и путешественницы княгини Лидии Пашковой на Ближнем Востоке в 70–80-е гг. XIX в.

Статья посвящена анализу произведений русско-французской писательницы, путешественницы и журналиста Лидии Пашковой, в которых она рассказывала о своем пребывании на Ближнем Востоке. В статье рассматривается повседневная жизнь путешественницы в городах Ближнего Востока в 70–80-е гг. XIX в. (Константинополь, Бейруте, Дамаске, Синопе, Яффе, Бурсе и др.). Источниками для изучения путевой повседневности Лидии Пашковой стала ее работа «Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы)», опубликованная в Одессе в 1886 г., «Путешествие в Пальмиру» (1872) и «Синоп: шесть месяцев пребывания в древней столице Митридата и на родине Диогена» (1888–1889), опубликованные во французском журнале «Le Tour du Monde». В статье прежде всего исследуются условия проживания путешественницы в восточных городах, обслуживания в гостиницах и других средствах размещения, транспортное сообщение в городах и между ними. Отдельное внимание уделяется изучению досуга княгини, развлечениям, которые были ей доступны. Травелог Лидии Пашковой позволяют глубже проникнуть в ментальный климат эпохи, так как записки путешественников говорят не столько о стране, в которой они побывали, сколько о той интеллектуальной среде, из которой они вышли.

Ключевые слова: Лидия Пашкова, травелог, путешествие на Восток, повседневная жизнь, Османская империя, Константинополь, Синоп, Бейрут, Пальмира.

E.N. Moiseeva

Daily life of the Russian-French writer and traveler Princess Lydia Pashkova in the Middle East in the 70–80-s of the XIX-th century

The article is devoted to the analysis of the works of the Russian-French writer, traveler and journalist Lydia Pashkova, in which she told about her stay in the Middle East. The article discusses the everyday life of a traveler in the cities of the Middle East in the 70-80s. of the XIXth century. (Constantinople, Beirut, Damascus, Sinop, Jaffa, Bursa, etc.). The sources for studying the travel routine of Lidia Pashkova were her work «French and English colonies in the Extreme East and East (From the notes of the circumnavigation traveler)», published in Odessa in 1886, «Travel to Palmyra» (1872) and «Sinop: Six months in the ancient capital of Mithridates and in the homeland of Dioge-

nes» (1888–1889), published in the French magazine «Le Tour du Monde». In the article, first of all, the living conditions of a traveler in eastern cities, hotel service and other means of accommodation, transport links in and between cities are examined. Special attention is paid to the study of Duchess's leisure time, entertainment that was available to her. The travelogues of Lydia Pashkova allow you to penetrate deeper into the mental climate of the epoch, since the travelers' notes speak not so much about the country they visited as about the intellectual environment which they left.

Key words: Lydia Pashkova, travelogue, journey to the East, daily life, Ottoman Empire, Constantinople, Sinop, Beirut, Palmyra.

Русско-французская писательница Лидия Александровна Пашкова оставила после себя литературное наследие и многочисленные автобиографические заметки о путешествиях. За свою жизнь княгиня побывала в Египте, Палестине, Сирии, Османской Турции, Китае, Японии. Время ее путешествий – это 70–80-е гг. XIX в. Во Франции она была популярна как литератор, благодаря своим новеллам «Няня Марфа», «Принцесса Вера Глинская», «Развод в России», представлявших картину жизни в России и написанных на французском языке. Новеллы были опубликованы отдельным изданием [1] и получили хвалебные отклики во французской прессе [2]. В 1880 г. отдельным изданием вышла ее работа «На Востоке: драмы и пейзажи» [3]. Заметки о путешествиях Лидии Александровны Пашковой публиковались в журналах. В России Лидия Пашкова сотрудничала с журналами «Гражданин», «Новороссийский телеграф» [4]. На русском языке в Одессе вышла ее книга «Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы)» [5]. На французском языке записки о путешествиях княгини Пашковой печатались в популярном издании «Le Tour du Monde» [6; 7].

Оказавшись между Россией и Францией (подолгу жила в обеих странах, писала, как на русском, так и на французском языках), Лидия Александровна Пашкова выпала из фокуса внимания французских и отечественных историков. К тому же биографические сведения о княгине скудны. Их можно почерпнуть из ее автобиографических записок о путешествиях. На сайте BNF (Французская национальная библиотека) указан 1845 год рождения княгини. Место рождения – Москва [8]. Данных о детях нет. Точной даты смерти Л.А. Пашковой пока обнаружить не удалось. Кое-что можно узнать из французских газет конца XIX в. На страницах французской «Женской газеты» в 1879 г. о Лидии Пашковой написано следующее: «Мадам Пашкова прожила в Сирии и Египте, то в окружении почтенных сеньоров Дамаска и Каира, то в одиночестве в горах Ливана... Она побывала у подножья Пальмиры и в тени Пирамид.... Повсюду с этой склонностью к ассимиляции, так свойственной русским, она смогла передать в своих очерках как в общем и целом, так и в деталях характерные черты каждого места» [9, с. 5].

Ее записки о путешествиях – это прекрасный источник для изучения образа Востока, представлений о местных жителях, а также для изучения путевой повседневности европейского путешественника на Востоке в последней трети XIX в. Как передвигались? Где останавливались в пути? Какие развлечения были доступны путешественникам в городах Ближнего Востока в последней трети XIX в.? Это период, когда трансформация восточного общества под влиянием европейской цивилизации уже началась, но Восток оставался еще традиционным и привлекательным для любителей экзотики.

Путешествие по Востоку в XIX в. было небезопасным и длительным. Но Лидия Пашкова была отважной женщиной, не страшилась трудностей. Так, например, по Ближнему Востоку в 1886 г. она путешествовала с двумя револьверами в троках своего седла [5, с. 76], часто выезжала на прогулки одна, и даже лошадь свою она приучила лягаться, чтобы никто не подошел к ней [5, с. 76]. Княгиня была прекрасной наездницей. Мужчины уважительно обращались к ней «Пашков-ханум» (ханум – это дама, госпожа на тюркских языках) [5, с. 65]. А для части восточных женщин в верховой езде она даже стала образцом для подражания. Как пишет Пашкова: «... вскоре бейрутские дамы стали разъезжать верхом на конях вслед за ней. Их стали называть "амазонки, а ля Пашкова"» [5, с. 71].

Состояние дорог и транспорта

Тема, которая периодически присутствует на страницах травелогов Лидии Пашковой – описание состояния дорог. В Константинополе, отмечала княгиня, мостовые были в плохом состоянии. «Улицы в Константинополе тесные и шумные, садов нет; освещение плохое, а мостовые чрезвычайно скверные» [5, с. 83]. По словам Пашковой, «мостовые в Кадикей (район Константинополя) опасны для экипажей, людей и пешеходов» [5, с. 85].

В Бейруте все иначе. «Бейрут – красивейший и удобнейший город на Востоке. Далекое удобнее Константинополя» [5, с. 68]. «Улицы ровные и красивые; для гуляния устроена французскою компаниею дорога, ведущая в Дамаск. Экипажи (коляски) недорогие и хорошие, провизия и прислуга также недороги для иностранцев...» [5, с. 68].

По поводу улиц Дамаска княгиня писала следующее: «Улицы Дамаска непроходимые...они мощеные, но камни до того поистерлись, что сделались скользкими как стекло; лошади не могут держаться на них и скользят как на льду» [5, с. 76]. Пашкова рассказывала, как ей приходилось передвигаться по таким улицам, постоянно настороже, чтобы вовремя спрыгнуть, если лошадь упадет, к счастью, лошадь княгини ни разу не упала [5, с. 76].

Для пеших прогулок по плохо мощенным дорогам в Синопе – городе на побережье Черного моря, Лидия Пашкова использовала специальные сандалии, которые ей изготовил один из каторжан, бывший фальшивомонетчик. Он делал сандалии, инкрустированные перламут-

ром или простые башмаки из дерева орешника, которым сносу не было, по словам княгини [7, с. 414].

Между морскими портами княгиня Пашкова совершала путешествия на пароходе. Так, в Синоп она отправилась из Одессы на корабле «Азов», который сделал остановку в Константинополе на четыре дня, чтобы затем последовать до Батуми [7, с. 402]. Пользовалась она морским сообщением и не на столь дальние расстояния. Чтобы попасть из Константинополя в Бурсу, она за 7 ч на пароходе, испытывая качку, добралась до города Мудунья, чтобы затем на карете доехать за 4 ч до Бурсы с целью осмотра достопримечательностей [5, с. 88].

Однажды, опаздывая на пароход «Мессажери» из Адена (город на побережье Аравийского моря) в Суэц, ей пришлось даже нанять лодку с двенадцатью неграми-гребцами, которые доставили ее до парохода [5, с. 62], и за четыре дня из Адена она попала в Суэц. После она отправилась в Порт-Саид, на северо-восток Египта. В Порт-Саиде из транспорта была одна карета, принадлежащая кучеру по кличке *Serise* (Вишня). «Утром он возил покойников на кладбище, а днем плата 5 франков в час за прогулку» [5, с. 65]. Неизвестно, воспользовалась ли княгиня подобной услугой.

Побывав в горах Ливана, Пашкова обратила внимание и на местные дороги. «Ливанские дороги – это тропинки, и всегда с одной стороны скала, а с другой обрыв, но я любила думать, что жизнь моя зависит от моей ловкости и твердого шага моей лошади» [5, с. 73], – вспоминала Лидия Пашкова. В экипаже ездить по дороге было опасно [5, с. 75]. Во время путешествия из Дамаска в Пальмиру в 1872 г. дневные конные переходы составляли порядка 10 ч [6, с. 168]. Итак, удручающее состояние дорог, длительные конные переходы или поездки по морю не пугали Лидию Пашкову, а благодаря ее умению держаться в седле, плохие дороги хоть и доставляли ей неудобство, но не останавливали.

Средства размещения и бытовые условия

Если Лидия Пашкова останавливалась в городах, то проживание ее было относительно комфортным. Наличие средств, а также способность устанавливать дружеские связи с разными людьми на своем пути позволили ей наслаждаться в том числе и высшим обществом. Так, например, в 1871 г. в один из своих визитов в Константинополь она гостила у российского посла, графа Николая Павловича Игнатьева. «Дом посольства отличался роскошной обстановкой», – писала княгиня [5, с. 83]. Один из травелогов Лидии Пашковой посвящен ее пребыванию в Синопе в 1888 г., где княгиня прожила полгода. Она прибыла туда по приглашению российского консула и его жены, у них и проживала [7, с. 402]. Подобными знакомствами, судя по всему, княгиня обзавелась благодаря своему второму мужу Пашкову Ипполиту Александровичу (1847–1889), который служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел [10].

Доводилось Лидии Пашковой жить и в гостиницах. Вот что писала она о гостиницах Константинополя: «Константинополь – прелестнейшее место в мире, но жить в нем и дорого и неудобно. Гостиницы там вообще не хороши и не безукоризненно чисты; цены также, как и в лучших европейских гостиницах и берутся не по определенной в раз таксе, а смотря по внешнему виду и обстановке, окружающей путешественника. Гостиницы Angleterre, Royal и Luxembourg лучшие в целом городе» [5, с. 83]. Пашкова бывала в Константинополе неоднократно с 1869 по 1886 гг. [5, с. 84], но жить постоянно не находила удовольствия. В другой свой приезд в уже упомянутом 1871 г. она жила с мужем в Константинополе в районе Буюк-Дере. Там роскошные дома, но очень дорогие, по словам княгини. «За свою дачу мы платили 10 тысяч франков за шесть месяцев, и при том без мебели; были, впрочем, диваны, наполненные клопами, клопы – это язва константинопольская; они заводятся везде, даже в самых богатых домах, через прислугу, которая их привозит вместе с собой» [5, с. 85]. Следует отметить, что Лидия Пашкова неоднократно в своих текстах высказывала критические замечания в адрес прислуги.

В 1880 г. Лидия Пашкова жила в Константинополе в районе Кадикей в одном из домов в самом Moda-Бурну в том доме, где уже в 1886 г. находилась гостиница с таким же названием [5, с. 85]. «Жизнь там неудобна и дорога», – отмечала путешественница [5, с. 85]. Там хозяйничали англичане, что очень не нравилось Лидии Пашковой. «Я оставила Moda-Бурну с радостью, расставшись с англичанами, которые уже забрали эту местность в полное свое владение» [5, с. 87]. В 1881 г. снова в Константинополе Пашкову пригласил один турок вместо гостиницы пожить в гареме с его женой [5, с. 88]. Прежде чем принять это приглашение, княгиня осмотрела этот гарем. Он находился недалеко от дома персидского посланника. «Внизу пахло сыростью, потому что пол был из каменных плит; второй этаж дома был занят мужской стражей и прислугой, третий – евнухами, в четвертом было помещение хозяина... на пятом этаже – гарем» [5, с. 88]. Пашкова не захотела «жить на одной высоте с птичьими гнездами» и предпочла турецкому гарему, который напоминал ей тюрьму, «Hotel Royal».

Ее впечатления от гостиниц и обслуживания в них в разных городах Ближнего Востока были, скорее, негативными. В Порт-Саиде было две гостиницы. «В первую бытность мою в Порт-Саиде я жила в гостинице "France". Отвратительное помещение!» [5, с. 65], – восклицала Пашкова. «В другой раз, в июне сего года (1886) я заняла номер в "de Hollande" – еще хуже, да и опасно, прислуга состоит из греков почти всегда пьяных» [5, с. 65]. Когда Пашкова высказалась против таких лакеев, к ней приставили бея араба, брата секретаря хедива Измаила. Новым лакеем она также не была довольна, так как он мучил княгиню разговорами о своей «печальной жизни». «Принесет, бывало, обед, подаст аккуратно, уберет комнату, и все охает и вздыхает» [5, с. 65].

Аден не произвел на Пашкову благоприятного впечатления. «Аден известен как самый неприятный уголок в мире» [5, с. 61]. Низкие дома, скалы, песок, отсутствие зелени. По мнению Пашковой, лучшей гостиницей в городе была «de l'Univers» [5, с. 61]. Но даже в этой «лучшей» гостинице невозможно было спокойно ночевать. «Постоянная жара заставляет путешественников спать во дворе. Как только смеркнется, прислуга ставит походные постели; каждый укладывается в своей тюлевой палатке» [5, с. 61]. Княгиня поделилась, как однажды «по неопытности» потребовала она себе две ванны пресной воды («купаться в море нельзя, потому что делаются кожные болезни, а дальше от берегов, где вода чистая плавают акулы) за две ванны в день взяли с меня 24 франка (9 р. 75 коп)». «Вода очень мутная, не от того ли, что она доставляется в кожаных бурдюках» [5, с. 62]. Пашковой приходилось экономить и принимать одну и ту же ванну по несколько раз. По мнению Пашковой, редкий путешественник получает воду, которая не была бы уже в употреблении [5, с. 62].

Гостинцы в Суэце не было вообще. Лидия Пашкова не уточнила год, когда она сгорела, вероятно, это произошло в начале 1880-х гг., отметила лишь, что «об устройстве новой никто не заботится» и «путешественники живут на пароходах» [5, с. 62].

Кроме отсутствия комфорта, княгиня была недовольна дороговизной некоторых гостиниц. В гостиницах Смирны «дерут немилосердно», – писала она [5, с. 81]. К числу таких гостиниц принадлежит гостиница «Двух Августов». Быть обманутым в Смирне легко. «Левантинцу верить на слово нельзя», – писала Пашкова и называла Смирну «разбойничьим гнездом» [5, с. 81]. Пашкова не скрывала того, что не любит Смирну. «Это уже не Восток, а Левант, чистый Левант, испорченный соседством Европы и соседством еще совершенно диких стран» [5, с. 81].

Довелось однажды Пашковой на протяжении восьми месяцев жить в православном монастыре Бейрутской митрополии в горах Ливана недалеко от села Сук-эль-Гарб [5, с. 68]. К сожалению, она не описала подробно монастырский быт. Отметила лишь, что в этом монастыре ежегодно как на даче проживал русский консул, предварительно весной вставляя разбитые окна, а также священники сдавали комнаты бейрутским семьям, которые жили там до начала ноября» [5, с. 68].

Про само село Пашкова писала: «Сук-эль-Гарб деревня невеселая и некрасивая, есть другие гораздо лучше, но тут, как нарочно, лучшие дома» [5, с. 75]. Однако змеи, тарантулы и скорпионы беспрепятственно проникали в дом, где однажды жила Пашкова [5, с. 75]. Ей всегда приходилось быть осторожной. «Я привыкла жить настороже и часто спасалась от смертоносного укуса тарантула только быстрым сбрасыванием пеньюара, по которому ползла эта гадина. Змей убивали по несколько раз в неделю на моем дворе; прислуга моя – арабы и сирийцы были большие трусы» [5, с. 75]. «Надоели они мне ужасно, принимая шакалов за диких зверей...» [5, с. 75].

Отправившись из Ливана во время длительного путешествия по востоку в 1886 г. в Дамаск, Лидия Пашкова устроилась там довольно оригинальным способом. Гостиница в Дамаске была, по словам княгини, всего одна «и то незавидная», поэтому княгиня сняла сад, поставила там палатки и стала жить «по-цыгански» [5, с. 76]. Во время другого путешествия из Дамаска в Пальмиру ранее в 1872 г. Лидия Пашкова в пути также ночевала в палатках. Свита княгини состояла из двух женщин, которые предоставил ей некий араб Мухамед. К её каравану присоединился и консул России в Дамаске с охраной. Лагерь устанавливали бедуины. «Наш лагерь состоял из многочисленных палаток. В моей был кабинет и комната туалета, была палатка консула, палатка-столовая» [6, с. 162].

Итак, во время путешествия княгине Пашковой приходилось жить в разных условиях, терпеть ядовитых насекомых и нехватку воды, плохих слуг, дороговизну. Она чуть не согласилась на предложение пожить в турецком гареме! Вместе с тем там, где это было возможно, княгиня Пашкова проживала в привычных ей комфортных условиях.

Досуг и развлечения

Осмотр достопримечательностей был одним из самых любимых княгиней способом проведения досуга во время ее путешествия по городам Востока. В ее текстах всегда есть место описаниям мечетей, дворцов, красивых домов, садов и т. п. «Оттоманская империя еще существует, а мечети и дворцы уже отживают свое прежнее величие и имеют печать чего-то проходящего, не прочного» [5, с. 88], – писала княгиня, стараясь запечатлеть их в памяти. Для нее в древних руинах, стенах, башнях было что-то театральное. В Синопе она любовалась крепостью Кале «С высоты птичьего полета вид Синопа трагичен, мертвый город в центре плодородной, но покинутой долины» [7, с. 404]. В Константинополе ее любимым местом был сераль – султанский дворец. Часто она брала с собой ковер, стелила его на месте бывшей постройки и любовалась видом на Мраморное море, на район Кадикёй – район азиатской части Константинополя. Но самый «преlestный вид открывался из киоска султана Абдул-Азиза» [5, с. 88]. Из трех окон можно было наблюдать три различных вида: на Босфор и Золотой рог, на Босфор и Кадикёй, на Мраморное море, Олимп и Принцевы острова. «Виды эти – один красивее другого» [5, с. 88]. Сказочным замком показался княгине дворец Бейлербей. «Чрезвычайно красивая архитектура» султанского дворца Долмабахче также не оставила ее равнодушной. Она осматривала не только внешнее убранство, но и внутреннее [5, с. 86].

Лидия Пашкова была женщиной очень любознательной и наблюдательной. Она не желала довольствоваться поверхностным осмотром достопримечательностей, но пыталась, если это было возможно, прогуляться по маленьким улочкам восточных городов. В Синопе охранник консульства, который сопровождал ее и следил за ее без-

опасностью, не позволяя ей этого сделать. Тогда она воспользовалась услугами грека по имени Маламоту, который показал ей восточные дома, а также «бутики, где продают неизвестно что, а главное, неизвестно кому» [7, с. 408]. Повсюду на ее пути встречались остатки античных стен и величественных развалин, когда она следовала за греком-проводником. Однажды, сопровождаемая на этот раз официально охранником из консульства в Синопе, Пашкова посетила артиллерийский парк [7, с. 409].

Пашкова обращала внимание на дома европейцев и местных богачей. В Бейруте она осмотрела дома местных богачей – семьи Сурсок и Бустрос. Они «красивы и удобны, архитектура в них претендует на сходство с чем-то восточным; но они, скорее, походят на виллы разбогатевших французов-мебельщиков и матрацников, – виллы, встречающиеся частью около Парижа, частью в Ницце, где к совершенно буржуазному квадратному дому приклеивается, с одной стороны, средневековая башня, а с другой итальянская терраса с китайским павильоном... Деньги есть, а справиться с ними и распорядиться ими не умеют» [5, с. 66–67]. Что касается обстановки, то она еще более разочаровала княгиню отсутствием вкуса. «Мебель в домах представляет безобразную смесь французского с турецким» [5, с. 67].

Привлек внимание Пашковой дом киевского помещика господина Подгорского (с этим господином княгиня познакомилась в 1876 г.), построенный в арабском стиле [5, с. 67]. Однако дом показался ей «необразным»: «...дверь не арабская, а ясеневая квадратная, со звонком на правой стороне, тогда как должен быть арабский молоток» [5, с. 67]. Пашкова описала роскошь этого дома. «Отворили дверь, и я очутилась против мраморного фонтана между двумя мраморными лестницами... Все золото, красная краска, зеркала, да еще фонтан, наполненный букетами роз; ковры на полу и по стенам...» [5, с. 67]. Княгиня посоветовала господину Подгорскому поменять форму дверей на полукруглые, если он хочет выдержать стиль.

В Дамаске ее впечатлили два дома; один принадлежал богатому еврею-индийцу, другой – мусульманину. «У еврея гостиная убрана красным бархатом, с золотой вышивкой; стены из белого мрамора... Одна особенность Дамаска – это то, что во всех домах есть множество фонтанов...» [5, с. 77].

Судя по текстам Лидии Пашковой, в путешествии ей не раз удавалось весело проводить время в компании знакомых, несмотря на то, что привычных развлечений для европейцев было не так много. В Константинополе как-то она посетила любительский спектакль в посольстве [5, с. 84]. В районе Кадикёй весной побывала на гуляниях в честь св. Георгия. «Весь Константинополь съезжается сюда, чтобы погулять по полянам» [5, с. 86]. Не все праздники ей нравились. «В Кадикёй есть театр-буф, в котором армянской труппой даются оперетки на ар-

мянском языке» [5, с. 87]. Но она предпочитала любоваться окрестностями, «чем погружаться в пошлости карикатурной оперетки» [5, с. 87].

В своих записках она повествовала о званых вечерах, куда ее приглашали видные представители восточной знати. Так, например, в Бурсе Лидия Пашкова познакомилась с Ахметом Вефиком-пашой и его семьей и была приглашена к ним в дом [5, с. 90]. Достаточно ярко Лидия Пашкова описала губернатора Ливана Рустем-пашу, с которым она познакомилась в Бейруте и не раз встречалась с ним. «Во время моего пребывания в Бейруте Рустем-паша давал в честь герцога Макленбургского, только что возвратившегося из Иерусалима, парадный бал» [5, с. 71]. Самое неприятное впечатление на нее произвела дешевая и недоученная прислуга. «Во всем сталкивалась роскошь с бедностью» [5, с. 71], – писала княгиня об этом приеме. Как-то недалеко от ливанской деревни, где жила Пашкова, Рустем-паша поставил свой лагерь. Княгиня приезжала к нему по вечерам, чтобы пообедать и послушать музыку [5, с. 73]. Пашкова наслаждалась и длительными конными прогулками. Могла целый день проскакать верхом, «вдыхая чистый лесной воздух» [5, с. 90].

Большинство восточных городов, в которых Лидия Пашкова побывала, показались ей скучными для европейского путешественника, кроме осмотра достопримечательностей, делать там было нечего. В Адене, по словам княгини, единственным развлечением был осмотр резервуаров для дождевой воды, построенных англичанами. «Как-то пришлось мне быть у резервуаров ночью при лунном свете с веселой компанией, которая устроила нечто вроде пикника» [5, с. 62], – вспоминала княгиня. Однако, это ночное гулянье оказалось совсем не веселым. «Плиты вокруг резервуаров сохраняли солнечный припек; в тоненьких башмаках нельзя было стоять, – разостлали шали; мы уселись по-восточному и пили горячее шампанское при пронзительном вое шакалов, глядевших на нас с вершин скал» [5, с. 62]. «Ничего решительно нет, что можно назвать развлечением», – делает вывод Пашкова. Однажды княгиня осталась в гостинице и решила развлечь себя сама. Она платила негритянке за то, что та танцевала бамбулу (негритянский танец). «Жизнь в Адене не жизнь, а мучение» [5, с. 62]. Ни климат, ни природа не произвели впечатление на Пашкову, ко всему прочему не оказалось там и развлечений.

В Порт-Саиде, напротив, хватало кафешантанов. Народ там «разношерстный». «Музыка гремит денно и ночью – для развлечения приезжающих и привлечения их в рулетку, где жестоко обыгрывают путешественников» [5, с. 65]. Но город, по мнению княгини, «скучнейший». «Общества никакого». «Пароходы останавливаются часа на 2 или на 4, не больше» [5, с. 65]. Из Порт-Саида до Яффы – 12 ч. Но и Яффа оказалась «скучным углом на нашей планете» [5, с. 66]. В Сукэль-Гарб, по словам Пашковой, полностью отсутствовала интеллектуальная жизнь, из всех развлечений были одни сплетни [5, с. 75]. Чтобы

занять себя, ей пришлось у одного ливанца взять пианино, забытое некой англичанкой.

Скучным обещал быть и Синоп. Перед тем как остановиться в Синопе, капитан корабля Акимович сказал княгине, что Синоп – это место каторги и там лишь ссыльные. «Это грустный город и больше восьми дней вы там не задержитесь» [7, с. 402]. Капитан посетовал на погоду весной в Анатолии. Дождь и туманы вплоть до июня, а потом начинается палящий зной. Из развлечений в Синопе, кроме осмотра достопримечательностей, Пашкова с удовольствием вспоминала свои купания в заливе – одном из самых красивых мест в Синопе [7, с. 410].

Другое дело Бейрут. В Бейруте впервые Лидия Пашкова побывала в 1868 г., не раз потом возвращалась и даже хотела поселиться в нем. Этот город притягивал ее как магнитом [5, с. 80]. И дело было не в развлечениях, а в природе, климате и хорошем обществе. «Я снова почувствовала влечение к этой прелестной местности, так богато наделенной природой» [5, с. 67]. «Хорошо было бы поселиться и кончить здесь бурную жизнь в хорошем климате и в обществе очень немногочисленном, но состоящем из добрых людей» [5, с. 67].

Как и все путешественники по Востоку, Лидия Пашкова стремилась посетить местные архитектурные памятники и на осмотр достопримечательностей уходила значительная часть времени путешественницы. Встречи, ужины, приемы, балы также были ей интересны. Она проводила время как с европейцами, которые жили на Востоке или путешествовали по восточным городам, так и с представителями местной мусульманской элиты. Княгиня любила слушать музыку и музицировать, любила пешие и конные прогулки, неспешное любование природой, не отказывала себе в удовольствии искупаться в море.

Записки о путешествиях Лидии Пашковой можно изучать с целью раскрытия разных тем. Они позволяют глубже проникнуть в ментальный климат эпохи и расширить наши представления о культурной истории Европы, так как записки путешественников говорят не столько о стране, в которой они побывали, сколько о той интеллектуальной среде, из которой они вышли. Травелоги Лидии Пашковой позволяют также исследовать феномен путешествия в последней трети XIX в., историю повседневности путешественника по Востоку, образ «Другого».

Список литературы

1. Paschkoff Lydie *La Princesse Vera Glinsky*. – Paris, Calmann Levy, Editeur. 1876. – 254 p.
2. *Trois nouvelles Russes* // *Journal de Monaco*. – 1876. 19 decembre. № 964. – URL: <https://journaldemonaco.gouv.mc/var/jdm/storage/original/application/a9c03c69dabb11ffc987ac41d1f0246.pdf> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Paschkoff Lydie *En Orient. Drames et paysages*. – Paris: Sandoz et Fischbacher, 1880. – 267 p.

4. Писательницы России. Материалы для биобиблиографического словаря / сост. Ю.А. Горбунов. – URL: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-15.htm> (дата обращения: 30.01.2019).
5. Пашкова Л.А. Французские и английские колонии на Крайнем Востоке и на Востоке (Из записок кругосветной путешественницы). – Одесса, Тип. Новорос. телеграфа, 1886. – 91 с.
6. Paschkoff Lydie Voyage à Palmyre // Le Tour du Monde. (1872). Broché 1877/01 (33)-1877/06. P. 161–176.
7. Paschkoff Lydie Sinope (Asie mineure). Six mois de séjour dans l'antique capitale de Mithridate et la patrie de Diogène» // Le Tour du Monde. 1888-1889. T. 57. P. 401–416.
8. Paschkoff Lydie. – URL: http://data.bnf.fr/13006387/lydie_paschkoff/ (дата обращения: 28.10.2018).
9. La Gazette des femmes. Revue du progrès des femmes dans les beaux-arts et la littérature, l'enseignement et la charité, la musique et le théâtre. Paris. 1879/12/10. № 60. – 10 p. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57436298.item> (дата обращения: 30.01.2019).
10. Пашков И.А.: биографическая справка. – URL: http://az.lib.ru/p/pashkow_i_a/text_1911_bio.shtml (дата обращения: 30.01.2019).

References

1. Paschkoff Lydie La Princesse Vera Glinsky. – Paris, Calmann Levy, Editeur. 1876. – 254 p.
2. Troisnouvelles Russes // Journal de Monaco. – 1876. – 19 decembre. №964. – URL: <https://journaldemonaco.gouv.mc/var/jdm/storage/original/application/a9c03c69da bb11ffcf987ac41d1f0246.pdf> (дата обращения: 28.11.2018).
3. Paschkoff Lydie En Orient. Drames et paysages. – Paris: Sandoz et Fischbacher, 1880. – 267 p.
4. *Pisatel'nicy Rossii. Materialy dlya biobibliograficheskogo slovarya* [Russian Writer. Materials for bibliographic dictionary] / sost. YU.A. Gorbunov. – URL: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-15.htm> (дата обращения: 30.01.2019).
5. *Pashkova L.A. Frantsuzskie i anglijskie kolonii na Krajnem Vostoke i na Vostoke (Iz zapisok krugosvetnoj puteshestvennitsy)* [French and English colonies in the Far East and the East (from the notes of the world traveler)]. – Odessa, Тип. «Novoross. telegrafa», 1886. – 91 s.
6. Paschkoff Lydie Voyage à Palmyre // Le Tour du Monde. (1872). Broché 1877/01 (33)-1877/06. P. 161–176.
7. Paschkoff Lydie Sinope (Asie mineure). Six mois de séjour dans l'antique capitale de Mithridate et la patrie de Diogène» // Le Tour du Monde. – 1888–1889. – T. 57. – P. 401–416.
8. Paschkoff Lydie. – URL: http://data.bnf.fr/13006387/lydie_paschkoff/ (дата обращения: 28.10.2018).
9. La Gazette des femmes. Revue du progrès des femmes dans les beaux-arts et la littérature, l'enseignement et la charité, la musique et le théâtre. Paris. 1879/12/10. № 60. – 10 p. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k57436298.item> (дата обращения: 30.01.2019).
10. Pashkov I. A.: biograficheskaya spravka [vitae]. – URL: http://az.lib.ru/p/pashkow_i_a/text_1911_bio.shtml (дата обращения: 1.11.2018).

Статья поступила в редакцию 29.01.2018 г.

Е.В. Никуленкова

**Сергей Митрофанович Дубровский –
один из первых представителей новой формации
советских историков-марксистов**

В статье рассматриваются взгляды и работы одного из первых советских историков-марксистов, выпускника первого выпуска исторического отделения Института красной профессуры Сергея Митрофановича Дубровского (1900–1970). С 1920-х гг. до конца жизни основной научной темой историка стала аграрная история России конца XIX – начала XX в., в том числе крестьянские движения в годы Первой русской революции, развитие сельского хозяйства в начале XX в. Большое внимание С.М. Дубровский уделил изучению аграрной реформы П.А. Столыпина, став автором одной из первых советских монографий по данной теме. Его работы отличались богатым фактическим материалом и широкой источниковой базой. Следуя официальным оценкам, историк в своих трудах всячески проводил мысль о развитии капитализма в сельском хозяйстве России в начале XX в. С.М. Дубровский активно участвовал и в дискуссии об общественно-экономических формациях, проходившей в стране в конце 1920-х гг. Несмотря на то, что историк был осужден в 1930-е гг. и отбывал наказание в заключении, а затем в 1940-е гг. был в ссылке в Сибири, он оставался идейным историком-марксистом, отстаивающим принцип партийности в исторической науке.

Ключевые слова: С.М. Дубровский, советская историография, Институт красной профессуры, аграрная история России конца XIX – начала XX в., аграрная реформа П.А. Столыпина в советской историографии.

E. V. Nikulenkova

Sergey Mitrofanovich Dubrovskiy – one of the first representatives of a new generation of Soviet historian-marxists

This paper presents views and works of one of the first Soviet historian-marxists and one of the first graduates of Historical Division of the Institute of Red Professors Sergey Mitrofanovich Dubrovskiy. From the 1920s to the end of his life, principal research subject of this historian was agricultural history of Russia of the late 19th – early 20th century, including peasant movements of the First Russian revolution, and agricultural development in the early 20th century. S.M. Dubrovskiy focused on the study of the land reform of P.A. Stolypin and became the author of one of the first Soviet monographs on this topic. His works were notable for rich factual information and extensive references. Following the official views, this historian took every effort to advance in his works the idea of the development of the capitalism in Russian agriculture of the early 20th century. S.M. Dubrovskiy was fully engaged in the discussion about socioeconomic

formations taking place in the country in the late 20's. Although this historian was convicted in the 30's and served his time in prison and then in the 40's lived in exile in Siberia, he remained a rock-solid Marxist and a champion of Communist views to historical science.

Key words: S.M. Dubrovskiy, Soviet historiography, Institute of Red Professors, agricultural history of Russia of the late 19th – early 20th century, land reform of P.A. Stolypin in the Soviet historiography.

Сергей Митрофанович Дубровский (1900–1970) – советский историк, специалист по аграрной истории России, доктор исторических наук, второй декан исторического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ). Это один из первых профессиональных историков-марксистов, получивший историческое образование в новой Советской России.

С.М. Дубровский родился в Орловской губернии в 1900 г. В 1918 г. он вступил в РКП(б) [1, с. 244]. После прихода большевиков к власти в стране создавались новые марксистские научные исторические центры, целью которых было подготовить историков новой формации. Одним из таких центров был Институт красной профессуры (ИКП), созданный в 1921 г. [2]. Сергей Митрофанович Дубровский оказался среди слушателей первого набора исторического отделения института, что свидетельствовало о высоком уровне его образования, так как поступить в ИКП было довольно сложно [2, с. 21–22].

В Институте красной профессуры С.М. Дубровский проучился с 1921 по 1924 г., став одним из учеников историка Михаила Николаевича Покровского. Именно в этот период произошло становление С.М. Дубровского как идейного историка-марксиста. Как представлялось, «красный профессор» – это марксист, большевик, сочетающий в себе навыки преподавателя, научного и партийного работника, активный участник современной политической борьбы, непримиримый ко всем немарксистским течениям, а не академический, «кабинетный» ученый. Институт красной профессуры был создан именно для подготовки таких ученых «нового типа». Особенностью института стало включение в учебный процесс не только академической и педагогической, но и партийной работы [3, с. 89]. На одном курсе с С.М. Дубровским училась его жена Берта Борисовна Граве.

В ходе обучения в ИКП Сергей Митрофанович занимался аграрной историей России начала XX в. Этой темой он заинтересовался еще до поступления в институт. Аграрной истории были посвящены и первые научные труды историка, в том числе монография «Очерки русской революции. Вып. 1. Сельское хозяйство», изданная в 1922 г. [4]. В предисловии к первому изданию С.М. Дубровский отмечал, что основой работы стали «лекции, прочитанные автором в Москве в 1919–1920 гг.» [4, с. 3]. Вероятно, речь шла о его работе на курсах по подготовке комсостава Красной армии [5, с. 218]. Хотя книга называ-

лась «Очерки русской революции», она была посвящена исключительно аграрной истории и крестьянским движениям начала XX в. (вплоть до 1917 г.). Как настоящий марксист, С.М. Дубровский видел причины событий, в том числе Первой русской революции 1905–1907 гг. и революции 1917 г., в экономике. Поэтому рассматривая развитие сельского хозяйства с 1861 по 1917 г., автор выделял экономические причины революций, останавливаясь на крестьянских выступлениях. Работа должна была стать первой частью капитального труда, состоящего из трех частей и посвященного Первой русской революции, которую он в это время изучал в семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры [4, с. 3]. В 1923 г. вышло второе издание работы [6]. В том же году отдельным сборником были изданы лучшие работы слушателей первого курса ИКП. В сборник вошла и работа С.М. Дубровского, посвященная аграрным движениям 1905–1907 гг., представленная в семинаре М.Н. Покровского по Первой русской революции [7]. В ней, как и в последующих работах историка, содержалось большое количество статистической информации, количественных сведений, приводился огромный фактический материал. Автор останавливался на причинах крестьянских выступлений, анализировал участников движения, формы крестьянского недовольства (поджоги, разгромы имений, вырубка леса, массовые захваты и др.), крестьянские организации. В духе марксистских установок и работ В.И. Ленина Сергей Митрофанович приходил к выводу, что на крестьянском движении в годы Первой русской революции «при все его экономической революционности, лежал отпечаток политической беспомощности. Крестьянин еще не поднялся до сознания себя, как класса..., еще не осознал того, что для разгрома помещиков мало разгромить их имения, – надо еще разгромить их власть» [7, с. 201]. Что касается поражения крестьянского движения в годы Первой русской революции, то его историк рассматривал как результат поражения рабочего движения. «Когда революция в городе потерпела поражение, то это одновременно было и поражением крестьянства. Успех крестьянства мог быть связан лишь с успехом рабочего класса» [7, с. 202].

Так как «красные профессора» должны были уметь критиковать чуждые большевикам взгляды, то в период обучения в ИКП были опубликованы и работы С.М. Дубровского, в которых он критично оценивал небольшевистские аграрные теории [8; 9]. Но все же Сергея Митрофановича привлекала прежде всего научная и педагогическая работа, о чем свидетельствует характеристика, составленная аттестационной комиссией по проверке слушателей ИКП в июне 1923 г. О слушателе С.М. Дубровском в ней говорилось следующее: «На организационной партийной работе не был. Крупной советской работы не вел. В гражданской войне не участвовал. Занимался преимущественно педагогической работой, в которой имеет большой опыт. Наибольшие

симпатии питает к литературной работе, в которой проявляет способности (написал ряд статей и популярную книжку, выходящую вторым изданием), в области научной работы обладает усидчивостью и имеет все задатки будущего хорошего исследователя. Обнаруживает сильный уклон к академизму, и в личной жизни – индивидуализму. К партийным обязанностям относится формально» [10. Л. 3]. Кстати, «уклоном к академизму» отличалась и его супруга. Той же комиссией Б.Б. Граве была дана следующая характеристика: «Типичная интеллигентка без большого партийного и советского стажа, с уклоном к академизму и индивидуализму. Работа ее протекала до сих пор в педагогической области, где она выявила себя в качестве лектора по обществоведению. Обещает стать удовлетворительным преподавателем ВУЗа» [10. Л. 5]. Под «уклоном к академизму» понималось чрезмерное увлечение научной работой в ущерб партийно-пропагандистской.

Как «один из организаторов советской высшей школы», С.М. Дубровский много сделал для создания экономического факультета Сельскохозяйственной академии им К.А. Тимирязева, являясь с 1923 по 1926 гг. его деканом [1, с. 244]. После окончания ИКП в 1924 г. Сергей Митрофанович был оставлен в Москве [11. Л. 77], продолжил преподавательскую работу в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и в Институте красной профессуры [12, с. 407]. В ИКП не только преподаватели давали характеристики слушателям, но и слушатели давали характеристики преподавателям. Вот, например, характеристика, данная слушателями второго курса исторического отделения преподавателю С.М. Дубровскому в июне 1930 г.: «В своей работе т. Дубровский показал знание предмета и хорошее отношение к слушателям. Как преподаватель, т. Дубровский вполне удовлетворял слушателей семинара». В связи с чем слушатели предлагали оставить его в ИКП и на следующий год [13. Л. 57].

С середины 1920-х гг. были опубликованы крупные исследования С.М. Дубровского, посвященные столыпинской аграрной реформе. Так в 1925 г. вышла его монография «Столыпинская реформа» [14]. А в 1930 г. – ее второе, несколько дополненное, издание [15]. Помимо этого, в 1925 г. вместе с женой С.М. Дубровский опубликовал сборник документов по аграрной истории 1905–1907 гг. [16]. В него вошли материалы департамента полиции, крестьянские приговоры и наказания, аграрные проекты различных учреждений и организаций и другие источники.

Являясь одним из первых советских исследователей столыпинской аграрной реформы, историк проводил логическую связь между отменой крепостного права, Первой русской революцией и реформой П.А. Столыпина. Все эти события он рассматривал в рамках процесса развития капитализма в сельском хозяйстве. С.М. Дубровский отме-

чал, что реформа 1861 г. проходила «под знаком перехода крепостнических хозяйств в капиталистические», но крепостничество в деревне все равно сохранялось, что и привело к революции 1905–1907 гг., которая тоже не уничтожила остатки крепостничества. Развитию капитализма должна была помочь столыпинская аграрная реформа, важной задачей которой было разрушение общины [14, с. 4, 10]. Вслед за В.И. Лениным С.М. Дубровский считал, что реформа была «последним клапаном», «последним путем отсрочки крушения старого порядка» [14, с. 12]. В работе довольно подробно освещались многие сюжеты, связанные с подготовкой и проведением реформы, в том числе обсуждение аграрного вопроса в Государственных думах и Государственном совете, правительственные мероприятия по проведению в жизнь указа 9 ноября 1906 г., развитие сельского хозяйства, дифференциация крестьянства, процесс выхода из общины (кто выходил, по какой причине), деятельность Крестьянского банка, переселенческая политика и др. При этом автор опирался на большой фактический материал, работа включала в себя значительное количество таблиц, на основании которых и были сделаны выводы.

Историк отмечал положительные результаты аграрной реформы, доказывал, что она способствовала развитию капитализма в деревне. Это, по его мнению, выразилось в интенсификации сельскохозяйственного производства, развитии денежных отношений в деревне, увеличении дифференциации крестьян. Отмечал он и довольно быстрые темпы землеустройства, создание хуторов и отрубов [14, с. 97, 193–194]. При этом С.М. Дубровский обращал особое внимание на неравномерность процесса разрушения общины. «Разрушение локализовалось лишь в районах наибольшей капитализации сельского хозяйства»: это северо-запад, юго-запад и юго-восток [14, с. 113]. Анализируя причины выхода из общины, историк подчеркивал, что из общины прежде всего старались выйти крестьяне, стремившиеся к развитию своего хозяйства, и «пролетаризирующееся крестьянство», которое хотело продать землю и уйти в город [14, с. 122, 130, 133].

Подводя итоги правительственной политики, С.М. Дубровский отмечал, что, в связи с тем, что реформа действовала очень короткое время, а также по причине «внутренних противоречий», она не удалась, «основные противоречия в деревне не только не были устранены, но еще более обострились», что и привело к революции 1917 г. [14, с. 251]. Поэтому, рассмотрев основные мероприятия реформы, С.М. Дубровский останавливался и на «крестьянских движениях» 1907–1914 гг., ставших, по его мнению, результатом обострившихся классовых противоречий. «Аграрное движение, – писал историк, – сопровождавшее столыпинскую реформу, свидетельствовало о целом ряде противоречий, которые были в ней заложены и которые делали неизбежной революцию» [14, с. 274]. Реформа, по его мнению, прово-

дилась в «интересах кулачества», поэтому вызвала рост революционности «всей крестьянской середняцкой массы». Кроме того, в результате реформы «значительно усилилась деревенская беднота и углубилась пропасть между нею и сельской буржуазией», что стало «одним из основных противоречий, которое и явилось движущей силой революции 1917 года» [14, с. 274–275]. Во втором издании монографии 1930 г. об аграрной реформе П.А. Столыпина С.М. Дубровский добавил 10-ю главу: «Опыт столыпинщины и современные аграрные реформы в капиталистических странах» [15, с. 323–340]. В ней, анализируя развитие сельского хозяйства, историк проводил мысль о том, что окончательно ликвидировать феодально-крепостнические отношения в деревне может только «победоносная рабоче-крестьянская революция под руководством пролетариата» [15, с. 340]. Еще раз хотелось бы отметить, что выводы в работах С.М. Дубровского, посвященные аграрной реформе П.А. Столыпина, занимали несколько строчек. Вся работа включала в себя богатый фактический материал, таблицы, количественные сведения, т. е. подробную информацию о реформе. В связи с этим в издании 1930 г. было указано, что данная работа допущена Государственным ученым советом (ГУС) в качестве учебного пособия для вузов.

В конце 1920-х гг. в советской исторической науке развернулась крупная методологическая дискуссия – дискуссия об общественно-экономических формациях, в ходе которой рассматривались вопросы периодизации всемирной и русской истории. Участники дискуссии затронули вопросы об «азиатском» способе производства, торговом капитале, крепостничестве [2, с. 115–121]. Преподаватели и слушатели ИКП, в том числе С.М. Дубровский, приняли в ней активное участие. Так, в рамках дискуссии в 1929 г. вышла его книга «К вопросу о сущности "азиатского" способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала». В ней автор предлагал свою схему из десяти основных способов производства и соответствующих им хозяйственных укладов (хозяйство первобытного общества, патриархальное, рабовладельческое, феодальное, крепостническое, хозяйство мелких производителей, капиталистическое, хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму, социалистическое и хозяйство эпохи мирового коммунизма) [17, с. 17–18]. При этом «азиатский» способ производства и эпоху торгового капитала он не выделял. Разделяя феодализм и крепостничество как разные способы производства, С.М. Дубровский считал основным признаком феодализма натуральное хозяйство крестьян и децентрализацию власти. Основной же чертой крепостничества, по его мнению, являлось барщинное хозяйство и соответствующая ему надстройка – диктатура крепостников в форме единого централизованного самодержавного государства. Историк полагал, что для феодального способа производства характерна рента

продуктами, а для крепостничества – отработочная рента (барщина) [17, с. 17–18, 60, 63].

Первое обсуждение книги С.М. Дубровского состоялось в ИКП в апреле 1929 г. В ходе обсуждения критиковались как взгляды самого С.М. Дубровского, так и взгляды ректора Института красной профессуры, историка М.Н. Покровского, особенно его теория торгового капитала [2, с. 115–116]. В мае 1929 г. обсуждение этих вопросов продолжилось в социологической секции общества историков-марксистов [18].

Значительным этапом дискуссии стало обсуждение книги С.М. Дубровского в Институте красной профессуры в январе 1930 г. Закончившаяся к этому времени «борьба с "механистами"» в философии и экономике привела к тому, что идеи, высказанные в этой книге, были определены как разновидность «механизма» [19]. В ходе дискуссии взгляды С.М. Дубровского были подвергнуты разгромной критике. Его критиковали за выделение десяти формаций (хотя он и подчеркивал в докладе, что говорит только об укладах, и не раз указывал, что крепостничество – это «особая форма хозяйства», а не формация); за разделение феодализма и крепостничества, социализма и коммунизма, выделение экономики переходного периода, усматривая в этом «недиалектический», «механистический» подход [19, с. 16–17, 42, 67, 80–81, 98]. Выдвигались и обвинения политического характера. Так, слушатель ИКП М.С. Зоркий сказал: «Дубровский попытался свою "теорию" приписать Марксу, Энгельсу и Ленину. На деле же эклектическая "теория" Дубровского имеет мало общего с марксизмом; она исходит напротив не из марксистско-ленинской трактовки общества, а из *богдановско-бухаринской*, и чревата ошибками правооппортунистического типа» [19, с. 80, 105].

Дискуссия продолжилась и в начале 1930-х гг. Она способствовала разработке формационного подхода в советской исторической науке. Все попытки другой периодизации истории были отвергнуты. Крепостничество было признано разновидностью феодального способа производства, идея о существовании особого «азиатского» способа производства признавалась несостоятельной, а термин «торговый капитализм» постепенно исчез из научной и популярной литературы [2, с. 120].

В 1930–1940-е гг., в период ужесточения режима в нашей стране, судьба историка С.М. Дубровского была довольно тяжелой, но все сложности его жизни не подорвали его веры в правильность марксистских положений. С 1930 г. Сергей Митрофанович являлся действительным членом Института истории Коммунистической академии. В 1935 г., сменив Григория Соломоновича Зайделя, тоже выпускника Института красной профессуры, С.М. Дубровский стал деканом исторического факультета Ленинградского государственного университета. Эту

должность он занимал недолго, так как в 1936 г. был репрессирован (арестован и отбывал заключение). В 1946 г. С.М. Дубровский был освобожден, но в 1949 г. вновь арестован [12, с. 407]. Вместе с женой, Б.Б. Граве, он был приговорен к ссылке в Сибирь, в Енисейск. Дочь пианиста А.Е. Шварцбурга, также отбывавшего ссылку в Енисейске, Наталья Ананьевна вспоминала о своем детстве: «...на окраине Енисейска в каком-то недостроенном домике, в ужасном хаосе из опилок и книг жили профессор-историк Сергей Митрофанович Дубровский с женой. Иногда вместе с папой я бывала у них. Имя этого ученого было весьма известно: любой мог прочесть о нем в Большой Советской Энциклопедии, в данный же момент он был пораженным в правах ссыльным. Из папиных знакомых по Енисейску Дубровские были, пожалуй, самыми немолодыми людьми, а значит, и жилось им значительно трудней. Тем не менее они пытались разводить всякую живность, чтобы прокормиться. А покидая Енисейск, они, несмотря на свою немощь, везли с собой двух собак: не могли оставить их на произвол судьбы...» [20].

В середине 1950-х гг., в связи с изменением общественно-политической обстановки в стране, С.М. Дубровский был реабилитирован и с конца 1950-х гг. работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР [12, с. 407]. В своих воспоминаниях историк Р.Ш. Ганелин отмечал, что супруги (Сергей Митрофанович и Берта Борисовна) были людьми «идейными». «С.М. Дубровский после реабилитации вернулся борцом за старый марксизм, против попыток что-либо менять», – писал Р.Ш. Ганелин [21, с. 187]. Несмотря на проработки конца 1920-х гг., а потом арест и ссылку, Сергей Митрофанович оставался верен марксистской идеологии и принципу партийности в исторической науке. «"Хорошая у нас молодежь", – говорил он на одной из конференций, одновременно требуя усилить на нее влияние» [21, с. 187]. Как и А.М. Панкратова, С.М. Дубровский принадлежал к первому поколению советских историков-марксистов, сформировавшихся в 1920-е гг., и решения ЦК ВКП(б) – КПСС всегда принимал как безоговорочно правильные [3, с. 92]. После XX съезда КПСС, когда началась критика культа личности И.В. Сталина в исторической науке, С.М. Дубровский принял участие и в ней. Так, в мае 1956 г. в Институте истории Академии наук СССР на заседании сектора истории СССР периода феодализма историк выступил с докладом «О культе личности в некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)», в котором призывал покончить с идеализацией Ивана Грозного, характерной для сталинского периода [22, с. 195].

В докладе об оценке деятельности Ивана Грозного С.М. Дубровский, как обычно, отстаивал марксистскую оценку исторических деятелей или событий. При этом историк отметил, что в «нашей исторической литературе» имеются «серьезные отклонения от марк-

систкой оценки» многих деятелей прошлого [22, с. 195]. Что касается Ивана Грозного, то С.М. Дубровский был против того, чтобы изображать его «как сверхчеловека», оправдывая преступления прогрессивностью его мероприятий [22, с. 195]. Доклад вызвал широкое обсуждение, в котором приняли участие многие крупные историки. По мнению большинства выступавших, С.М. Дубровский «не дал должного научного обоснования выдвинутых им положений, но отдельные высказывания докладчика были поддержаны выступавшими» [22, с. 203].

После реабилитации, в 1950–1960-е гг. С.М. Дубровский продолжил заниматься главной темой своей жизни – крестьянскими движениями в России в начале XX в. и столыпинской аграрной реформой. Так, в 1956 г. в научно-популярной серии Академии наук, ответственным редактором которой была выпускница Института красной профессуры А.М. Панкратова, вышла его работа «Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг.», написанная в традиционном для советской историографии ключе [23]. А в 1963 г. вышла значительно дополненная монография «Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX века» [24]. И по объему, и по содержанию она значительно превосходила работы 1925 и 1930 гг. и, как и предыдущие работы, содержала большое количество таблиц, богатый фактический материал, отличалась широкой источниковой базой. Подробно освещая вопросы, связанные с подготовкой и проведением реформы, историк, как и раньше, останавливался на истории указа 9 ноября 1906 г., обсуждении его в Государственной думе и Государственном совете, рассматривал процесс разрушения общины, землеустройство и землепользование, деятельность Крестьянского банка, переселенческую политику, развитие сельского хозяйства и крестьянское движение в годы реформы. Оценка реформы давалась, как и раньше, со ссылками на В.И. Ленина. Историк отмечал, что аграрная реформа П.А. Столыпина «имела шансы на успех», могла бы предотвратить революцию, если бы «уничтожила остатки крепостничества» [24, с. 61]. Отмечая, что результатом реформы стали положительные сдвиги «по пути развития капитализма», С.М. Дубровский писал: «Столыпин ставил ставку на капитализм, расчищал ему дорогу уничтожением такого архаического института как община, оказывал содействие формированию сельской буржуазии. Правительство думало всем этим укрепить помещичью власть. Однако сама по себе реформа несла в себе такие противоречия, которые делали неизбежной новую революцию» [24, с. 567]. Уже после смерти С.М. Дубровского в 1975 г. вышла еще одна его работа, посвященная аграрной истории конца XIX – начала XX в. [25].

Мысль о развитии капитализма в деревне проводилась С.М. Дубровским и в докладе «К вопросу об уровне развития капитализма в России и характеристике классовой борьбы в деревне в пери-

од империализма», подготовленном к майской сессии 1960 г. в Институте истории АН СССР [26]. В нем он также отстаивал ленинскую мысль о развитии капитализма в России в начале XX в. не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Историк отмечал, что не следует впадать в крайности: недооценивать остатки крепостничества и переоценивать развитие капитализма в деревне в начале XX в., и наоборот: недооценивать развитие капитализма и переоценивать остатки крепостничества [26, с. 23]. В этом докладе, со ссылками на В.И. Ленина, нашла отражение теория о двух социальных войнах в деревне. Одна – за завершение демократической революции, которую вело все крестьянство против помещиков-крепостников, вторая (шедшая одновременно с первой) – за социалистическое устройство деревни, которую вели сельскохозяйственные рабочие, деревенская беднота, и направленная не только против помещиков, но и против кулачества. Первая война была, по его мнению, завершена с победой Великой Октябрьской революции, вторая завершилась проведением сплошной коллективизации и уничтожением кулачества как класса [26, с. 15, 53].

Таким образом, Сергей Митрофанович Дубровский «принадлежал к первому поколению советских ученых, создававших после Октября ленинскую историческую науку» [1, с. 244]. Являясь одним из первых выпускников Института красной профессуры, он стал примером идейного историка-марксиста, воспитанного в 1920-е гг. Одним из первых в советской историографии С.М. Дубровский обратился к изучению аграрной истории России конца XIX – начала XX в., став автором первых советских работ, посвященных столыпинской аграрной реформе. Его работы отличались основательностью, большим фактическим материалом, в них проводилась мысль о развитии капитализма в деревне в начале XX в.

Список литературы

1. Сергей Михайлович Дубровский (некролог) // История СССР. – 1971. – № 3. – С. 244.
2. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1998. – 219 с.
3. Никуленкова Е.В. Академик А.М. Панкратова – ученица историка М.Н. Покровского // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 87–93.
4. Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1: Сельское хозяйство. – М.: Новая деревня, 1922. – 160 с.
5. Сергей Михайлович Дубровский (некролог) // Вопр. истории. – 1971. – № 1. – С. 218.
6. Дубровский С.М. Очерки русской революции. Вып. 1: Сельское хозяйство. – М.: Новая деревня, 1923. – 404 с.

7. Дубровский С. Аграрное движение 1905–1907 гг. // Тр. Института красной профессуры. Т. 1. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). – М.-П.-д: Гос. изд-во, 1923. – С. 179–207.
8. Дубровский С.М. Современная русская литература по аграрному вопросу (Критический очерк) // Вестн. социал. академии. – 1923. – № 2. – С. 230–246; № 3. – С. 295–310; № 4. – С. 413–430.
9. Дубровский С.М. Мелкобуржуазные теории аграрной эволюции // Большевик. – 1924. – № 3-4. – С. 86–97.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5284. Оп. 1. Д. 102.
11. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 98.
12. Савельев А.В. Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. – М.: Прогресс-Традиция, 2012. – 432 с.
13. ГАРФ. Ф. 5284. Оп. 1. Д. 446.
14. Дубровский С.М. Столыпинская реформа. Капитализация сельского хозяйства в XX в. – Л.: Рабочее изд-во «Прибой», 1925. – 302 с.
15. Дубровский С.М. Столыпинская реформа. Капитализация Сельского хозяйства в XX веке. 2-е изд. – М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий», 1930. – 361 с.
16. 1905. Материалы и документы / под общ. ред. М.Н. Покровского. Аграрное движение в 1905–1907 гг. Т. 1 / сост. С. Дубровский и Б. Граве. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. – 680 с.
17. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма крепостничества и торгового капитала. – М.: Науч. ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1929. – 170 с.
18. Дискуссия о социально-экономических формациях. Открытое заседание социологической секции общества историков-марксистов от 17 и 24 мая 1929 г. // Историк-марксист. – 1930. – Т. 16. – С. 104–159.
19. Против механистических тенденций в исторической науке. Дискуссия в Институте красной профессуры. – М., Л.: Гос. изд-во, 1930. – 240 с.
20. Сайт Натальи Лайдинен. – URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=6573&letter=&code=6602> (дата обращения: 01.03.2019).
21. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годов. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 213 с.
22. Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопр. истории. – 1956. – № 9. – С. 195–203.
23. Дубровский С.М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 168 с.
24. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. – М.: АН СССР, 1963. – 600 с.
25. Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. – М.: Наука, 1975. – 398 с.
26. Дубровский С.М. К вопросу об уровне развития капитализма в России и характере классовой борьбы в деревне в период империализма. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1960. – 54 с.

References

1. *Sergej Mihajlovich Dubrovskij (nekrolog)* [Sergei Mikhailovich Dubrovskii (obituary)] // *Istoriya SSSR [History of USSR]*. – 1971. – № 3. – P. 244.
2. *Nikulenкова E.V. Institut krasnoj professury – bol'shevistskij ideologicheskij i nauchnyj centr (1921–1930 gg.)* [Institute of Red Professorship - Bolshevik ideological and scientific center (1921–1930)]. Candidate's thesis in Historical Sciences. – SPb., 1998. – 219 p.
3. *Nikulenкова E.V. Akademik A.M. Pankratova – uchenica istorika M.N. Pokrovskogo* [Academician A.M. Pankratova – student of the historian M.N. Pokrovsky] // Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity: materials of the Intern. scientific conf. In 2 vol. / Editor-in-chief V.A. Veremenko. – SPb.: Pushkin Leningrad State University, 2018. – Vol. 1. – P. 87–93.
4. *Dubrovskij S.M. Oчерki russskoj revolyucii. Vyp. 1: Sel'skoe hozyajstvo* [Sketches of Russian revolution. Issue 1: Agriculture]. – M.: Novaya derevnya. – 1922. – 160 p.
5. *Sergej Mihajlovich Dubrovskij (nekrolog)* [Sergei Mikhailovich Dubrovskii (obituary)] // *Voprosy istorii. [History Questions]*. – 1971. – № 1. – P. 218.
6. *Dubrovskij S.M. Oчерki russskoj revolyucii. Vyp. 1: Sel'skoe hozyajstvo* [Sketches of Russian revolution. Issue 1: Agriculture]. – M.: Novaya derevnya, 1923. – 404 p.
7. *Dubrovskij S. Agrarnoe dvizhenie 1905–1907 gg.* [The agrarian movement of 1905–1907] // *Trudy Instituta krasnoj professury. T. 1. Raboty seminariev filosofskogo, ehkonomicheskogo i istoricheskogo za 1921–1922 gg. (1 kurs)* [Proceedings of the Institute of Red Professors. Vol. 1. Works of seminars philosophical, economic and historical for 1921–1922 (1 course)]. – M-P-d: State publishing House, 1923. – P. 179–207.
8. *Dubrovskij S.M. Sovremennaya russkaya literatura po agrarnomu voprosu (Kriticheskij oчерk)* [Modern Russian literature on the agrarian issue (Critical Essay)] // *Vestnik Socialisticheskoy Akademii* [Socialist Academy Bulletin]. – 1923. – № 2. – P. 230–246; № 3. – P. 295–310; № 4. – P. 413–430.
9. *Dubrovskij S.M. Melkoburzhuzaznye teorii agrarnoj ehvolyucii* [Petty-bourgeois theories of agrarian evolution] // *Bol'shevik*. – 1924. – № 3-4. – P. 86–97.
10. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 5284. Op. 1. D. 102.
11. *GARF*. F. 5284. Op. 1. D. 98.
12. *Savel'ev A.V. Neobychnaya kar'era akademika A.M. Pankratovoj* [The unusual career of academician A.M. Pankratova]. – M.: Progress-Tradition, 2012. – 432 p.
13. *GARF*. F. 5284. Op. 1. D. 446.
14. *Dubrovskij S.M. Stolypinskaya reforma. Kapitalizaciya sel'skogo hozyajstva v XX veke* [Stolypin reform. Capitalization of agriculture in the XX century] – L.: Work Publishing "Priboy", 1925. – 302 p.
15. *Dubrovskij S.M. Stolypinskaya reforma. Kapitalizaciya cel'skogo hozyajstva v XX veke* [Stolypin reform. Capitalization of agriculture in the XX century]. 2-е изд. – M.: State Publishing House of the RSFSR "Moscow Worker", 1930. – 361 p.
16. *1905. Materialy i dokumenty. Pod obshchej red. M.N. Pokrovskogo. Agrarnoe dvizhenie v 1905–1907 gg.* [Materials and documents. Under the general ed. of M.N. Pokrovsky. The agrarian movement in 1905–1907.] Vol. 1. Composed by S. Dubrovsky and B. Grave. – M.-L.: State Publishing House, 1925. – 680 p.
17. *Dubrovskij S.M. K voprosu o sushchnosti "aziatskogo" sposoba proizvodstva, feodalizma krepostnichestva i torgovogo kapitala* [To the question of the essence of the

"Asian" mode of production, feudalism of serfdom and commercial capital.] – M.: Scientific Association of Oriental Studies under the USSR Central Executive Committee, 1929. – 170 p.

18. *Diskussiya o social'no-ehkonomicheskikh formacijah. Otkrytoe zasedanie sociologicheskoi sekcii obshchestva istorikov-marksistov ot 17 i 24 maya 1929 g.* [Discussion on socio-economic formations. Open meeting of the sociological section of the Society of Marxist Historians on May 17 and 24, 1929] // *Istorik-marksist.* – 1930. – V. 16. – P. 104–159.

19. *Protiv mekhanisticheskikh tendencij v istoricheskoi nauke. Diskussiya v Institute krasnoj professury* [Against mechanistic trends in historical science. Discussion in the Institute of Red Professors]. – M., L.: State Publishing House, 1930. – 240 p.

20. Sajt Natal'i Lajdinen. – URL: <http://www.laidinen.ru/women.php?part=6573&letter=&code=6602> (date of reference: 01.03.2019).

21. *Ganelin R.SH. Sovetskie istoriki: o chem govorili mezhdu soboj: Stranicy vospominanij o 1940-h – 1970-h godov* [Soviet historians: what they talked about among themselves: Pages of memories of the 1940s – 1970s]. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2004. – 213 p.

22. *Kurmacheva M.D. Ob ocenke deyatelnosti Ivana Groznogo* [On the evaluation of Ivan the Terrible] // *Voprosy istorii* [Question of history]. – 1956. – № 9. – P. 195–203.

23. *Dubrovskij S.M. Krest'janskoe dvizhenie v revolyucii 1905–1907 gg.* [The peasant movement in the revolution of 1905–1907]. – M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. – 168 p.

24. *Dubrovskij S.M. Stolypinskaya zemel'naya reforma. Iz istorii sel'skogo hozyajstva i krest'janstva Rossii v nachale XX veka* [Stolypin land reform. From the history of agriculture and peasantry of Russia in the early twentieth century]. – M.: USSR Academy of Sciences, 1963. – 600 p.

25. *Dubrovskij S.M. Sel'skoe hozyajstvo i krest'janstvo Rossii v period imperializma* [Agriculture and peasantry of Russia in the period of imperialism]. – M.: Science, 1975. – 398 p.

26. *Dubrovskij S.M. K voprosu ob urovne razvitiya kapitalizma v Rossii i haraktere klassovoi bor'by v derevne v period imperializma* [To the question of the level of development of capitalism in Russia and the nature of the class struggle in the countryside during the period of imperialism]. – M.: Institute of History, USSR Academy of Sciences, 1960. – 54 p.

Статья поступила в редакцию 18.02.2019 г.

Сведения об авторах

Алнаддаф Сафуан Нассиф, демонстрант кафедры истории (Дамаск), аспирант ИМОИВ, Казанский федеральный университет; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Ефимов Андрей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; e-mail: aaefimov5@gmail.com

Исповедников Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, главный специалист, Российский государственный военный архив (Москва); e-mail: mitispo@gmail.com

Карабанов Андрей Андреевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: karub07@mail.ru

Кислый Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, зав. отделом Института археологии Крыма Российской академии наук; e-mail: Kisly.a@mail.ru

Мельникова Дарья Андреевна, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: 31020307d@gmail.com

Минникова Татьяна Николаевна, штатный сотрудник, Тосненский историко-краеведческий музей, член Международной ассоциации исторической психологии им. проф. В.И. Старцева; e-mail: minnikovatn@mail.ru

Моисеева Екатерина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии, доцент, Саратовская государственная юридическая академия; e-mail: moiseevaen@rambler.ru

Мутиева Оксана Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства; e-mail: mutiewa.oksana@yandex.ru

Никуленкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: elena_na2004@mail.ru

Оськин Максим Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации; e-mail: maхозv@yandex.ru

About Authors

Alnaddaf Safwan Nassif, Teacher Assistant, Department of History (in Damascus), PhD student at the Federal University of Kazan; e-mail: Safwan1982.24@gmail.com

Ispovednikov Dmitriy Yur'yevich, Candidate of Historical sciences, Chief Specialist of the Russian State Military Archive (Moscow)

Karabanov Andrey Andreevich, Master student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University

Kisly Aleksandr Evgen'evich, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the Institute of Archeology of Crimea, Russian Academy of Sciences; e-mail: Kisly.a@mail.ru

Mel'nikova Darya Andreyevna, Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University; e-mail: 31020307d@gmail.com

Minnikova Tat'yana Nikolayevna, non-staff employee of the Tosno Historical Museum of Local Lore, member of the International Association of Historical Psychology by prof. V.I. Startsev

Moiseeva Ekaterina Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Sociology, Associate Professor, Saratov State Law Academy

Mutieva Oksana Saidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Dagestan State University of National Economy

Nikulenkova Elena Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, PushkinLeningrad State University

Os'kin Maksim Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanitarian and Social and Legal Disciplines, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association

Yefimov Andrey Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the RAS, aaefimov5@gmail.com

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования Ленинградской области
«ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. ПУШКИНА»

приглашает Вас к сотрудничеству в **новом научном журнале**

«ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

История повседневности стала в последние годы одним из ведущих направлений изучения отечественного и зарубежного прошлого. Актуальность данного направления определяется, во-первых, междисциплинарным подходом к анализу исторических проблем, что находит свое проявление в широком использовании методов этнологии и антропологии, демографии и политологии, экономики, психологии и филологии. Во-вторых, актуальность истории повседневности обусловлена особым вниманием к человеку, его обыденным проявлениям во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах, что способствует преодолению схематизма и упрощения в процессе познания истории.

К публикации в научном журнале «История повседневности» принимаются оригинальные (ранее не публиковавшиеся) научные статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов данного направления исторической науки:

- теория и методология истории повседневности;
- историография и источники по истории повседневности;
- событийная область публичной повседневной жизни отдельных людей и социальных групп;
- производственный быт и повседневность труда;
- экономическая повседневность в условиях мирного и военного времени;
- экстремальная, военная, революционная повседневность;
- аномальная повседневность;
- праздничная повседневность;
- влияние государственной политики на повседневную жизнь людей;
- международные отношения и их влияние на повседневную жизнь населения той или иной страны;
- общественное сознание и повседневная жизнь;
- эмоциональная сторона событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- гендерная история, история семьи и детства;
- этно-конфессиональный аспект истории повседневности;
- проблемы макро- и микро- истории.

На страницах научного издания (журнала) найдут свое место также информация о конференциях и других научных мероприятиях, затрагивающих проблемы повседневности и проходящих в разных регионах нашей страны и мира, комментированные публикации источников, рецензии и отзывы. Мы рассчитываем, что данный журнал станет посредником и организатором многочисленных научных дискуссий, объединив тех, кто активно занимается или только приступает к освоению проблем истории повседневности.

Редакция журнала принимает к рассмотрению рукописи на русском или английском языках **объемом от 0,5 до 1,0** печатного листа (электронная версия обязательна). С текстом статьи необходимо предоставлять один экземпляр внешнего отзыва, заверенного печатью организации, дающей отзыв.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

Правила оформления материалов:

НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ в статье должны быть указаны **УДК**, название статьи, аннотация (800–1000 знаков), ключевые слова (10–12 слов), ФИО авторов (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы или учебы, должность или курс (кафедра, институт, университет), страна, город, адрес служебный/домашний, телефон служебный/домашний, адрес электронной почты.

Компьютерный текст должен быть набран 14 кеглем в редакторе WORD; параметры страницы (поля) 2,0 см; абзац – 1,25; интервал – полупетухный; шрифт – Times New Roman; сноски оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [2. Л. 3].

Список литературы приводится 14 кеглем в конце статьи **по порядку упоминания в тексте**.

В списке источников и литературы должно быть указано не менее 10 наименований.

В ссылках на книги обязательно указываются издательство и количество страниц, в ссылках на журналы – страницы на которых расположена статья, в ссылках на Интернет ресурсы – дата обращения.

См. образцы:

1. Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). – СПб.: В. Березовский, 1911. – 32 с.

2. Мельцин М.О. От дворянского происхождения к судьбе советского интеллигента: жизнь и творчество В.Н. Долгорукова (Владимирова) // Новейшая история России. – 2013. – № 3(08). – С. 174–186.

3. Лобанов В. В. Роль труда в опытах физического воспитания В.С. Пирусского // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9(137). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-truda-v-opytah-fizicheskogo-vozpitaniya-v-s-piruskogo> (дата обращения: 01.12.2015).

4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 15 – Ольги Георгиевны Базанкур. Д. 1.

В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) и переведенный на английский язык библиографический список. Транслитерация должна осуществляться автоматически (можно воспользоваться ссылкой <http://ru.translit.net/?account=bsi>).

Порядок написания: **Авторы** (транслитерация); **название статьи** (транслитерация); [**перевод названия статьи на английский язык** в квадратных скобках]; **название русскоязычного источника** (транслитерация); [**перевод названия источника на английский язык**]; **выходные данные** с обозначениями на английском языке (город, издательство); **цифровые данные** (год, страницы).

Пример:

References

1. *Drake L.L. Kadetskii byt 50-kh godov (otryvochnye vospominaniya)* [Cadet Life 50s (fragmentary memories)]. St. Petersburg: V. Berezovskii, 1911. – 32 p.

2. *Mel'tsin M.O. Ot dvoryanskogo proiskhozhdeniya k sud'be sovetskogo intelligenta: zhizn' i tvorchestvo V.N. Dolgorukova (Vladimirova)* [Of noble origin to the fate of the Soviet intelligentsia: the life and work of VN Dolgorukov (Vladimirov)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2013. – № 3(08). – P. 174–186.

Полнотекстовые версии журнала размещаются на сайтах Научной электронной библиотеки и Киберленинки, включены в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования).

Статьи, оформленные в соответствии с указанными требованиями, можно отправить по электронной почте – **E-mail: v.a.veremenko@ya.ru**

Научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (9)

На обложке размещена репродукция картины
В. Е. Маковского «Не пуцу!», 1892 г.,
Национальный музей «Киевская картинная галерея», Киев

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.09.2018. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура Arial. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,25. Тираж 500 экз. Заказ № 1524

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10